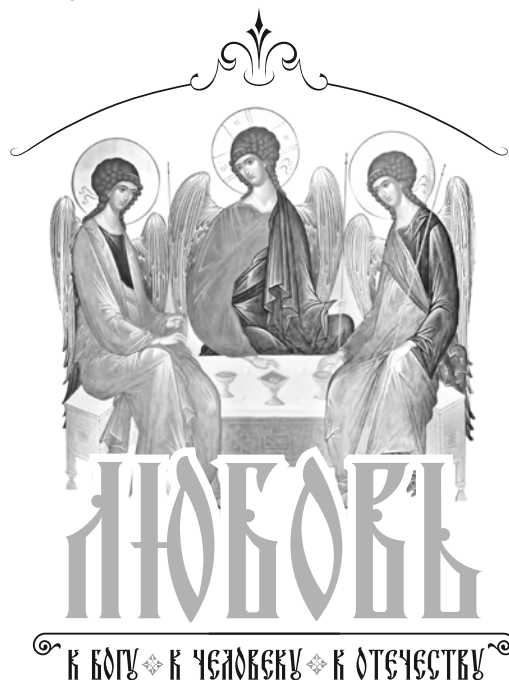

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

Возвращение

Издаётся по благословению
Преосвященнейшего Софония,
епископа Губкинского и Грайворонского

2021

Возвращение

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

Белгород – Губкин – Ракитное Культурный центр собирания русского опыта

РЕДАКТОР

Протоиерей Николай Германский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.В. Аксютин – философ, общественный деятель

В.И. Аннушкин – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

В.В. Блохин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин РУДН

А.В. Богатырёв – режиссёр-документалист, писатель

В.Д. Ирзабеков – писатель, публицист, гл. редактор портала Благотворительного фонда свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

М.Г. Калинин – ответственный секретарь и член Союза кинематографистов России, первый вице-президент Международной Академии творчества

А.Ю. Минаков – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма

С.А. Минаков – член Союза писателей России

Т.В. Москвина-Яценко – киновед, преподаватель ВГИКа, член жюри кинофестиваля «Радонеж»

В.В. Овчинников – чл.-корр. Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, заслуженный работник культуры РФ

Н.М. Ракитянский – доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

В.Н. Расторгуев – доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.И. Теличкина – народная артистка Российской Федерации

В.И. Тонких – заместитель председателя Союза кинематографистов России, политолог

И.А. Чарота – доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, зав. кафедрой славянских литератур Белорусского госуниверситета

ВЁРСТКА И ДИЗАЙН:

Лариса Плужникова

КОРРЕКТОР:

Надежда Васильева

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

309310, Белгородская область, п.Ракитное, ул. Пролетарская, 2
тел. 89103247401, email - kcentrsro@yandex.ru,
сайт - russkiyopyt.nko31.ru

Подписано в печать __. __. 2021. Объем __ печ. л. Печать офсетная.

Бумага офсетная 80 г/м². Тираж _____ экз. Заказ _____.

Отпечатано в типографии «Принт Мастер»,

г. Белгород, ул. Костюкова, 16а. Тел. +7(4722)555-929.

Содержание

Русская мысль

Платон Беседин.	Олег Павлов: в сердцевине света	7
Олег Павлов.	О России без русских	10
Иван Ильин.	О расчленителях России	13
	Мировая политика русских государей	16

Цивилизация

Святослав Князев.	Как формировался менталитет американского народа (История с аборигенами и калифорнийской лихорадкой)	21
Игорь Шафаревич.	Ответственность за то, что произойдёт, будет лежать на нас самих	31
Валентин Катасонов.	«Великая перезагрузка» или приближение к пропасти?	35
Михаил Таратута.	Куда несётся Америка	43
Игорь Балдин.	Переписанные учебники и оранжевые революции: как миллиардер Сорос десятилетиями влияет на дела государств	52

Церковь и время

Архимандрит Рафаил (Карелин).	Наша вера	56
	Восходя благодатью	59
	О воспитании детей	61
	Евангельские заповеди блаженства	64
Митрополит Антоний Сурожский.	Зачем Бог сотворил мир	69
Жан-Клод Ларше.	Христа ради «сумасшедшие»	74
	Кем был создан Апокалипсис? Каково его содержание? Кто такие Четыре всадника?	80

Великие соотечественники

Александр Боханов.	Александр III: император и человек	87
--------------------	------------------------------------	----

Русские дороги

Игорь Андрушкевич.	Солнце Земли Русской. Восьмисотлетие со дня рождения св. Александра Невского	96
	Пути и распутья Руси	101
	Национальность и гражданство	104

Гении разведки

Михаил Болтунов.	Феномен генерала Пржевальского	107
	Гений разведки, оказавшийся ненужным Родине	114

Духовность и культура

Ольга Сокурова.	Первое «Слово» русской культуры	122
Леонид Райгородский.	Иконопись и живопись. Иконы и картины	127
Андрей Кончаловский.	От чёрного квадрата – к чёрной дыре	138

О слове подлинном и слове мнимом

Епископ Митрофан (Баданин).	Правда о русском мате	147
-----------------------------	-----------------------	-----

Книжная полка

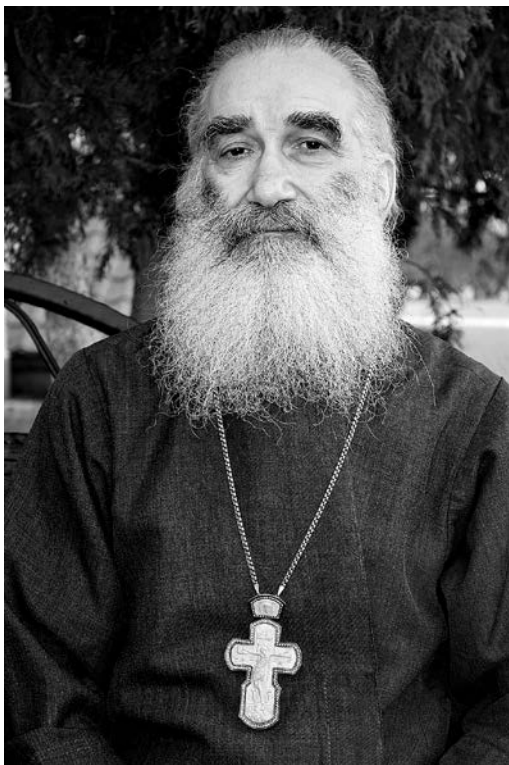
Антон Чехов.	Хамелеон	150
	В ссылке	160
	Злой мальчик	164
Андрей Платонов.	Цветок на земле	166
	Ещё мама	168
Сергей Комаров.	Божья Ловушка	172
Михаил Фатахов.	Накормить бомжа	177
	Люди встречаются неслучайно	178
Ольга Назарова.	Большая благодарность маленькой мухе	179

Чистое слово

Игумен Тихон.	Стихи	182
---------------	-------	-----

Богословие в красках

Леонид Успенский.	Богословие иконы Православной Церкви	184
-------------------	--------------------------------------	-----

СЛОВО РЕДАКТОРА

Пожалуй, никогда ранее человечество не испытывало в себе такой неуверенности, как нынче. Кто-то словно играет с ним злую шутку, понуждая сломя голову мчаться непонятно куда – лишь бы не остановиться и, не дай Бог, не задуматься над тем, что же всё-таки с ним происходит. Достаточно безжалостное время всё более вызываяще ведёт себя по отношению к Вечности и откровенно куражится над человечеством. И чем ближе его неизбежное завершение, тем этот кураж становится всё более откровенным и даже ужасающим. Но в этом, вероятно, и заключается задача времени – уничтожить в человеке ощущение своей соприродности Вечности, а значит, и Самому Творцу.

Давным-давно, ещё до Рождества Христова римский философ Цицерон произнёс знаменитую фразу «О времена, о нравы!», которая стала крылатой для всего человечества. Замечательно то, что эти слова при-

менительны к любой эпохе, к любому времени. Но мы, живущие сегодня, имеем право полагать, что для нас они подходят более всего.

Священное Писание сообщает человечеству о том, что земная история когда-то неизбежно завершится и будут «новая земля и новое небо». Неоспорим тот факт, что мы, живущие ныне, находимся ближе к этому грандиозному событию, чем все те, кто жил до нас. Но самое интересное и таинственное, на наш взгляд, заключается в том, что история жизни каждого из нас – это непостижимая история абсолютно неповторимой вселенной. Не зря святые отцы утверждают, что для Бога каждая человеческая жизнь дороже, чем «мириады звёзд».

Кажется, с окончанием человеческой жизни заканчиваются проблемы с едой и одеждой, с пенсиями и прочими выплатами, заканчиваются проблемы с воспитанием детей и нашими взаимоотношениями как с близкими людьми, так и со случайными прохожими, заканчивается, казалось бы, всё. Но на самом деле, всё не заканчивается, а только начинается.

Одной фразой наш великий соотечественник Фёдор Михайлович Достоевский определил историю земли, сказав словами одного из своих героев: «Здесь дьявол с Богом борется, а поле брани – сердца людей». И эта борьба есть не что иное, как борьба с одной стороны – за уничтожение, а с другой – за сохранение в наших сердцах божественных принципов. Западный мир и США делают всё возможное и невозможное, чтобы дискредитировать Россию, обогатить и изолировать её от мирового сообщества. Спросите, почему? Может, мы и на самом деле такие гадкие и лживые негодяи, недостойные даже и того, чтобы с нами дружить? Вовсе нет! Они хотят изолировать нас потому, что у нас ещё осталось что-то от этих божественных принципов, что не позволяет нам отказаться от традиционных ценностей: перестать папу называть папой, маму – мамой, девочку – девочкой, а мальчика – мальчиком. То, о чём мы сей-

час говорим, – страшно и даже чудовищно. Но мы вынуждены об этом говорить, потому что идеология глобализма, которую нам навязывают, предполагает полный отказ от традиционных ценностей, от национальных границ, от национальной культуры, родной веры, моральных устоев.

Ещё бесноватый Гитлер провозглашал: «Я освобождаю вас от грязной и разлагающейся химеры, именуемой совестью и моралью». Это слова одержимого дьяволом человека. Но как это ни парадоксально, почти вся немецкая нация была тогда пропитана этим духом. Сегодняшние западные идеологи ушли ещё дальше. Если фашисты хотели уничтожить «славян, цыган и евреев», то глобалисты хотят поставить на колени всё человечество. Заставив его отказаться от духовных ценностей, полностью извратив мораль. Хочет мальчик стать девочкой – не смей ему отказывать, иначе тюрьма. Тяжело пожилому человеку умирать – проявить к нему гуманизм, сделав смертельный укол-чик. И хорошо бы создать искусственный интеллект, чтобы вся жизнь стала искусственной, а нормальному человеку в ней бы не осталось места. И система сделает всё возможное, чтобы как можно больше мальчиков захотели стать девочками, а рабочие места заняли роботы. Лицемерная, лживая система сатанинских – а иначе и не скажешь – ценностей наступает на человечество. Но далеко не все и в западном, и в североамериканском обществе согласны с таким положением вещей. Но, как говорится, «кто платит, тот и заказывает музыку».

Сегодня очень многие во всём мире смотрят на Россию с надеждой на то, что она не сломается под этим сатанинским напором. А Россия – это не только Москва и «Питер», Россия – это все мы и каждый из нас. Именно на нас, как это кому-то не покажется странным, лежит ответственность за то, как долго существует Земля в том виде, в котором мы к ней привыкли. И в эти дни, когда мы вспоминаем славные страницы нашей истории, мы говорим о единстве русского народа. Сегодня оно, как никогда, проверяется на прочность.

Нынешнее человечество пребывает в самой настоящей войне, войне на два фронта. Во-первых, двуликий «коллективный» запад вновь пробует нас на прочность, а безумный «дядюшка Сэм» ловко подталкивает его на столкновение с нами, которое может стать последним в истории человечества. И особенно горько от того, что на главный фронт этой борьбы они выдвигают наш братский народ, продажные лидеры которого, предав православно-славянское братство, готовы этот народ принести в жертву, потому что он не является для них родным.

Таким образом, человечество балансирует на грани пропасти.

Во-вторых, пандемия, как попущение Божие, опустилось на человечество. И самое страшное в том, что она является прямым следствием богоотступнических деяний самого человека. Да и появилась она при прямом его участии. И здесь по-настоящему проверяются наши глубинные чувства, наше отношение к жизни и смерти, друг к другу и Богу. Вне всякого сомнения, болезнь существует и имеет своё неповторимое лицо, но почему мы забываем Евангельские слова Христа: «Не бойтесь убивающих тело... а бойтесь более того, кто может погубить душу и тело погубить в геенне». (Мф. 10:28). Почему же мы, в большинстве своём крещённые в Святую Троицу, в первую, а иногда и в единственную очередь думаем лишь о своём физическом существовании, забывая о душе и Вечности?! А СМИ, без сомнения желающие сделать лучше для всех нас, возбуждают такую истерию, которая невольно порождает всеобщую панику и страх. А страх, как известно, наотмашь бьёт по иммунитету, и болезнь легко побеждает человека вплоть до летального исхода. Ведь не секрет, что человек может умереть просто от страха, даже без всякого заболевания. Как было бы хорошо, если бы мы спокойно, разумно и с молитвой подходили к решению таких порою страшных проблем, как это и делали наши предки.

Один из ближайших сподвижников безумного Гитлера не менее безумный Геббельс

говорил: «Русские – это не народ в общепринятом смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты». Примерно такими же и сегодня нас пытается представить западная элита. Но были и нынче есть немало иностранцев, которые думают совсем иначе.

Выступая в 1987 году в Москве, в Олимпийском дворце, выдающийся итальянский актёр и общественный деятель Адриано Челентано, обращаясь к русскому народу, произнёс удивительные слова: «Ещё в детстве, мальчиком, я всегда представлял себе Россию как сказочную страну. Мне казалось, что в каждом доме топится печка, а вокруг собираются обитатели дома, чтобы поговорить. А за окном – снег. В доме потрескивают поленья в печи, и незримо присутствует мудрость. Вот так всегда я представлял себе Россию, край, находящийся в самом центре Земли, где даже войны не смогли убить мысль мудрецов. И я очень рад тому, что приехал сюда и могу здесь зажечь огонь, потому что, видимо, именно отсюда начнётся тот великий огонь, в котором сгорит всё зло».

История со всей очевидностью показывает, что русский народ – это великий народ с замечательными традициями и великой культурой, в фундаменте которых лежит Православие. Нам всем нынче пора наконец понять, что благодаря именно Православию мы выстояли и в XIII веке, когда благоверный князь Александр Невский не спасовал перед западом и Русь не приняла католичество. Так и во времена Великой смуты в 1612 году Минин и Пожарский собрали народное ополчение, всю ночь молились у Казанской иконы Божией Матери и выдворили засев-

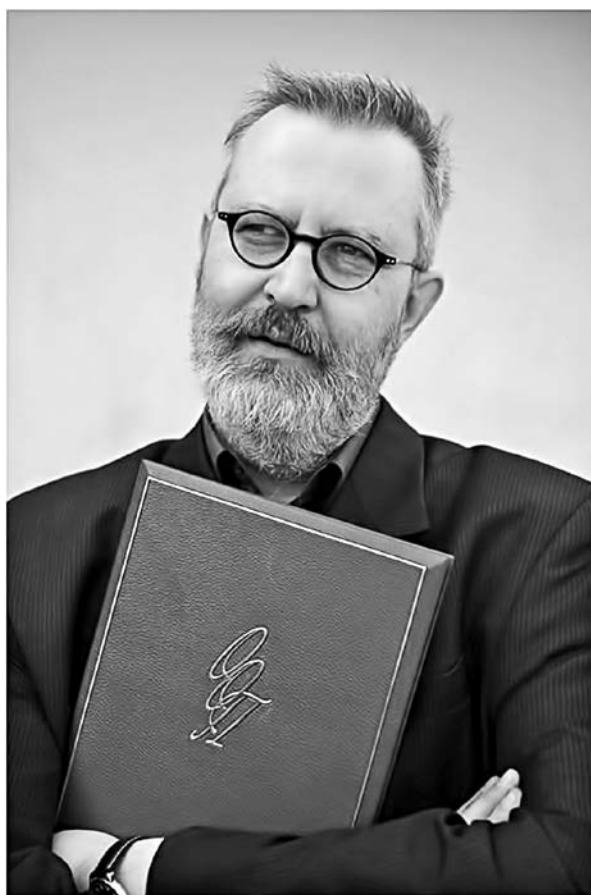
ших в Кремле поляков, также желавших нас окатоличить. В 1812 году «коллективный» запад во главе с Наполеоном вновь хорошенько получил по зубам. XX век не явился для России исключением, и фашистская Германия вновь сделала попытку попробовать нас на прочность. Что из этого получилось, все мы знаем. Справедливости ради хочется сказать, что не только наши недруги плохо изучают историю, но и мы в этом смысле, к сожалению, не отстаём от них. Ведь совершенно очевидно, что когда мы отворачивались от Бога, мы вплотную подходили к зияющей бездне небытия, а когда возвращались к Нему, беда проходила стороной. Что нам, наконец, мешает понять эту очевидную правду, принять её и попытаться жить этой правдой? Ведь наши предки были не глупее нас, когда в трудную минуту объединялись вокруг Церкви и Бога и давали сокрушительный отпор любому врагу. Для нас, русских людей, это единственный путь, для того, чтобы победить всякие страхи человеческие и приобрести страх Божий. А там и до любви недалеко. Ведь только любовь может утешить нас и дать силы, чтобы преодолеть любые испытания. Давайте ценить каждую минуту своей жизни, давайте уважительно относиться друг к другу, понимая, что каждый из нас носит в себе образ Божий, давайте укреплять наши семьи, дорожа миром в наших взаимоотношениях. Жёны, берегите своих мужей. Мужья, любите своих жён. Дети, слушайтесь своих родителей и чтите стариков. На этом стояла Православная Русь, и дай Бог, чтобы простояла ещё столько, сколько Ему это будет угодно.

Протоиерей Николай Германский.

Платон БЕСЕДИН

Олег Павлов: В СЕРДЦЕВИНЕ СВЕТА

Русский писатель Олег Павлов ушёл из жизни 7 октября 2018 года. Скоро в издательстве «Время» выйдет посмертное издание его произведений, подготовленное Лилией Павловой и Владиславом Отрошенко и включающее в себя ранее не опубликованные дневники, рассказы, статьи, философские заметки, размышления о классиках и современниках.

Олег Павлов
Российский писатель

Олег Павлов, большой русский писатель, не дожил до пятидесяти. Хотя многим казался старше, чем был на самом деле. То ли от груза мудрости лет, то ли от того, что столь много успел в литературе. Он появился в ней рано – в 1990 году, ему было всего 20 лет. Журнал «Литературное обозрение» опубликовал его автобиографический цикл рассказов «Караульные элегии». В них Павлов живописал будни «зон» глазами того, кто вынужден надзирать за людьми. Сам писа-

тель, попав в армию, служил в конвойных войсках Туркестанского военного округа, откуда был комиссован по состоянию здоровья. Уже тогда его сердце не выдержало атаки нагой, расхристанной жизни.

Таков оказался первый излом. Столичного образованного парня отправили в советскую армию, в бесконечные степи, охранять эков. Там он столкнулся и с жестокостью, и с равнодушием, и с несправедливостью, и с болью во всей её зияющей кровотокающей

полноте. Свои воспоминания, тоскливые, щемящие, как одиночество на краю пустыни, Павлов караваном слов протянул через всю жизнь: «Степная книга», «Карагандинские девятины» – всё это оттуда, из глубин раненого подсознания и выбеливающих равнин.

Павлова-писателя оценили, приняли, вознесли. В 24 года его «Казённая сказка», опубликованная в «Новом мире», попала в тройку лучших книг по версии «Русского Букера». Первенство она уступила лишь «Генералу и его армии» Георгия Владимова, расхвалившего тогда молодого коллегу. Виктор Астафьев вторил ему. Александр Солженицын доверил Павлову комментировать письма, приходящие ему в фонд. А в начале нулевых – в 2002 году – Олег Павлов получил «Русского Букера» за «Карагандинские девятины», разрывающие и беспощадные, как голодная до хандры людей вывернутая наизнанку жизнь, но вместе с тем до христианской проповеди милосердные.

Однако именно нулевые, казалось бы, начавшиеся для Олега с триумфа, принесли новый излом – уже профессиональный, творческий. Его вдруг, признанного, маститого, несмотря на скромные, совсем незначительные по писательским меркам 30 лет, попытались оттеснить, отодвинуть в сторону. И данный процесс был не только субъективным (с интригами, замалчиваниями, сведением счётов), но и, прежде всего, объективным – русская литература в начале XXI века словно обнулилась. Востребованным стало другое – актуальное, сверкающее, но без сердцевины, а условно молодые (впрочем, зачастую не младше самого Павлова) замаршировали на литературном плацу вышколенными рядами, сильно напоминающими партийную организацию.

Оказалось, что извечное «так жить нельзя» никуда не исчезло, но приняло иные стандарты. Павлов в них больше не вписывался – во многом потому, что настойчиво твердил, как жить можно и нужно. А его осуждающее «нельзя» касалось не народа, как то привыкли, а условий, поставивших данный народ в непристойное и неприглядное положение.

В 2017 году Олега Павлова наградили одной из крупнейших европейских премий Angelus, но даже об этом российское литературное сообщество ухитрилось «тактично» смолчать. Настолько оно ухватило за привычно удобные фигуры, часто ходульные, обнулённые и обнуляющие, но свои, комфортные, – ухватило за тех, кем управлять можно, выдав за моральные и нравственные авторитеты. Павлов в данные схемы не вписывался. Как и в любые другие. Он писал на языке «живом как жизнь» и о жизни живой, пусть часто и обезвоздушенной, но вдруг в одночасье закипающей, совершающей резкий излом и переворачивающей судьбу человека, народа, казалось бы, выкорчёвывая первоосновы в необходимости нащупать новые, дабы опереться в конечном итоге на никуда не исчезнувшее, но закамуфлированное и оттого позабытое.

Скажу странную, отчасти даже просто душную вещь, но у Павлова всегда было то, чего многие в одночасье лишились, – совесть. Очень русское качество, как и другое, Олегу свойственное, – стремление к подвигу, не только в жизни, по отношению к близким, но и в творчестве. Потому отодвинуть его оказалось невозможно. Да, последний роман писателя – «Асистолия» – вышел в 2010 году, однако всё это время Павлов, несмотря на трудности, испытания, не прекращал писать и делал это на измерение выше, талантливей, чище, чем многие литературные околонули: рассказы, не опубликованные при его жизни, но выходящие в посмертном издании, расставляют не точки даже, а многоточия.

Ведь творчество в целом и писательство в частности – болезненный марафон на длительную дистанцию, когда бежишь даже после ухода из жизни. Павлов имел выдержку, рождённую достоинством и честью, а главное – смирением в его подлинно христианском смысле. Том, которое позволяет двигаться дальше, пусть это и видится невозможным. Оттого правда Олега Павлова, как бы её ни боялись, проступила, оформилась – и с каждым годом, с каждым

новым читателем, нуждающимся в сострадании и в способности сострадать, когда мир вокруг сократится до пульсирующей точки, она будет разрастаться, возвращаясь на своё законное место.

В книгах Олега Павлова есть то, что долгое время питало и насыщало русскую прозу, хотя мало кто мог писать так в последние два-три десятилетия – великий талант неподкупно, без фальши рассказать о судьбе человека в трагическое время, бережно, но непоколебимо встав на защиту его человеческих прав и достоинств. «Казённой сказкой», «Делом Матюшина», «Карагандинскими девятинами» Павлов продолжил традицию великой русской литературы. Каждая строчка в его книгах – пережитая, донесённая с болью, кровью и мудростью; строчка, за которую пришлось заплатить (в том числе

и ранним уходом). Однако именно эта трагичность и возвышает произведения Олега на критическую высоту, с которой хорошо видно – только с неё и видно – истинную расстановку сил, акцентов, этические и эстетические терзания и перемещения – манёвры, совершающиеся на поле боя, коим стала душа человеческая.

Битва эта древняя, бесконечная – конца ей не предвидится, победитель вряд ли объявится, а потому остаётся верить, терпеть, искать откровение во взбитой сражениями пене дней, перетекающих в неуютную вечность. Той, где, перефразируя Платонова, жизнь темна, но человек в ней светится. И великий талант – этот свет уловить и донести его остальным людям, подарив и надежду, и утешение. Олегу Павлову это удавалось в полной мере.

О РОССИИ БЕЗ РУССКИХ

О реализме

Я когда-то не прошёл отбор на уровень государственной премии с формулировкой «не создал в своих произведениях ничего позитивного»... Но я убеждён, что литература нужна как правда. Если лишь человек может быть источником правды, то, передав его состояние в конкретных жизненных обстоятельствах, мы и узнаем её – настоящую, подлинную... И если мы хотим знать

правду о человеке, то должны узнать её всю, какой бы ни была она неудобной или мучительной. Только поэтому писатель обязан быть реалистом. Когда людей учили лгать – учили отказывать себе подобным в праве на сострадание. Лжи этой – океаны. Люди тонут. Спасительно каждое слово правды, то есть в нём всегда заключается спасение, достоинство чьё-то спасённое или даже жизнь.

О писателях и современности

Великий писатель – это великая душа. Такая сила сострадания, почти святая. То есть величина – только душа. Мы же, в общем, малодушны. Мы не знаем своей страны. Мы боимся своего народа. Понимаете, какой там великий национальный роман... Сколько нужно узнать, увидеть, понять, пережить, чтобы написать хотя бы «Каштанку»? Да, Чехов тоже в деньгах нуждался... Стремился к успеху у публики... Но интерес его к жиз-

ни, к людям был огромен – надо ли говорить? Наш читатель отзывчив очень к правде, именно к правде. Читают... Но кто знает, что самые популярные книги в России – православные. Церковная лавка – это, конечно, не книжный магазин. Но читают и покупают православные книги миллионы людей, которых статистика именно как читателей не учитывает. В то же самое время у нас в большинстве библиотек нет хотя бы Евангелия.

Писатель как «властитель дум»

Это есть и сейчас... Скольких увлёл Лимонов? Но куда? А что всплыло на митингах? В этой роли властителей дум всплыли именно литераторы: Быков, Акунин, Шендерович... Они над толпой, они к толпе обращались... Но мне представляется, что такой властью в России обладает сама интеллигенция, которая и творит кумиров... Это хорошо организованная умная сила. Но Толстого она, прогрессивная, славила – а Достоевского травила. Сегодня это некая интеллектуальная элита, а идея

элиты – господство. При этом они кричат, просто вопят на митингах, что не позволяют сделать себя рабами... Но я не чувствую себя рабом. Ни путинским, ни чьим-то другим, ну только Божьим, поэтому я бы к этой компании никогда бы не присоединился. Мне непонятно, кого же они представляют в конце концов... Нас?! Это ложь. Но и русские марши – это тупик. Русских загоняют в эту щель... Они же. Русский национализм – это такая мёртвая зона, в которой вырождаться будет всё самое лучшее в нас. Туда

запускают – но уже не выпускают. Передавать нужно одну истину: любовь. И доказывать одним: любовью. Нравственный человек страдает от страданий других. Лечите, учите, утешайте, милость к падшим призывайте – то есть служите. Вот призвание, человеческое тогда уж. А борьба с властью – это борьба за власть. Это страсть, которой разжигается в людях ненависть. Чехи, венгры, поляки не загибли под руинами перемён, а мы загибли. Говорят, они культурнее русских и были подготовленней к свободно-му труду, новым отношениям и прочее. Дело не в том, что чехи культурнее русских – они просто ничего «не рушили», в этом и есть превосходство их «культуры» над нашей. Тех не было, кто бы соблазнял рушить, разжигал крестовые походы на собственное национальное достояние. А наше главное

достояние – наше государство. Правители приходят и уходят. Вот ужас и мрак времён Грозного переродился в царствие Алексея Михайловича... А сталинский – в брежневскую эпоху... Да, застой. Ну а начали ломать и рушить – хребет народу переломили и разрушили страну. Новое поколение, пусть оно увидит, осознает, что происходило, произошло... Образованием и воспитанием можно всё поменять, всё исправить, то есть верой, что они будут лучше нас. Или у них, у наших детей, действительно не будет будущего. В то государство, которое есть сейчас, я не верю. Но я верю в русскую армию, в русскую культуру, в русскую церковь... В русский народ. Разрушить себя можем только мы сами. Но прежде всего – ненавистью. Этого и нельзя допустить. Наше единство – в любви. В любви к родному, к правде, к Богу.

Литература и настоящее

Всё, что происходило в нашей литературе, надо понимать как смену моральных состояний. Сегодня мораль определяют деньги. Литературной новостью оказывается лишь вручение премий... Кому, сколько, за что... Вот и все вопросы. Жизненное, честное, в чём есть смысл, то есть выстраданное всерьёз, чувства, мысли – это отсекается, устраняется. Дружная кампания по борьбе со смыслом и совестью. А смысл и совесть литературы, душа её – это народ... О народности русской литературы замолчали, перестав испытывать сочувствие к человеку. Двадцать миллионов людей потратили за двадцать лет бесконечных реформ, но об этом давайте молчать. Русское – ну это то, что наскрабаем из классики... Почему? Это такое идеологическое задание: трагедия русского народа должна показываться, так сказать, оптимистической или дурацкой, бессмысленной... Но кто сопротивлялся и писал правду – это русские писатели. Думаю, больше имён мы ещё узнаем или откроем заново, потому что пробивались к читателю единицы. Время, о котором хочу писать, – октябрь 1993 года.

Несколько дней массовых расстрелов, пыток и убийств, происходивших в Москве... Собираю материалы, свидетельства. Несколько лет назад я случайно узнал о судьбе Игоря Остапенко, офицера подмосковной военной части. Он погиб в ночь с 3 на 4 октября, в возрасте 27 лет, на Щёлковском шоссе, пытаясь с горсткой товарищей пробиться на помощь к тем, кто защищал парламент. Он был расстрелян, без суда и следствия. Офицер, он исполнил присягу. И верил, наверное, так. Но и все, кто тогда погиб, они верили. Эту веру расстреляли. Для меня в этом вопрос, потому что она была и моя. На стадионе «Красная Пресня» добивали пленных, а в Кремле в это же время пировали победители. Стоны, кровь – и пьянка. Вспоминают ли Быков или Акунин об этом? Тогда они, наверное, тоже праздновали. Победу. Но это было народное восстание, утопленное в крови, – и никогда не будем мы свободны, если этого не осознаем. Если тот же геноцид сталинский не осознаем как свою национальную трагедию... Новочеркасский расстрел... И этот геноцид... Понимаете, русские-то и не получили сво-

боду... Миллионы без родины остались... Но и в России национальный статус русских никак не гарантирован. Ну разве что язык государственный – он русский. У нас Татарстан – это суверенная республика, понимаете? Общей страны давно уже нет, а она и была нашей... Русские в национальных республиках – это заложники. В Чечне что было – ну и какая свобода? Свободная Чечня, именно «свободная» стала адом для русских. Две чеченские войны – это чтобы лишить их этой свободы... Чудовищное лицемерие – ведь об этом и молчали. Что там делали с русскими – об этом молчали. Сейчас молчат о якутском национализме, о татарском... Ну, не режут ещё. Спасибо. Но какое будущее ждёт русских в национальных республиках? Они свободны – а мы? Что осталось нам? Край, область, район – это резервации какие-то, пусть это будет хоть Красноярский край, но это резервация... Россия должна быть общей. Не федерацией – а общей страной, с региональным делением. Не для русских – для всех. Национальное её разделение – это расчленение. Но именно нас, как народа. Но когда внушается нам же ненависть к азиатам или кавказцам – это зло, которого мы почему-то не осознаём как зло. Мы были братьями, должны остаться братьями. Братское – общая история. Советское прошлое – оно должно бы стать такой памятью. Память о прошлом наша должна быть благодарной. Азиатские республики спасали русских, были тылом во время войны. Чем мы платим? Чем? Тем, что изгоняем их теперь, когда пришло дру-

гое время и мы богаче... Наша политика, не миграционная, а государственная тогда уж – подлая. Давайте им гражданство. Чего вы боитесь? Таджики? Узбеки? Молдован? Они будут служить России, как и служили ей... Или этого не было? Главный вопрос, исторический для России – это русский. Но в том смысле, что это русский мир, русская цивилизация могла принять и обустроить целые народы, даже своих врагов. Мы никогда не уничтожали тех, кого завоёвывали. Без нас не было бы и нынешних государств... Не было никакой государственности у казахов, у грузин не было. Русский вопрос – вопрос для всех народов, для которых Россия была естественной защитой, а русские – братьями. В общем, он и будет решаться. Но только не кровью. Этот выбор главный для каждого русского, то есть кто осознаёт себя русским не по крови, но по вере в это общее. Мы не должны проливать кровь, мы должны верить в добро, в свою страну – но общую для всех. Я бы сказал, что главная угроза для нас, то есть и не угроза, а то, куда нас ведут, – это фашизм. Русский фашизм – это наша гибель как народа. Фашизм – это психическая реакция толпы на слабость добра перед злом. Зло выплзает наружу и так себя показывает, заявляет, когда большинство озлоблено и не верит в добро: в его силу, справедливость, торжество. Но мы должны верить. И мы верим. Пусть над нашей верой глумятся – но мы должны прощать. В этом наша сила. Мы будем с Богом – Бог будет с нами. Вера – это всё. И всё – за веру.

Писать честно

Мне пишут много начинающих авторов, просят их оценивать, просят советов и прочее... Если доверяют, я всё-таки даю какие-то советы, хотя считаю это делом бесполезным, так как главный инструмент художника – это его душа, и поменять что-то в настройке этого инструмента, привести его к такой гармонии, чтобы слово было чудом и правдой, может только пережитое. Но если можно, то

именно таким людям отвечу – и, может быть, они услышат. Пишите честно – значит, о том, что увидели и пережили, когда всякое избражение прожито и появляется из души. Совесть – это Бог в тебе. То есть писать нужно как исповедоваться за всех своих героев перед Богом.

Ильин
Иван Александрович
Русский философ

О РАСЧЛЕНИТЕЛЯХ РОССИИ

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам, ибо мы знаем их, и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ её кажется им слишком многочисленным, намерения и планы её кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными», и самое «единство» её представляется им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен и культура которого инородна и своеобразна. Это противники – в силу слабости, опасения и неосведомлённости.

Другие видят в национальной России – соперника, правда, ни в чём и никак не посягающего на их достояние, но «могущего однажды захотеть посягнуть» на него или слишком успешным мореплаванием, или

сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты – по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более чем «историческим навозом» и что «сам Бог» предназначил его для завоевания, покорения и исчезновения с лица земли. Это враги – из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддаётся церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костёр его не взведёшь, то

остаётся одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги – из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным мановениям и под видом «федерации» – национальное обезличие. Это зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему!») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да ещё в исторически-мировом масштабе. Неумно ждать от неприятелей – доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погружённая в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволии, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчленённая, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и вообще ражающая, что её «благо» – в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (напр., по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выговаривается иногда открыто. И ещё недавно, в тридцатых годах, один соседний дипломат уверял нас,

что такое саморасчленение «бывшей России» по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнётся немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдёт со сцены в качестве опасного, – торгового, морского и имперского, – конкурента, а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собой республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии, и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушённых пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольётся неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой, и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдобратства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давя-

щий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». Единая Россия есть национально и государственно сильная Россия, блюдущая свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: всё это решительно не нужно её врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации исторически-национальной России ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под её крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным политическим доктринёрством, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России не подходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на неё (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые цели-

ком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему, очень близки к той «украинской пропаганде», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня две родины. Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи – с востока и с запада».

И вот, имея в виду русских расчленителей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот – сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ

I

21 января 1933 года в № 4690 французского журнала L'illustration была напечатана достопримечательная статья итальянского историка Гуилельмо Ферреро, прошедшего последнюю часть своей жизни в Женеве и скончавшегося там же в 1941 году.

Статья, озаглавленная «Прежняя Россия и мировое равновесие», высказывает ряд верных и справедливых мыслей о мировой политике русских Государей в 19 веке. Эти мысли прозвучали в Европе, как в стране глухонемых, и не оказали, конечно, ни малейшего влияния на укоренившееся здесь общественное мнение. Европа не знает России, не понимает её народа, её истории, её общественно-политического строя и её веры. Она никогда не понимала и её Государей, огромности их задания, их политики, благородства их намерений и человеческого предела их возможностей...

И, странное дело, каждый раз, как кто-нибудь знающий пытается высказать правду и поправить дело всеобщего невежества, он наталкивается на уклончивое безразличие и недружелюбное молчание. Ему не возражают, его не опровергают, а просто – «остаются при своём». Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для неё неправда. Её пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Достаточно любому ненавистнику России, напр., из «Грушевских украинцев», распространиться о пресловутом поддельном «завещании Петра Великого», о «московитском империализме», якобы тождественном с коммунистическим мирозавоеванием, и о «терроре царизма», – и европейские газеты принимают эту лживую болтовню всерьёз, как новое оправдание для их застарелого предубежде-

ния. Им достаточно произнести это политически и филологически фальшивое словечко «царизм», – и они уже понимают друг друга, укрывая за ним целое гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...

Нам надо понять это отношение, это нежелание правды, эту боязнь действительности. Всё видимое преклонение европейца перед «точным знанием», перед «энциклопедической образованностью», перед «достоверной информацией», словом, – вся этика истины – смолкает, как только дело коснётся России. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» её по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы её можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против неё; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для неё республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в неё с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на её «неиспользованные» пространства, на её сырьё или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту «гнилую» Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от неё военных усилий «до последней капли её крови»...

И вот когда в такой атмосфере кто-нибудь из них скажет несколько правдивых и справедливых слов о России, то мы должны выделить их из общего хора голосов.

Ферреро, как и другие, не знает истории России и не понимает ни её судьбы, ни её строя, ни её задач. Для него, как и для всех европейцев (о, как редкостны исключения!), Россия есть «далёкая, полуварварская импе-

рия», «олигархия восточных сатрапов», страна «деспотизма, подмявшего под себя сто миллионов людей», «огромное военное государство, основанное и управляемое мечом, эксцентричное, наполовину оевропеившееся»... Кроме этих мёртвых пошлостей, он не знает о России ничего. И потому – понять и объяснить мировую политику её Государей – он не может. Но он это честно выговаривает: «Эта политика», упорно и потомственно добивавшаяся в Европе и в Азии «устойчивого равновесия», есть для него «одна из великих тайн истории 19 века», которую «важно было бы изучить и понять». И вот Ферреро имеет мужество признать эту политику, точно формулировать её сущность и её значение для всего мира и с величайшею тревогою отметить её вынужденное прекращение. Предоставим слово ему самому.

Девятнадцатый век принёс Европе «очень немного войн», «мало кровавых и мало разорительных, кроме разве войны 1870 года. Германия, Франция, Англия, Соединённые Штаты – гордились до самого 1914 года тем порядком и миром, которые господствовали во вселенной в течение целого века, тем богатством, которое им удалось извлечь из этого порядка и мира», и соответствующим прогрессом. Все эти «чудеса, ослепившие 19 век, они считали своим делом и своею гордостью. Но теперь мы знаем, что мы тут были ни при чём, что это был почти бесплатный дар, поднесённый Германии, Франции, Англии, Соединённым Штатам, всему Западу – последними наследниками Византии», т.е. Царями.

«После 1918 года мы слишком скоро забыли, что с 1815 года до 1914 года, в течение века, Россия была великой силой равновесия в Европе». «С 1815 года до 1870 года Россия поддерживала и подкрепляла германский мир, помогая ему прямо и косвенно. В 1849 году она спасла Австрию, послав в Венгрию свою армию, чтобы подавить мадьярскую революцию. Бисмарк смог объединить Германию и создать империю между 1863-1870 годами, потому что петер-

бургское правительство давало ему свободу, если не прямо поощряло его. Тогда в Петербурге хотели усиления Германии, чтобы она была противовесом Англии и Франции, врагам России по Крымской войне. Но после 1870 г. германский мир быстро принимает гигантские размеры и замашки. И вот Россия понемногу отделяется от него и переходит в другой лагерь. В 1875 году она помешала Германии напасть на Францию. После 1881 года»... Россия всё больше и больше сближается с Францией. Почему? Потому что германское могущество всё возрастает». Наконец, в 1891 году заключается настоящий союз с Францией, а в начале 20 века «Англия и Россия, два соперника, объединяются против германской опасности».

Как бы ни объяснялась тайна этой «выдержанной, вековой политики европейского равновесия», проводившейся русскими Императорами, – «бесспорно, что если Европа пользовалась целый век миром, лишь с перерывом от 1848 до 1878 года, то она обязана этим в значительной степени такой русской политике. В течение века Европа и Америка были на банкете всеобщего благоденствия гостями и почти прихлебателями русских Царей.

Но этим «парадокс не исчерпывается: эта огромная военная империя»... «была также стражем порядка и мира в Азии. Ураган, разоряющий Азию вот уже больше 20 лет (теперь уже 39 лет!), начался только в 1908 году вместе с турецкой революцией и в 1911 году вместе с китайской революцией. С 1915 года до этих революций Азия пребывала в сравнительном порядке, которым Европа широко пользовалась для распространения своего влияния и для устройства своих дел. Но этот порядок поддерживался, главным образом, страхом перед Россией. В Турции, в Персии, в Индии, в Японии – имелись англофильские партии. Все уступали интригам или даже господству Англии, потому что Англия казалась защитой против московской империи и меньшим злом». Таким образом, «обе державы помогали друг другу, ведя борьбу друг против друга; и их азиатское соперничество

было самым парадоксальным сотрудничеством в мировой истории». Понятно, что «крушение царизма» в 1917 году «стало для Азии сигналом к восстанию против Европы и против западной цивилизации».

Теперь «все заняты новым правительством, овладевшим Россией», стараясь разгадать его намерения, и «забыли об империи Царей, как если бы она исчезла совсем»; а между тем «последствия её крушения только ещё начинают ощущаться». «Цари России уже не даруют ежедневно Европе и Азии даров мира и порядка», а «Европа и Америка не находят ничего такого, что могло бы заменить эту политику равновесия, в течение века регулирующую жизнь Вселенной».

Всё это было написано в 1933 году. С тех пор произошло очень многое, подтвердившее предвидения и опасения Ферреро. Миролубивая Россия лежит всё ещё в страсти, в разорении, унижении и муках. Её место занято посягающим «на всё» Советским Союзом. Это новое, в корне нерусское и враждебное национальной России псевдогосударство явилось невиданным в истории человечества революционным и военным агрессором – и мир трепещет в ожидании новой разрушительной войны. Регулятором мирового равновесия пришлось стать Соединённым Штатам.

Но вернёмся к прошлому, к «неразгаданной тайне», выдвинутой в статье Ферреро.

II

Голос политической честности, гражданского мужества и искреннего непонимания – всегда производит глубокое впечатление, особенно в нашем пролганном мире. Этот голос заслуживает внимания и уважения.

Первое, что необходимо установить для разъяснения выдвинутой итальянским учёным проблемы и политической «тайны», – что между русскими Государями и русским народом существовала духовно-органическая связь. Эта связь прерывалась очень редко; и государи, не умевшие установить её (Анна Иоанновна под влиянием Бирона, Иоанн Шестой по малолетству и Петр III по чужеземству), проходили в русской истории как тени. Иностранная кровь, вливавшаяся в русскую династию (в силу «равнородных» браков) – преодолевалась обычно уже в следующем поколении. Этому содействовали глубокие духовные обстоятельства. 1. Своеобразие русского духовного уклада, не совмещающегося с западноевропейским укладом и властно требующего ассимиляции. 2. Православная вера, вовлекающая в религию главное чувствительное человеческой души и не мирящаяся

с формальной обрядностью и условным ханжеством. 3. Особливость русской государственной судьбы, трагической по самому своему существу: её надо понять трепетом сердца и принять совестью и волею. 4. Сила нравственного излучения, исходившего от монархически чувствующего и водящего народа, направленного к Государю и его Дому. 5. Чуткая даровитость русских Государей, религиозно-осмысливающих своё служение и вдохновлявшихся верою в русский народ, а также, в особенности, – любовью к нему. В силу всего этого драгоценная связь между монархом и народом устанавливалась быстро и напрочно. Это давало русским Государям возможность чувствовать и созерцать свою страну, жить в основном русле его истории и мыслить из его трагической судьбы. Они, так сказать, «врастали» в Россию, чему много содействовала художественная даровитость русского человека. Русский народ, созерцая сердцем своих Государей, вовлекал их (уже в звании наследника!) в ответное сердечное созерцание, и государям – инстинктивно и интуитивно – открывалось самое существенное: душевный и духовный уклад русского народа, его историческая судь-

ба, его грядущие пути и, в особенности, его опасности. Они оставались людьми и могли ошибаться (недооценивать одно и переоценивать другое); это возлагало на русских людей – долг правды и прямого состояния перед Государем. Но в основном они редко сомневались.

К началу 19 века русский народ нуждался прежде всего и больше всего – в мире. Он провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально две трети своей жизни – за свою национальную независимость и за своё место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи. Эти войны столетиями растрчивали его лучшие силы: гибли самые верные, самые храбрые, самые сильные духом, волею и телом. Эти войны задержали его культурный и хозяйственный рост. Им надо было положить конец. А между тем с семилетней войной (1756-1762) Россия была вовлечена в западноевропейские трения и войны: она стала членом «европейского концерна» на положении великой державы и не могла уже отказаться от этого пути. Следование по нему принесло нам целый ряд величайших государственно-вредных осложнений: разделы Польши, суворовский поход и затяжные войны с Наполеоном, окончившиеся, как известно, опустошением ряда губерний, сожжением Москвы и ликвидационной войной за пределами России. В общем, много славы, очень много ненужного бремени и огромные потери.

После наполеоновских войн положение России выяснилось недвусмысленно. Дипломатически и стратегически «уйти из Европы» – значило бы предоставить опередившим нас европейским державам сговариваться на свободе против России, замышляя против неё недоброе, а самим пассивно ждать нового вторжения «двунадесяти язык». Этот исход был бы равносильным самопредательству. Технически же, хозяйственно и культурно этот уход был бы ещё большей ошибкой. Но, оставаясь в «европейском концерте», надо было считаться с неизбежностью новых стратегических вовле-

чений в западные дела и соперничества. Оставалось одно – мудрое и верное: неуклонно и искусно поддерживать в Европе и Азии равновесие сил и длительное замирение.

И вот, начиная с первой французской революции, впервые показавшей европейцам весь размах этого заразительного психического заболевания масс, Россия должна была считаться с двумя кровавыми опасностями, идущими из Европы: с войной и с революцией. Это уразумели уже Екатерина II и Павел I. Что может дать России европейская война – показали тогда наполеоновские походы. Что может вызвать в России массовое восстание, показали бунт Разина, стрелецкие заговоры при Петре Великом и самозванство Пугачёва. Русские государи 19 века видели обе эти опасности, которые несколько не тревожили русскую революционную интеллигенцию. Поэтому они стремились оградить Россию и от ненужных войн, и от революционных безумий. Они хотели вывести народ, по возможности без войн и решительно без революций, на путь реформ, дальновидно подготовлявшихся Императором Николаем I и превосходно осуществлённых Императором Александром II.

Ныне история подтвердила их политическую линию: строить Россию мировым равновесием сил; не допускать её провала в стихию восстания; и повышать уровень её культуры и правосознания. В начале 20 века, когда Россия больше всего нуждалась в мире и лояльном прогрессе, именно война и революция принесли ей невиданное в истории крушение и превратили её в очаг мировой заразы...

В течение всего 19 века европейцы не верили – ни в миролюбие России, ни в мудрые и прогрессивные замыслы её императоров. Они уверяли себя, что Россия стремится к территориальному расширению и желает покорить себе всех соседей. Конечно, у страха глаза велики; но ведь и сила суждения, именуемая в общежитии «умом», даётся человеку на что-нибудь... Европейцы сделали себе из России что-то вроде «пугала». Это объясняется, между прочим, провинци-

альностью их политического горизонта: они никогда не могли представить себе того пространства, которым Россия уже оплодотворена, и в то же время обременена; они все воображали, что Россия с её малою плотностью населения нуждается в их переуплотнённых жителями клочках территории; они не понимали, что экспансия имеет смысл только в сторону менее населённых стран и что Россия с её православной верою и с её просторами никогда не могла дойти до чудовищной германской мысли – истреблять население завоёванной страны, чтобы отдать её своим насильникам... На самом же деле – не русских тянуло завоёвывать Европу, а европейцы разных государств мечтали (вслед за шведским королем Густавом Адольфом!) отодвинуть Россию в Азию и отнять у неё её «передние» европейские земли. Последние полвека наглядно подтвердили это стремление – и со стороны Германии (два похода на Россию, в Прибалтику и на Украину вплоть до Волги и Кавказа!), и со стороны Польши, определённо мотивировавшей свою экспансию на

восток «необходимостью обеспечить свои грядущие поколения» коренными русскими землями и доныне заселёнными русским народом.

Всё это заставляет нас признать миролюбивую и уравновешенную политику русских Государей в 19 веке – национально верной, дальновидной и мудрой. Она является прямой противоположностью советскому революционному завоевательству и может казаться «империалистической» или «таинственной» только неосведомлённому европейцу, раз навсегда испугавшемуся «русского колосса» и ликующему каждый раз, как ему даётся повод провозгласить, что сей колосс – «на глиняных ногах». И если бы европейские газетчики знали и понимали, какая политическая глупость нужна для того, чтобы повторять их отождествление русской национальной политики «равновесия» с советской политикой революционного завоевания мира, то многие из них вырвали бы себе остатки волос на голове...

Святослав Князев
*Журналист, историк,
специалист в области
международных отношений*

КАК ФОРМИРОВАЛСЯ МЕНТАЛИТЕТ АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

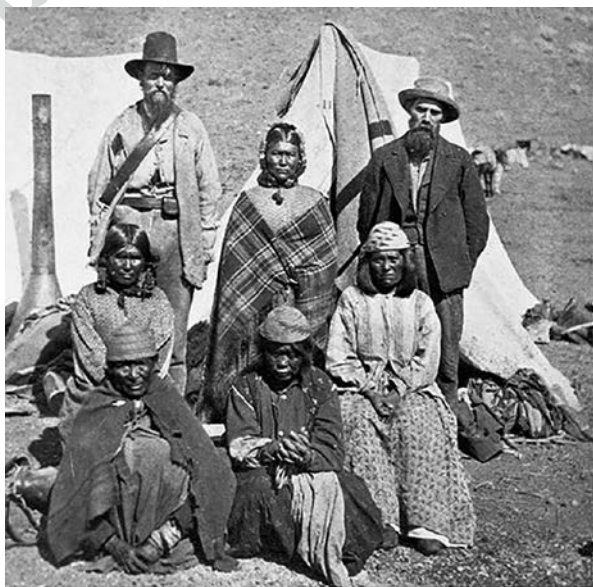
«ИНДЕЙЦАМ ПРОСТО НЕ ОСТАВАЛОСЬ МЕСТА»: как переселенцы отвоёвывали земли у коренных жителей Северной Америки

3 октября 1873 года власти США казнили вождя индейского племени модоков Кинтпуаша, более известного как Капитан Джек. Пытаясь защитить права своего народа и свои земли, он вёл с американцами долгие переговоры. Однако белые переселенцы не захотели идти навстречу коренному населению Северной Америки. Жертвами многолетнего противостояния стали сотни людей, причём в этой борьбе преимущество зачастую было на стороне индейцев. Не сумев победить Капитана Джека в бою, американцы внесли раскол в его племя, принудили вождя сдаться в плен и, устроив формальный суд, повесили. По мнению историков, войны с коренными народами

Американского континента были политически выгодны Вашингтону – «индейская угроза» консолидировала общество и позволяла наращивать военный бюджет.

Хотя первые европейские колонизаторы добрались до Калифорнии ещё в XVI веке, активно осваивать земли на тихоокеанском побережье Северной Америки они начали сравнительно поздно – здесь не было никаких материальных ценностей, которые можно было бы вывезти.

Массовый приток белых колонистов на западное побережье континента начался только в середине XIX века и вскоре резко вырос – в Калифорнии нашли золото. Большая часть местных индейцев не были воинственно

*Представители племени модоков,
1873 год.*

настроены, ведь на протяжении нескольких веков они жили в спокойных условиях. Однако за считанные годы они были вырезаны практически полностью.

Проблемы у колонистов возникли только с племенами модоков и кламатов, проживавшими в Северной Калифорнии. Первыми исследователями этих мест в 1840-е годы стали американские путешественники Джон Фремонт и Кит Карсон. Однако в 1846-м на их лагерь ночью напали неизвестные индейцы. В стычке погибли три члена экспедиции. Джон Фремонт выместил свою злобу на первой же деревне кламатов: обладавшие огнестрельным оружием белые путешественники перебили всех попавшихся им на глаза мужчин, женщин и детей.

Первые беды

В 1851 году в Калифорнии началась золотая лихорадка, тысячи американцев и выходцев из Европы двинулись на западное побережье Северной Америки и стали вытеснять коренные народы с их земель. Индейцы Пит-Ривер оказали сопротивление. Американцы в ответ направили карательную экспедицию, участники которой не

стали искать виновных, а просто полностью уничтожили деревню модоков, хотя те на тот момент в столкновениях с белыми ещё не участвовали. Кинтпуаш, будущий вождь модоков, во время нападения белых потерял большую часть семьи, включая отца.

После конфликта модоки перестали пускать колонистов на свои земли. Вооружённое противостояние между переселенцами с одной стороны и модоками, кламатами и яхоскинами с другой продолжалось более десяти лет.

В конце концов вожди индейцев осознали, что численное превосходство на стороне противника, и согласились передать американским властям обширные территории в Калифорнии и Орегоне в обмен на мир. Они дали белым гарантии, что будут жить в выделенной им резервации, получая от правительства еду, одежду и кров. Однако договор подписали не все вожди модоков. Кинтпуаш, получивший к этому времени прозвище Капитан Джек, никаких обещаний белым давать не стал, хотя вместе со своим племенем всё же переехал в резервацию.

Кинтпуаш, 1864 год

Однако выделенные модокам земли изначально принадлежали кламатам, которые новым соседям были не рады. К тому же оказалось, что администрация резервации не располагает средствами для поставок модокам еды и одежды. При этом в резервации они были лишены возможности вести привычный образ жизни. В итоге в 1865 году группа модоков во главе с Капитаном Джеком покинула резервацию, направившись в свои традиционные охотничьи угодья на Лост-Ривер. Вернувшись, модоки потребовали, чтобы белые фермеры платили им едой и вещами за право находиться на индейской земле. Те согласились, но периодически тре-

бовали от властей изгнать индейцев окончательно.

Несколько раундов переговоров с Кинтпуашем закончились неудачно, и ведомство по делам индейцев в 1869 году заманило модоков на встречу, тайно вызвав регулярные войска. Большую часть племени удалось принудительно отправить в резервацию. Капитан Джек бежал с группой воинов, но его двоюродная сестра, вышедшая замуж за белого фермера, уговорила вождя вернуться и присоединиться к своему народу. Однако конфликт с кламатами обострился, и в 1870 году Капитан Джек и около двух сотен его людей окончательно покинули резервацию.

Модокская война

Вскоре представители местной администрации обратились к федеральным властям с рекомендацией удовлетворить просьбу Капитана Джека и выделить ему небольшую резервацию на старых землях модоков. Но это обращение осталось без ответа. К тому же за время отсутствия модоков на их землях появились новые поселенцы, не имевшие с индейцами никаких контактов. Появление законных хозяев этих территорий их только раздражало.

В 1872 году под давлением новых переселенцев власти решили загнать группу модоков в резервацию силой. И в конце ноября лагерь Кинтпуаша на Лост-Ривер был окружён регулярными войсками США и местной милицией. Капитан Джек не желал войны и согласился проследовать в резервацию, приказав своим людям выполнить требование американцев и сдать винтовки. Однако один из молодых воинов всё же оставил за поясом револьвер. Это не осталось незамеченным. Завязалась ссора, модоки схватились за брошенные винтовки. Началась перестрелка, известная как Сражение на Лост-Ривер. Погибли один американский солдат и двое модоков, несколько человек были ранены.

Американцы, несмотря на численное преимущество, отступили. Модоки скрылись в расщелинах горного кряжа, который впо-

следствии стали называть Крепость Капитана Джека. За месяц против 52 модоков было стянуто около 400 солдат регулярной армии с пушками. Кроме того, к убежищу индейцев подошли отряды местной милиции из Калифорнии и Орегона. 17 января во время американского наступления на кряж опустился густой туман. Армия потеряла 35 человек убитыми и 25 ранеными, так и не нанеся никакого ущерба модокам. Суеверные солдаты приписали успех Капитана Джека стараниям модокских шаманов. Боевой дух американцев был подорван.

25 января власти США решили снова начать с модоками переговоры. К индейцам отправили представителей местной власти, а также участника Гражданской войны, опытного генерала Эдварда Кэнби – в качестве координатора от армии.

Кинтпуаш сразу же заявил, что желает мира. Но потребовал амнистии для своих людей и выделения земель под резервацию в родных местах. Однако американцев эти условия не устроили. Они настаивали на том, чтобы модоки вернулись в старую резервацию, и требовали суда для индейцев, убивших при отступлении нескольких поселенцев. Когда же вождь поинтересовался, почему ему не выдают белых, виновных

в убийствах индейских женщин и детей, он услышал в ответ, что индейский закон мёртв и что Америка теперь живёт только по правилам белых людей.

За то время, пока шли переговоры, сопровождавшие Капитана Джека модоки услышали в военном лагере разговоры, что никакой амнистии для индейцев не будет и губернатор

намерен их схватить на выходе из крепости и повесить. Эти слухи были переданы вождю, но Кинтпуаш не оставлял попыток договориться. Некоторые из его людей обвинили его в трусости, требуя от вождя немедленно убить Кэнби. Капитан Джек пообещал сделать это только в том случае, если генерал и дальше будет предъявлять индейцам ультиматумы.

Рубикон перейдён

11 апреля 1873 года вождь модоков потребовал от Кэнби отвести войска и организовать резервацию на Лост-Ривер. А когда генерал ответил отказом, сославшись на необходимость обсудить это с Вашингтоном, Капитан Джек выхватил пистолет и застрелил его. Сопровождавшие Кинтпуаша воины смертельно ранили ещё одного участника переговоров – священнослужителя, преподобного Томаса.

15 апреля по убежищу модоков был открыт артиллерийский огонь. На следующий день солдаты перекрыли источник, из которого индейцы набирали воду. Положение людей Капитана Джека стало отчаянным. 17 апреля солдаты пошли на штурм, потеряв семь человек убитыми. Со стороны модоков погибли двое детей. Некоторые индейцы сдались американцам. А Капитан Джек с группой воинов смог покинуть убежище и уйти по многочисленным расщелинам.

В течение следующего месяца произошло ещё несколько стычек, погибли десятки людей с обеих сторон. Вскоре американцы пошли на хитрость, уговорив приближённого Кинтпуаша – Хукера Джима и его последователей, сдавшихся армии США, содействовать в поимке Капитана Джека в обмен на амнистию за убийства поселенцев. Новый командующий генерал Джефферсон Коламбус Дэвис взял их под защиту армии, пообещав помилование.

Благодаря Хукеру Джиму лидер мятежных модоков 4 июня был захвачен вместе с семьёй. Местное командование сразу же хотело казнить его, но Вашингтон настоял на показательном суде. Индейцам не предоста-

вили адвоката и даже толком не разъяснили ситуацию. 8 июля Капитан Джек и пятеро его воинов были приговорены к смертной казни. 3 октября 1873 года вождя модоков повесили вместе с его людьми в Форте Кламат.

По окончании Модокской войны Хукер Джим был отправлен на так называемую Индейскую территорию, где и скончался в 1879 году.

За время войны американцы потеряли 73 военных и потратили колоссальную по тем временам сумму – \$400 тыс. Модоки убили единственного за всё время индейских войн полного генерала армии США (погибший в бою с сиу Джордж Кастер, которого некоторые исследователи называют вторым полным генералом, считался генералом только у добровольцев, а в армии он был лишь подполковником – RT). Индейцы, по численности уступавшие противнику в десять раз, потеряли в боях всего 17 человек. Остатки группы Капитана Джека объявили военнопленными и отправили в резервацию в Оклахоме, где большинство скончались из-за плохих условий проживания.

«При желании американцы могли договориться с индейцами о мирном сосуществовании, тем более что свободной земли в стране хватало. Но в коренных обитателях Америки видели эмоциональное препятствие, напоминание о том, кто является настоящим хозяином этих земель, и поэтому их уничтожали, не считаясь с потерями».

Кроме того, из индейских войн извлекали политическую выгоду: напоминая об

“индейской угрозе”, власти США консолидировали общество и распоряжались военным бюджетом на своё усмотрение», – рассказал в беседе с RT академик Академии политических наук РФ, заведующий кафедрой РЭУ им. Г. В. Плеханова Андрей Кошкин.

По мнению эксперта Центра исследования проблем безопасности РАН Константина Блохина, перейти к конструктивному общению с индейцами американцам мешали амбиции.

«XIX век – это эпоха доктрины Монро. Американцы чувствовали себя великой державой и не могли позволить себе договариваться с индейцами, которых считали дикарями. Всю Америку потомки белых поселенцев видели исключительно своим пространством. Индейцам в их планах просто не оставалось места. Уделом коренных американцев должна была

стать изоляция в удобных для белых местах. А пока индейцы находились рядом с белыми поселенцами, они всё время служили для них раздражающим фактором», – подчеркнул он.

Андрей Кошкин считает, что политика современных США во многом аналогична той, что проводилась в отношении индейцев в XIX веке.

«Что касается коренных жителей континента, то американцы относились к ним крайне жестоко. Но разве они не так же вели себя в XX и XXI веке – во Вьетнаме и на Ближнем Востоке? С этой точки зрения ничего не изменилось. В Вашингтоне всегда готовы избавиться от тех, кто не вписывается в удобную для Соединённых Штатов картину мира», – подытожил эксперт.

В ПОГОНЕ ЗА «КАЛИФОРНИЙСКОЙ МЕЧТОЙ»: как золотая лихорадка в США повлияла на самосознание американцев

19 августа 1848 года в американской газете The New York Herald появилось сообщение о том, что в Калифорнии обнаружено золото. Эта новость спровоцировала знаменитую золотую лихорадку: тысячи людей бросились на запад искать драгоценный металл. Однако запасы легкодоступного золота стремительно иссякли – разбогатеть удалось лишь единицам из десятков тысяч старателей. Тем не менее события середины XIX века в сознании американцев равнозначны эпизодам Гражданской войны, отмечают историки. По их мнению, романтизированная кратковременная погоня за золотом стала одной из основ культурного наследия Соединённых Штатов.

Старатель в поисках золота

© Library of Congress

Форт-Росс, Калифорния © Library of Congress

Калифорния до золота

В состав Калифорнии как исторического региона входят вытянутый полуостров на Тихоокеанском побережье Северной Америки и прилегающие к нему прибрежные районы западной окраины континента. Южная часть Калифорнии (собственно полуостров) в наши дни принадлежит Мексике, а северная – Соединённым Штатам.

Первые европейцы добрались до этих мест ещё в XVI веке. Разгромившие империю ацтеков испанские конкистадоры бредили поисками новых сверхбогатых государств, но в Калифорнии они встретили только бедные индейские племена, добывавшие себе пропитание охотой, собирательством и подсечно-огневым земледелием. Не обнаружив дворцов и храмов, колонизаторы надолго утратили к этой местности всякий интерес.

Только в конце XVII века в южной части Калифорнии появилась первая миссия иезуитов. Орден оставался единственной реальной европейской силой в этих местах на

протяжении почти ста лет. Ближе к концу XVIII века испанские колониальные власти направили серию экспедиций в Северную Калифорнию и основали там несколько поселений, в частности Сан-Франциско. Однако в целом эти места оставались практически не освоенными европейцами.

В начале XIX века несколько экспедиций в Калифорнию совершили и представители российско-американской компании с Аляски. В 1812 году они договорились с индейцами о передаче земель к северу от Сан-Франциско и основали на них Форт-Росс.

Испанцы были не в восторге от этой инициативы, но россияне подчёркивали, что земли в Северной Калифорнии официально Испании не принадлежат и поэтому индейцы вольны ими распоряжаться по собственному усмотрению. Испания не желала вступать в конфликт с Российской империей, поэтому пыталась оказывать на новых соседей только дипломатическое давление.

Джон Саттер
© Library of Congress

В 1830-е годы российский посланник Фердинанд Врангель договорился с руководством недавно образовавшегося Мексиканского государства о признании Северной Калифорнии частью России в обмен на официальное признание мексиканской государ-

ственности Санкт-Петербургом. Ввиду того, что Мексика и так уже была независимой, Россия абсолютно ничего не теряла. Однако сделке не суждено было состояться по другим причинам – из-за отсутствия поддержки Николая I.

Обитатели российской колонии в Калифорнии быстро нашли общий язык со всеми соседними индейскими племенами и практически с ними не конфликтовали. При Форт-Россе существовали богатые фермы, развивалось животноводство, строились суда. Руководство колонии предлагало российским властям начать переселять в неё освобождённых крепостных крестьян, однако Министерство иностранных дел выступило против. После сокращения популяции морской выдры и начала закупок продовольствия для Аляски у Компании Гудзона залива интерес российских властей к Калифорнии полностью угас. В итоге колония была продана в 1841 году американцу Джону Саттеру всего за 42 857 рублей. Причём, по некоторым данным, Саттер за неё так до конца и не рассчитался.

После ухода русских Северная Калифорния номинально полностью вошла в состав Мексики. Саттер заявил, что намеревается

Сан-Франциско, 1851 год © Library of Congress

объявить свою часть Тихоокеанского побережья французским протекторатом, но не успел – в 1846 году в Калифорнию вторглись войска США. Американцы провели массовые аресты местного населения и организовали провозглашение Калифорнийской респу-

блики. В феврале 1848 года Соединённые Штаты полностью аннексировали Верхнюю Калифорнию. Такое положение было окончательно зафиксировано в мирном договоре Гуадалупе-Идальго.

Золотая лихорадка

24 января 1848 года возле лесопилки Джона Саттера, который приобрёл Форт-Росс, один из его рабочих – Джеймс Маршалл – обнаружил несколько крупинки золота. Саттер попытался сохранить это в тайне, однако узнавший о находке калифорнийский купец и издатель Самюэль Бреннан решил заняться торговлей золотом и прошёл по улицам Сан-Франциско, держа над головой сосуд с золотым песком, добытым в окрестностях.

Новость об этом распространилась среди немногочисленных местных жителей, бросившихся на поиски драгоценного металла, а 19 августа известие было опубликовано в газете The New York Herald. 5 декабря об обнаружении золота в Калифорнии публично объявил президент США Джеймс Полк.

Из восточных штатов и из-за границы в Калифорнию ринулись тысячи охотников за удачей. Это привело к резкому ухудшению отношений американцев с индейцами Великих равнин, которых до середины XIX века белые колонизаторы практически не трогали. Сначала у воинов прерий вызвало возмущение бесцеремонное вторжение в их охотничьи угодья. А затем – прокладка трактов и строительство железных дорог, призванных связать между собой Атлантическое и Тихоокеанское побережья. Начавшаяся в середине века война продлилась около 40 лет и закончилась полным разгромом индейцев и изъятием у них земель.

Население Калифорнии стало резко расти. Если в 1848 году в Сан-Франциско жили всего несколько сотен человек, то в 1850-м население города достигло 25 тыс., а в 1855-м – 36 тыс. жителей. Всего

за несколько лет в Калифорнию прибыли порядка 300 тыс. выходцев с Восточного побережья США, а также переселенцы из Европы, Латинской Америки и Азии. Происходящие стали называть «золотой лихорадкой».

Как и предполагал Джон Саттер, золото не принесло ему ничего хорошего. Его владения были захвачены пришлыми авантюристами, а фермы разграблены. Предприниматель вёл долгие тяжбы в Вашингтоне, но получил от правительства только пенсию. Власти намеревались на определённом этапе выплатить ему компенсацию в размере \$50 тыс., но так и не сделали этого. Сын Саттера Джон Август основал город Сакраменто, но затем быстро продал землю и уехал в Мексику, где стал бизнесменом и американским консулом. Однако под конец жизни дела у него пошли неважно, а после его смерти остатки мексиканского имущества Саттеров были конфискованы в ходе очередных революционных событий. Жена и дети Джона Августа в конце XIX века вернулись в Калифорнию без денег.

Тем не менее имя Саттеров живёт в памяти американцев. В честь них названы улицы, школы, больницы, а также город Саттер-Крик, округ Саттер и горный хребет, находящийся неподалёку от побережья Тихого океана. Подставивший Саттера Самюэль Бреннан получил более осязаемую выгоду. На торговле золотом он заработал миллионы, а затем получил пост сенатора.

В середине 1850-х годов залежи легкодоступного золота стали исчерпываться, и лихорадка пошла на спад. Всего за её время было добыто, по некоторым данным, почти

Старатели в поисках золота, Калифорния, 1848 год © Library of Congress

4 тыс. тонн золота. В наши дни стоимость этих запасов превысила бы \$100 млрд.

Впрочем, из старателей разбогатели единицы. Состояния в Калифорнии в 1850-е сколотили преимущественно те, кто занимался поставками рабочим различных товаров и оказанием услуг. Именно в Калифорнии

времен золотой лихорадки начал свой бизнес по производству одежды знаменитый предприниматель, изобретатель джинсов Ливай Страусс.

В 1850 году Калифорния официально была признана штатом, входящим в состав США.

Культурное наследие Америки

Сегодня Калифорния является самым населённым (свыше 39 млн человек) и самым богатым штатом Америки, производящим 13% ВВП США.

Хотя золотая лихорадка продлилась недолго, она стала важнейшей частью истории штата и всей страны.

«Подобные “лихорадки” имели место не только в США, но и в других уголках мира, например в Бразилии, а также в России, но больше всего сегодня помнят о погонях за золотом именно в Соединённых Штатах. Дело в том, что в XIX веке англосаксонский мир был двигателем политики в масштабах планеты, законодателем трендов, поэтому к нему было приковано гипертрофированное внимание», – рассказал в беседе с RT политолог-

американист Армен Гаспарян.

По его словам, история золотой лихорадки в Калифорнии оказала сильное влияние на национальное самосознание американцев.

«Гонка за золотом в Калифорнии стала важнейшим событием. Из неё выросли мифы об американской мечте, о первом заработанном долларе и миллионе, отголоски которых сегодня звучат в массовой культуре. На этой теме выросли миллионы людей. В массовом самосознании американцев это феномен, примерно равнозначный Гражданской войне. Со временем эти мифы стали подогреваться Голливудом. У других народов имеется более значимое культурное наследие. Например, у немцев – германский эпос. А у американцев такую же

роль играет история добычи золота в Калифорнии», – пояснил эксперт.

По мнению директора Фонда изучения США имени Рузвельта при МГУ имени М. В. Ломоносова Юрия Рогоулёва, миф о золотой лихорадке в Калифорнии в американском массовом сознании является частью такого глобального явления, как культура фронта.

«По мнению американских культурологов, в XIX веке в США сформировалось такое явление, как культура границы, культура фронта. И, как они считают, из этой культуры произросли такие моменты, как склонность американцев к самоуправлению, свободное ношение оружия, самосуды», – подчеркнул учёный.

Как отметил Юрий Рогоулёв, культура Америки за полтора столетия очень сильно

изменилась – это уже другая страна, но многие элементы культуры XIX века сохранились.

«В США пишут и снимают вестерны, играют музыку кантри, обращаясь к этой сельской идиллии, в которой ковбои и золотоискатели строили современную Америку. Индустриализация кардинально изменила страну, и гипертрофированные воспоминания о вольностях времён покорения Дальнего Запада стали чем-то вроде воспоминаний о потерянном рае. Люди эмигрировали в США для того, чтобы обрести свободу и достаток, а не для того, чтобы горбатиться на фабриках и заводах. И романтические мифы о фронтире, и в том числе о золотой лихорадке, стали для них своего рода отдушиной», – резюмировал эксперт.

Игорь Шафаревич
(1923–2017)

Доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, публицист

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИЗОЙДЁТ, БУДЕТ ЛЕЖАТЬ НА НАС САМИХ

Сейчас обсуждается и одновременно внедряется в жизнь реформа образования. Из всех реформ, обрушившихся на нашу жизнь за последние десятилетия, эта реформа одна из тех, которая, если она пройдёт, наиболее глубоко повлияет на жизнь, будет иметь самые длительные последствия. Надо сказать, что лица, пропагандирующие и осуществляющие эту реформу, тонко ощущают изменения настроения народа. В частности, все привыкли к тому, что у нас слово «реформа» лишь по-другому выражает понятие разрушения: реформа экономики, жилищного хозяйства и т.д. И вы,

как правило, услышите, что планировщики этих изменений образования сами являются противниками реформ, они предлагают лишь его модернизацию (сторонники военной реформы, например, до такой тонкости не дошли). Но ведь не в терминах суть, а в делах.

Что же конкретно происходит? Вводится так называемый Единый Государственный Экзамен, который одновременно будет и выпускным, и приёмным; он будет определять и уровень знаний кончающих среднюю школу, и возможности их поступления в тот или иной вуз.

Экзамен предлагается проводить в форме тестов. Большинство заданий заключается в том, что нужно выбрать правильный среди нескольких ответов (поставить крестик в правильной клеточке). В других – указать верный ответ. Экзамен проводится не учителями школ, а специально для этого создаваемой комиссией. Потом письменные работы направляются в Центр, где их проверяют (предположительно машины) и выставляется определённый балл. Сведения о полученных баллах молодой человек направляет в ВУЗ (возможно, сразу в несколько), где приём осуществляется сразу по количеству баллов.

И вообще терминологически внедрение реформы подготовлено, как говорят, «грамотно». Сейчас это вообще называется «экспериментом». Как бы примерка – «как получается». Но из года в год число субъектов федерации, в которых проводится «эксперимент», растёт. И явно дело идёт к всеобщему директивному введению этой системы. Если таковая тенденция, очевидно, поддерживается центральным министерством, то как ей будет сопротивляться небольшой провинциальный институт? Мощные институты вроде МГУ или ЛГУ, может быть, на несколько лет отстоят своё право проводить собственные вступительные экзамены, но под конец должны будут уступить общей тенденции.

Проведение этих принципов в жизнь безусловно приведёт к гибели имеющийся у нас системы образования. Нужно себе представить, какие знания можно проверить системой тестов. Решение самой простенькой геометрической задачи сюда совершенно не укладывается. Равно как и стандартное обычное сочинение на тему типа «Женские образы в романах Тургенева». В одной инструкции к проведению такого экзамена по математике специально оговорено, что «решение на оценку никак не влияет». То есть надо не доказать понимание определённого раздела, а угадать ответ. Мыслящий человек редуцируется к уровню примитивного автомата. А если

такая система экзаменов утвердится, то и школа к ней приспособится. В последних классах будут учить тому, как верно отвечать на тестовые вопросы. Например, не понять доказательство теоремы Пифагора, а выбрать один из четырёх вариантов ответа. Воспитываться будет совсем другой тип мышления (если это вообще можно назвать мышлением).

Главная аргументация основывается на утверждении, что преподаватели школы и ВУЗов сплошь коррумпированы, оценки на экзаменах фактически продаются и покупаются. Я совершенно уверен, что это чистая клевета, безосновательная и безжалостная. Самую большую часть своей жизни преподавал в Университете, и до сих пор большинство моих знакомых – преподаватели ВУЗов. О школьном преподавании я могу судить только по тому, что в школе учились мои дети и учатся внуки. Конечно, в обеих частях преподавания были и есть выродки, способные нечестно ставить отметки по указанию начальства или за мзду. Но это были всегда исключения, «паршивые овцы в стаде». Те, кто преподают сейчас, делают это ради духовного удовлетворения, которое даёт общение с молодыми людьми, за оплату, на которую невозможно содержать семью. Вместо того чтобы уйти в торговлю или уехать за границу. Естественно, они бельмо на глазу у служителей «золотого тельца», правящих сейчас у нас бал. И развёрнутую кампанию клеветы против них я рассматриваю как попытку свести счёты с чуждыми и тем самым опасными людьми.

Да если и стать на точку зрения самих пропагандистов и искать всюду «кому это выгодно», то получится, что новая реформа как раз готовит почву для несравненно большей, громадной коррупции. По планам, проведение экзаменов изымается из рук преподавателей и передаётся чиновникам министерства (просвещения). В выпущенном сейчас сборнике «нормативных материалов» говорится даже, что в экзаменационную комиссию входят предста-

вители органов исполнительной власти. Почему же предполагать, что эта-то публика окажется менее коррумпированной, чем учителя? Если стоять на той точке зрения, что всё делается ради денег, то почему не заподозрить, что речь идёт о попытке этого слоя получить в свои руки колоссальные возможности наживы?

Другой часто повторяемый аргумент заключается в том, что новая система ослабит стрессы, испытываемые школьниками. Понятый буквально этот аргумент бессмыслен: ведь основная масса экзаменов приходится на время учёбы в школе и институте. Но здесь явно сквозит мысль, что число таких экзаменов параллельно будет уменьшаться, а в идеале всё сведётся к этому единственному экзамену (единственный = единственный). То есть это наступление на самый принцип экзамена. Принцип, выработанный тысячелетиями культуры. И письменный экзамен, дающий возможность спокойно проверить свои знания, и устный, основанный на индивидуальном контакте. Тысячи лет назад, когда современная культура только начинала складываться, шумерские писцы уже сдавали экзамены. Неужели современные планировщики своей мудростью превосходят всю культурную традицию человечества? Да и с точки зрения «стрессов» такой один экзамен (или несколько экзаменов), от которого зависит будущее молодого человека, способен вызвать гораздо больший «стресс»! Единственный способ бороться с этим, как всегда, это – тренировка, постоянное участие в экзаменах, начиная с 7-8 классов.

Под конец несколько слов о самой идеологии реформ. Несомненно, жизнь всё время меняется, и мы должны к этому приспосабливаться. Например, если я чувствую, что парус моей лодки плоховато ловит ветер и она неважно слушается руля, то надо найти время и постараться её исправить. Но когда это делать? Когда погода хорошая, я пристал к берегу. А не во время шторма, если ещё и лодка даёт течь. А современная психология реформ похожа

на стремление ремонтировать лодку во время шторма, когда берег далеко. В таком положении пора думать о спасении. Так и в нашей жизни, казалось бы, должны были бы брать верх мысли не о реформах, а о спасении того, что ещё спасти можно и спасать стоит.

Вот к небольшому числу таких факторов нашей жизни относится наша система образования. Она начала складываться с XVIII в., строилась весь XIX в., весь советский период. Конечно, в ней были недостатки. Но и с учётом их она, безусловно, была одной из лучших в мире. Сколько раз я читал западные статьи, где о ней говорилось с завистью. Такая, например, фраза: «Почему русские обогнали нас в космосе? Потому, что их система образования лучше» – была стандартной на Западе. Поэтому в наше трудное время, казалось бы, надо думать о спасении нашей системы образования. А если когда-то жизнь поправится, страна разбогатеет, то можно будет помечтать и о реформах, о принципиальных преобразованиях.

Почему же с таким напором осуществляются действия, противоречащие столь простым и очевидным мыслям? Я позволю себе высказать догадку. Речь идёт о надежде свести образование к созданию из людей примитивных автоматов. Так для большинства. А для богатых – особые школы с нормальным, нереформированным образованием (м.б., за границей). Но если такая мечта и есть, то она иллюзорна. Тонкое, глубокое образование даже в дорогих избранных школах может вырасти только на почве здорового нормального всенародного образования.

Так что «богатые» в любом случае обманут сами себя. Но что делать нам, «не богатым»? Вряд ли мы все согласимся на такую судьбу своих детей, что они станут послушными полуавтоматами, а вернувшись домой, смогут «оттянуться» и посмотреть по TV «порнуху». В нас глубоко заложено представление о другой жизни. Мне рассказывали о таком социологическом обследовании

довании. После перестройки большой слой потерял ту работу, к которой их готовило полученное ими образование. И многие из них превратились в «челноков». Среди них и был произведён опрос – зачем они туда пошли? Оказывается, подавляющее большинство – чтобы дать детям возможность получить образование! Так что представление об общекультурном образовании у русских – в генах (или аналогичной традиции).

Что мы можем сделать, чтобы осуществить эти свои основные жизненные принципы? Я думаю, что положение небезнадёжно. По крайней мере, был один яркий прецедент – когда решено было вводить в школе курс «сексуального просвещения». Тогда было уже решение министерства, выделены часы, отнятые у литературы, истории, математики, написан учебник. Я сам держал в руках макет учебника и программу, где, например, на изучение полового акта отводилось 26 часов! И это решение было преодолено протестами родителей, создавших группы протеста в разных городах.

Правда, та тема была более поражающая. Помню, как тогда я однажды вот также по радио рассказал об этом проекте. Я сам был поражён реакцией. Даже среди сотруд-

ников радиостанции. Помню, как женщины обступили меня и спрашивали: что же делать? Как я буду смотреть в глаза своему Петьке, если он после такого урока попросит кое-что объяснить?

Но ведь и сейчас, по существу, положение не менее драматическое. Нас стремятся оторвать от той культурной почвы, на которой мы все выросли. Куда бы потом ни пошёл молодой человек – учиться в институт или работать на завод, но приобретённый в школе опыт соприкосновения с многотысячелетней культурой человечества будет влиять на него всю жизнь. Вот этот элемент нашей жизни непрерывно находится под угрозой разрушения. Это моё выступление и есть попытка обратить на это внимание.

Когда-то мы отдали свою экономику, недра, саму страну. Но тогда могло быть извинение, что всё удалось повернуть так быстро – года за 2-3. И мы даже не успели сообразить, что же происходит. Теперь у нас такого оправдания нет: всё давно понятно и разъяснено нам на примерах. Поэтому ответственность за то, что произойдёт, будет лежать на нас самих – если мы это допустим. В частности, в образовании.

Валентин Катасонов

Доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов МГИМО (У) МИД России, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства, с января 2012 года возглавляет Русское экономическое общество им. С.Ф. Шарапова. Лауреат премии международного конкурса деловой журналистики «Pressзвание» (2014), лауреат ряда литературных и журналистских премий. Главный редактор печатного органа РЭО – журнала «Наше дело». Постоянный автор информационного ресурса Global Research (Canada) и других зарубежных электронных изданий.

«ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА» ИЛИ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРОПАСТИ?

Ушедший 2020 год стал знаменателен тем, что в мире начались странные угрожающие процессы...

Кто-то этот год называет годом пандемии вируса COVID-19, кто-то на первое место ставит мировой экономический кризис. А кто-то обращает внимание на выборы американского президента, которые могут в 2021 году закончиться гражданской войной в США. А она, в свою очередь, может спровоцировать серьёзные последствия для всего мира. Наконец, ряд известных представителей мировой элиты (в первую очередь, президент Всемирного экономического форума Клаус Шваб) заявили о «Великой перезагрузке», которая уже началась в мире и которая должна привести его к совершенно новому и не очень понятному состоянию.

Инициаторы «Великой перезагрузки» обещают человечеству, что это будет «дивный новый мир», в котором оно, наконец, обретёт вечный мир и покой. Но при этом тот же Клаус Шваб произносит какие-то загадочные слова насчёт того, что возврата человечества к «нормальной жизни», которая была до пандемии, не будет.

Это самая настоящая «революция сверху». А если правильно переводить написанное и сказанное идеологами «Великой перезагрузки» на понятный язык, то оказывается следующее. В мире исчезнут национальные государства, на их обломках родится Единое мировое государство с мировым правительством. Численность населения Земли будет значительно сокращена, а его остатки будут помещены в цифровой концлагерь. В мире

будет установлен новый рабовладельческий строй. Но гораздо более жёсткий и жестокий, поскольку мировая элита целенаправленно будет превращать подневольного человека в животное. Зачем? Причина в том, что животными легче управлять, чем людьми. Это гарантия того, что власть элиты будет вечной и неизбежной.

А как же человечество дошло до такой жизни, что небольшая группа заговорщиков из мировой элиты сумела подготовить проект «Великой перезагрузки» и запустить его в действие? И есть ли у человечества шанс остановить его действие и предотвратить создание «дивного нового мира»?

Вот тут-то нам потребуется книга известного русского авиаконструктора, серьёзного мыслителя-богослова И. Сикорского «Незримая борьба», в которой содержатся размышления по этому поводу. Такое ощущение, что автор предвидел «Великую перезагрузку». Сикорский писал в главе 6 «Приближение к Пропasti»: «Сверхчувствительный интеллект и интуитивное восприятие действительно великих людей могут воспринимать и предугадывать надвигающиеся беспорядки подобно чудесному радару, обнаруживающему реалии, неподвластные человеческому восприятию и разумной логике». Автор приводит удивительные пророчества, высказанные такими известными людьми, как Фёдор Достоевский, Владимир Соловьёв, Генрих Гейне, Герберт Уэллс. Но думаю, что в этот ряд великих интуитивистов смело можно поставить и самого Игоря Сикорского, предугадывавшего события XXI века.

Ещё раз напомним, что первая часть книги (главы с первой по четвёртую) посвящена размышлениям в связи с евангельской историей искушений Иисуса Христа дьяволом в пустыне. Эта история, как справедливо подмечает Игорь Иванович, высвечивает три главных искушения, которые будут преследовать человека и человечество на протяжении всей жизни и земной истории. Сначала это искушение хлебами, обещание простого и быстрого решения такой вечной проблемы человечества, как голод. Далее –

предложение дьяволом дать искушаемому славу и всеобщее восхищение, удовлетворение страсти гордыни. Наконец, третье искушение – властью над всем миром. Искушения нарастают от одного к другому.

Мировая элита прошла уже первые две стадии, приняв первое и второе искушения, максимально утилизовав те возможности, которые они давали. Предложение дьявола Христу обратить камни в хлеба можно трактовать не только как простой способ решения извечной проблемы голода. Это ведь и искушение богатством. Ежели научиться из камней делать хлеба, тогда можно стать богатым, продавая хлеб народу. А, кроме того, если будешь продавать хлеб дёшево или, тем более, раздавать его бесплатно, то будешь объектом всеобщего восхищения (т.е. удовлетворишь свою страсть, связанную со вторым искушением). А став всемирным благодетелем, можешь рассчитывать и на политическую власть.

Именно поэтому ростовщики в недрах феодального общества боролись за то, чтобы получить право создавать деньги с помощью печатного станка.

Ростовщики организовали и провели буржуазные революции, после чего создали банки и Центральные банки. Они научились делать «деньги из воздуха». Это даже круче, чем превращать камни пустыни в хлеба.

Ростовщики с радостью приняли первое искушение дьявола и на протяжении последних веков максимально утилизировали полученную возможность творить богатства из ничего (подобно Богу, который творил мир из ничего), приумножая свою славу и всё более подчиняя себе политическую власть.

Да, они в полной мере вкусили также сладость второго искушения. Получили славу. Особенно ярко это проявилось в XIX веке, когда дом Ротшильдов стал влиятельнее домов многих европейских монархов. Тот же Генрих Гейне восклицал: «Деньги – бог нашего времени, а Ротшильд их пророк». А некоторые герои романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с восхищением воспринимают Ротшильда как «Наполеона финансового мира». Но и сла-

ва стала уже пресыщать мировую денежно-ростовщическую элиту. Хотелось власти, причём всемирной. Хотелось быть «как боги» (то, что дьявол в образе змея предлагал первым людям в раю). И ради этого элита пошла даже на то, чтобы проявлять некоторую скромность (те же Ротшильды в XX веке перестали выставлять себя напоказ).

Позднее она окружила себя атмосферой секретности, ибо элита приступила к подготовке плана по обретению статуса «Наполеона всего мира». Мировую элиту стали величать «мировой закулисой».

И с тех пор началась серьёзная и постоянная подготовка к тому, чтобы принять бесценный дар третьего искушения.

Упомянутый выше «пророк» – писатель и поэт Генрих Гейне (1797-1856), который был вхож в дом Ротшильдов в Париже, общался с Джеймсом Ротшильдом, одним из пяти сыновей основателя клана Майера Ротшильда. Поэт был в курсе планов этих банкиров-«пророков», приоткрывал завесу этих планов (применительно к Гейне слово «пророк» не очень уместно; скорее его следует причислить к «хорошо информированным персонам»). Игорь Сикорский цитирует Гейне, излагающего драму в трёх действиях, которая писалась «Наполеоном финансового мира».

Трёх действиям предшествует прелюдия, которую Гейне называет рождением коммунистической идеи: «Коммунизм, о котором сейчас не много говорят и который ютится на чердаках с убогими соломенными подстилками – это тёмный герой, которому суждено сыграть великую, пусть и временную, роль в трагедии современности; этот герой только и ждёт своего выхода...». Далее начинается первый акт пьесы. Все его события связаны с «войной, ужаснейшей и разрушительной войной, которая вызовет на арену две благороднейшие и цивилизованные нации – Францию и Германию, чтобы привести их к трагическому крушению». Здесь мы узнаем и Первую, и Вторую мировые войны, которые перевели Францию и Германию как претендентов на звание первой державы

мира в разряд стран второго ряда. Англия и Россия – более «крепкие орешки», они устоят: «Англия – эта великая морская змея, которая всегда сумеет уползти в укромное место на своих широких водных просторах, и Россия, у которой также есть множество тихих и спокойных мест в её бескрайних сосновых лесах, степях и тундрах – эти два государства в обычной войне не могут быть побеждены никоим образом, даже потерпев тяжелейшие поражения».

Так оно и было. Например, потери России в Первой и Второй мировых войнах были непропорционально высокими по сравнению с её союзниками. Но она выстояла, зализала раны и восстановила своё могущество.

Второй акт драмы: «Вторым актом станет Европейская и Мировая Революция, великая битва между бедняками и богатыми аристократами; в ней никоим образом не будут упоминаться религия и национальность: будет только одна родина – весь мир, и одна вера – в счастье на земле. Приобретут ли религиозные доктрины прошлого своё бывшее значение во всех странах, в ходе отчаянного сопротивления – и увенчается ли успехом эта попытка сыграть третий акт? Появятся ли вновь на сцене старые традиции абсолютизма, пусть даже и в новых костюмах, с новыми репликами и лозунгами? Каков будет конец этой драмы? ...Я не знаю; но я думаю, что в конце концов голова великой морской змеи будет размозжена, а с Северного медведя снимут шкуру». Мне кажется, что мы сегодня являемся свидетелями именно этого второго акта, который разворачивается на наших глазах. Используя сегодняшнюю терминологию, этот акт можно назвать «Великой перезагрузкой». Должны быть уничтожены и без того ослабленные национальные государства с их уникальными историческими и цивилизационными особенностями («религия и национальность»). Должны быть уничтожены и такие «крепкие орешки», как Великобритания («морская змея») и Россия («Северный медведь»).

Но и это ещё не конечная цель. В случае успеха мировая элита приступит к тре-

тьему акту: «Тогда будет только одно стадо и только один пастух – один свободный пастух с железным жезлом, пасущий стриженое, блеющее человеческое стадо! Впереди бушуют дикие, мрачные времена, и пророку, желающему описать новый апокалипсис, придётся выдумать таких чудовищ, в сравнении с которыми звери из Откровения Святого Иоанна покажутся нежными голубями и ангелочками».

Для желающих узнать подробности третьего акта не обязательно вчитываться в Генриха Гейне.

Откройте упомянутое Откровение от Иоанна Богослова. Применительно к третьему акту можно начинать читать с 13 главы, где описывается появление упомянутого немецким поэтом «свободного пастуха с железным жезлом».

«И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его – имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13:1-5).

Под зверем из моря понимается антихрист. А тот дракон, который дал власть антихристу и которому поклонились все народы (Откр. 13:3), – дьявол. Зверь из моря периодически появляется в Откровении вплоть до главы 19, где описан конец антихриста (живьём был брошен в «озеро огненное, горящее серою»).

В христианской историософии земная история человечества конечна. В конце времён на некоторое время установится власть

антихриста. Кроме богословских истолкований истории, в России было немало одарённых людей, которые христианскую историософию облакали в художественные формы.

При желании об этом можно почерпнуть кое-какие сведения из моей книги: Катасонов В. Ю. «Апокалипсис»: тайны раскрываются» (М.: Издательский дом «Кислород», 2020). Одним из таких одарённых людей был философ, писатель и поэт Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900), который незадолго до смерти написал небольшую книжку «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (с прибавлением «Краткой повести об антихристе»). Сикорский обратил внимание на указанную работу Владимира Соловьёва и цитирует её. Он приводит следующий фрагмент из предисловия к «Трёх разговорах».

«Историческим силам, царящим над массой человечества, ещё предстоит столкнуться и перемешаться, прежде чем на этом раздирающем себя звере вырастет новая голова – всемирно-объединяющая власть антихриста, который “будет говорить громкие и высокие слова” и набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору её конечного проявления, чтобы – по слову Писания – даже и избранных, если возможно, соблазнить к великому отступлению. Показать заранее эту обманчивую личину, под которой скрывается злая бездна, было моим высшим замыслом, когда я писал эту книжку».

Удивительно, но примерно также видится будущее мира китайскому писателю-философу XX века Лину Ютангу (другое написание – Линь Юйтан), которого цитирует И. Сикорский. Вроде бы он человек другой культуры и цивилизации, далёкой от европейской, христианской. Но, видимо, в силу вступает то, что Сикорский назвал «сверхчувствительным интеллектом и интуитивным восприятием». Выводы китайского мыслителя очень созвучны тем, которые озвучивались Владимиром Соловьёвым, Фёдором Достоевским и другими русскими и европейскими мыслителями. Приведу

только часть того обширного фрагмента китайского философа, который помещён в книге «Незримая борьба»: «Материалисты не могут положить конец войнам и установить мир. Для этого у них нет мозгов... Мир будет развиваться от власти до большего объединения властей, от обычного конфликта до конфликтов ещё больших... Будет народное восстание и кровопролитие, место олигархов займёт тиран, воспользовавшись их усталостью от борьбы между собой и противостояния революционно настроенным массам. Всегда случается так, что после любой войны или хаоса на политическую арену выходит тиран. После того, как нации изматывают сами себя периодом войн, появится всемирный диктатор, призывающий народ поддержать себя, и воцарится над миром. Пророчество ли это? Нет, это – предупреждение».

Удивительно, что в качестве глубинной причины войн, хаоса и страданий человечества китаец называет материализм.

Существует мнение, что китайская цивилизация самая приземлённая и материалистичная. Получается, что некоторые китайские мыслители оказались духовно более зрячими, чем европейцы, принадлежащие к цивилизации, которая многие века носила звание «христианской».

Христианский дух Европы стал испаряться, в остатке – материализм. Он делает политиков слепыми, обрекает европейцев (а позднее и всю западную цивилизацию) на войны, хаос и мучения.

Также Игорь Сикорский приводит обширные цитаты из английского писателя Герберта Уэллса. Этот англичанин, по сути, стоял на позициях атеизма и материализма. Подвергал критике все традиционные религии, мешавшие, по его мнению, «прогрессу». Погрузился в «конструирование» «единой мировой религии» без личного бога (судя по некоторым рассуждениям писателя, в этой «религии» сам человек должен был стать «богом»). Но и этот английский мыслитель пришёл к концу жизни к весьма пессимистичному выводу, приводимому в книге

Сикорского: «Человечество, начавшее жить в пещерах с закрытым брёвнами входом, закончит свои дни в пропитанных болезнями трущобах. Что ещё, кроме этого, может случиться? В какую ещё сторону повернёт судьба? ...Если человек разумный настолько глуп, что не может понять, к чему он идёт, и не может заставить себя срочно спасти ситуацию, пока ещё осталась в мире хоть какая-то ясность, хоть сколько-нибудь свободы мысли и слова, свободы передвижений и деятельности, может ли быть хоть немного надежды на то, что через пятьдесят или сто лет, после того, как живя в течение 2-3 поколений постоянного страха, жестокости и бесконечного непонимания истинной причины его проблем, он в целом будет не столь неразумен? Как и почему может человек подвергнуться “волшебному” изменению, если внутри него и снаружи него намеренно действуют противящиеся этому силы?».

Итак, мыслители разных школ и разных религиозных представлений, если они честны перед собой, неизбежно приходят к одному и тому же пессимистическому выводу о неспособности человека выстроить на Земле нормальную жизнь и о неизбежности катастрофы (может быть, полной гибели) человеческой цивилизации.

«Три разных автора (имеются в виду Владимир Соловьёв, Лин Ютанг и Герберт Уэллс – В.К.) предсказывают образование тоталитарного мирового государства, которое возглавит тиран, появившийся после хаотического периода мировых войн. Соловьёв определяет его как Антихриста. Но независимо от того, какими именами его называют, надо признать, что идея о безжалостном свертоталитарном мировом государстве, возглавляемом безбожным диктатором, – это далеко не абстрактная концепция Христианского богословия. Это простая историческая вероятность ближайшего будущего».

Далее Игорь Иванович уже самостоятельно размышляет над парадоксами истории: с одной стороны, подавляющая часть человечества не желает той глобальной диктату-

ры, которую предсказывают христианские и вообще прозорливые мыслители; с другой стороны, вопреки этому неосознанному массовому неприятию такого будущего, оно неумолимо приближается: «Действительно, большая часть человечества не желает глобально-тоталитарной тирании в качестве формы власти в мировом государстве. То, чего они хотят и ожидают – это филантропическое и либеральное содружество миролюбивых наций, которые предотвратят войну и будут делать всё ради всеобщего блага. Однако господствующие в мире идеологии и, следовательно, направляемый ими ход событий не оставляют надежды на такой результат. По сути, за сложным и туманным ходом событий, заманчивыми обещаниями набожных ясновидящих и плотной дымовой завесой вводящих в заблуждение лозунгов и цитат определённо проявляются очертания тиранического сверхтоталитарного мирового государства».

И. Сикорский пытается объяснить указанное противоречие. И он называет три главных причины или принципа, которые позволяют мировой элите выстраивать мировую тиранию, тоталитарную власть на планете.

«Первым из них будет “хлеб”, однако хлеб не как помощь страдающим от лишений людям, но главным образом как универсальный контроль над всеобщими жизненными потребностями, как средство предельного физического запугивания и принуждения.

Вторым принципом станет обожествление личностей вождей. С ходом времени будут запрещены любые формы критики, и последующая углублённая пропаганда создаст своего рода ореол святости вокруг почти сверхчеловеческих авторитета и мощи вождей.

Третий принцип – неограниченное использование обмана, принуждения и насилия в беспрецедентном масштабе, что означает полное моральное падение или, образно выражаясь, поклонение дьяволу. Это общее направление движения нашей цивилизации сегодня».

Если вдуматься, то три указанных принципа являются отражениями тех трёх искушений, которыми дьявол пытался уловить Иисуса Христа в пустыне. По поводу первого принципа, сформулированного И. Сикорским, смею добавить следующее. Поначалу хлеб может подаваться страдающим людям и как помощь. Давайте обратимся к программе «Великой перезагрузки», которая запущена Всемирным экономическим форумом по команде мировой элиты. В этой программе говорится о так называемом безусловном базовом доходе (ББД), который инициаторы «Великой перезагрузки» обещают всем без исключения.

Роботы будут стремительно вытеснять живой труд во всех отраслях экономики, и люди будут терять работу. Им говорят: «Не волнуйтесь, мы уже за вас всё продумали! Вы все (независимо от вашего социального статуса, в том числе независимо от наличия или отсутствия работы) будете получать постоянно денежный доход, достаточный если не для роскошной, то вполне сносной жизни». Некоторое время ББД будет действительно раздаваться согласно озвученным принципам. А затем всё кончится. Помните известный лозунг в древнем Риме: «Хлеба и зрелищ». Некоторое время для плебса в Риме были бесплатные зрелища и бесплатный хлеб. Когда приток в Рим денег из завоёванных территорий стал оскудевать, то сначала исчезли бесплатные зрелища, а потом и хлеб. Плебс, привыкший к халяве, стал стремительно вымирать. Уверен, что ББД быстро кончится. По крайней мере, для всех.

Получать «хлеб» будут лишь те, кто проявляет максимальную лояльность к власти. ББД превратится в очень даже «условный» инструмент и, как справедливо пишет И. Сикорский, такой «хлеб» станет очень эффективным инструментом запугивания, принуждения и контроля.

По поводу второго принципа: «обожествление личностей вождей» в ближайшее время может достичь невероятных масштабов. В новой и новейшей истории человечества

накоплен богатейший опыт такого «обожествления». Вспомним советское время, когда классики марксизма-ленинизма (Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ленин), благодаря мощной пропаганде, были вознесены на уровень богов. Общество было жёстко атеистическим, а восприятие «классиков» и «вождей» было, по сути, фанатично-религиозным. В главе 7 «Добро и зло» Сикорский ещё раз говорит о новых возможностях «обожествления личностей вождей», которые дали новые технологии XX века: «С научной точки зрения организованная пропаганда, с обширным использованием радио и доведённого до совершенства телевидения, способствовала бы окружению личности вождя неким ореолом сверхчеловеческой мощи и силы, даже божественности».

Сегодня политики и общественные деятели повышают свой рейтинг (именно им измеряется нынче «любовь народа» к лидерам и вождям) с помощью различных PR-технологий.

А многие из упомянутых технологий, в свою очередь, опираются на информационные технологии и информационные услуги, предоставляемые такими гигантами Силиконовой долины, как Amazon, Apple, Microsoft, Facebook, Google. Выборы президента в США показывают, что эти ИТ-корпорации могут очень эффективно играть в пользу одних кандидатов и, наоборот, против других.

Выше я упоминал апокалиптического зверя из земли. Он же «лжепророк», правая рука антихриста. Он, в первую очередь, действует с помощью разного рода «чудес» и «знамений», которые призваны повышать доверие народа к зверю из моря, т.е. антихристу: «и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив» (Откр. 13:13-14). Выражаясь современным языком, зверь из земли, или лжепророк – непревзойдённый имиджмейкер. Создаваемый им образ перво-

го зверя (антихриста) не просто воображаемый, он «живой», воспринимаемый через глаз и ухо: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13:15).

Можно предположить, что современные «малые» лжепророки (предтечи финального лжепророка Апокалипсиса) уже в совершенстве владеют цифровыми технологиями и могут создавать положительные образы «малых» антихристов (предтеч главного антихриста).

Очевидно, что для этого активно используются телевидение, интернет, социальные сети. Набив руку на «малых» антихристах, «малые» лжепророки подготовят все необходимые технологии для немедленного превращения главного антихриста в «бога».

Образ зверя, да ещё говорящий и «живой», – изображение антихриста на мониторе компьютера, мобильного телефона, билборда. Это будет электронная икона, пародия на настоящую икону. Технократы сумеют создать образ сверхчеловека, вокруг которого будет сиять, как говорит И. Сикорский, «ореол святости». И поначалу люди будут с восхищением и надеждой воспринимать мирового властителя, который, как им кажется, сможет дать людям мир, хлеб и тихое счастье. Кстати, всё это в художественной форме изобразил Владимир Соловьёв в своей «Краткой повести об антихристе». Позднее подобные картины изобразил в повести «В последние дни» известный русский мыслитель Л. А. Тихомиров.

Теперь о третьем принципе. Он предполагает использование гремучей смеси обмана и насилия. Кстати, он корреспондирует с третьим искушением Христа в пустыне: «И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твоё». (Лк. 4:5-7).

Дьявол здесь выступает лжецом, заявляя, что «власть над всеми сими царствами и слава их» предана ему. Не погружая читателя в глубины богословия, отмечу, что владыкой всей Земли (со всеми её царствами) и всей Вселенной является Бог. А дьявол, мошенник и фальсификатор, пытаясь уловить Иисуса Христа, торгует тем, что ему, дьяволу, не принадлежит.

Напомню финал встречи дьявола и Иисуса Христа в пустыне: «И, окончив всё искушение, диавол отошёл от Него до времени» (Лк. 4:13). Обратите внимание на слово «до времени».

Потерпевший в пустыне в очной встрече с Христом фиаско дьявол не прекратил своей борьбы с Сыном Божиим. Борьба приобрела иные формы. От обмана дьявол перешёл к таким методам, как страх и насилие.

Причём действовать стал анонимно и исподтишка, используя в качестве своего орудия первосвященников, книжников и фарисеев. Их злоба в отношении Христа нарастала, их попытки образумить Сына Божия ни к чему не привели, народ всё равно шёл за Ним. Конечно, пугать Христа было бесполезно, поэтому устрашали учеников и всех тех, кто следовал за Сыном Божиим. Примеров подобного рода устрашений в Евангелии предостаточно.

В Евангелии от Иоанна (Ин. 11:47-53) говорится о том, что первосвященники и книжники собрали совет и вынесли Христу смертный приговор: «С этого дня положили убить Его» (Ин. 11:53). А затем последовало

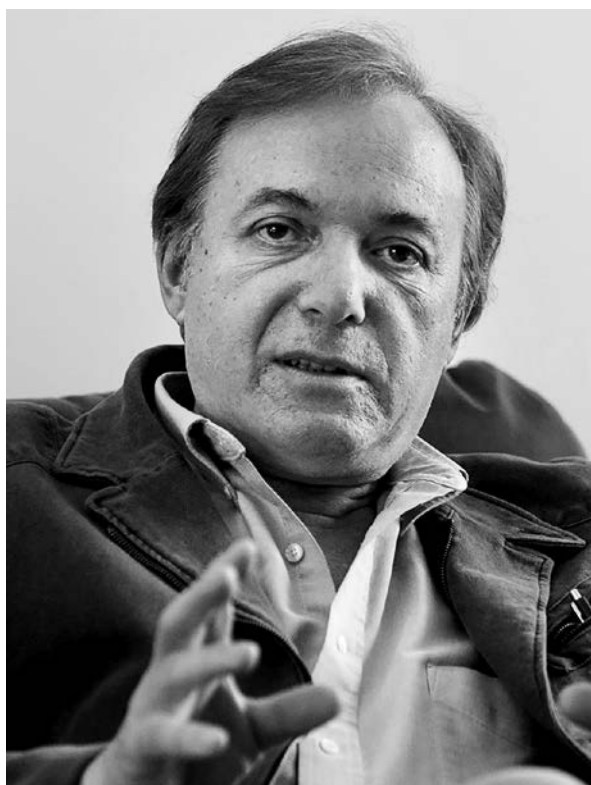
распятие Его на Голгофе. Крестная смерть Христа вызвала шоковое состояние даже среди его ближайших учеников. Казалось, что первосвященники и книжники через распятие Сына Божия добились своего – посеяли страх в еврейском народе и таким образом укрепили свою власть. Но это была иллюзия. Ведь последовали Воскресение Христово, Пятидесятница, апостолы через Духа Святого обрели силу и смелость...

А ещё примерно через 35 лет последовала жестокая расплата для вождей еврейского народа – Иудея была покорена римлянами. Христос бросил книжникам и фарисеям в лицо жёсткое обличение: «Ваш отец – дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он – лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

Книжники и фарисеи решили заигрывать с дьяволом, и итогом стала страшная расплата: уничтожение большей части жителей Иудеи (выражаясь современным языком – холокост), рассеяние оставшихся евреев по всему миру, разрушение Иерусалимского храма как центра религиозной жизни евреев, ликвидация их государства. События в Иудее, происходившие две тысячи лет назад, – репетиция Апокалипсиса, важный урок не только евреям, но и всему человечеству. Однако план «Великой перезагрузки», анонсированный в 2020 году, показывает, что урок так и остался невыученным.

Использованы материалы сайта информационно-аналитического издания фонда исторической перспективы «Столетие» <http://www.stoletie.ru/>

Михаил Таратута
*Российский журналист,
аналитик и хроникёр
американской жизни.
Автор и ведущий
популярных программ.*

КУДА НЕСЁТСЯ АМЕРИКА

Сегодня мы смотрим на Америку и поражаемся происходящему. В памяти всплывают тревожные аналогии с 1917-м годом в России, когда ниспровергались буржуазные ценности, уничтожались старая буржуазная культура, искусство, наука, былой уклад жизни. Когда торжествовал культ разрушения всего, что не несло идей революции и торжества пролетариата. Или вот поближе к нам – китайская культурная революция. Хунвейбины с горящими глазами фанатиков, война с авторитетами в науке, культуре, война за тотальное единодушие, когда любая мысль вне официального русла была чревата коллективной травлей, а возможно, и казнью. Мы поражаемся тому, что в нынешних протестах и беспорядках, организованных активистами движения

BlackLivesMatter, сокращённо BLM (в переводе «Жизни чёрных имеют значение») принимают участие не только обиженные чёрные, но и немало белой образованной молодёжи из благополучных семей. Их число в нынешних протестных акциях составляло в Нью-Йорке 61%, в Вашингтоне 65%, в Лос-Анджелесе 53%. Под флагом BLM сегодня выступают все, кто в русле левацких идей жаждет в Америке больших перемен.

Но как такое могло случиться в Соединённых Штатах, которые традиционно видели себя оплотом здравого смысла, гражданских прав и свободомыслия, которые гордились устойчивостью политической системы и торжеством передовой мысли? А ведь именно эти образы жили в представлении многих людей об этой стране и за пределами США.

Хотели как лучше

К своему нынешнему состоянию Соединённые Штаты подбирались давно. И, как ни странно, старт тому положили самые лучшие намерения самых совестливых людей. Когда в 60-х сопротивление афроамериканцев политике сегрегации вышло за грань обычных бунтов, когда многие белые американцы, сознавая всю постыдность существующих порядков, влились в движение за гражданские права, в стране наступили перемены. Принятые законы навсегда покончили с сегрегацией, а любым видам дискриминации были поставлены многочисленные заслоны. И что не менее важно – была создана целая система социальных лифтов и экономической помощи, чтобы дать толчок чёрному населению в преодолении отсталости.

Несомненно, все эти привилегии были необходимы афроамериканцам в первые годы после отмены сегрегации и, возможно, в первое десятилетие. Но они продлились более полувека и привели к результатам обратным. Привилегии развратили большую часть негритянского населения, воспитав в них психологию потомственной жертвы, вечных получателей заслуженных льгот. Состояние постоянной обиженности рождало убеждение, что общество им должно и всегда недодаёт.

Впрочем, самые амбициозные воспользовались льготами, чтобы вырваться из нищеты и отсталости. Сегодня примерно 40% афроамериканцев – это средний класс, а также небольшая группа весьма состоятельной публики. Но 60% чёрных так навсегда и застряли в трясине безысходности. Среди получателей пособий по бедности из всех рас чёрные составляют самую большую группу – 39,8% при их доле в населении страны всего в 13%. Для сравнения: число белых получателей пособий несколько меньше – 38,8%, хотя белые американцы и составляют очевидное большинство населения – 72% (из них белые европейского происхождения – 60,2%).

Психология жертвы, помноженная на исторические обиды, цементировала у чёрных чувство второсортности, не давала зажить комплексу неполноценности в обществе белых. В обществе, которое, как им всегда виделось, состоит из барьеров для чёрных и привилегий для белых. Эти комплексы не дают им покоя, мучают подозрением, что белый человек испытывает по отношению к ним превосходство. Всё это выливается в повышенную обидчивость, которая у личностей особо впечатлительных может перейти в неспровоцированную агрессию по отношению к белым.

Франкенштейн левизны

Ирония, однако, в том, что все эти комплексы чёрных постоянно подпитывало чувство вины белых, которое активисты либеральных идей не устают насаждать в обществе и по сей день. (Слова «либералы, либеральный» используются ниже исключительно в значении, которое они приобрели к сегодняшнему дню в США, что сильно отличается от того, что понимаем под этими словами мы. Наши либералы с их идеями минимального участия государства в экономике, жизни рядовых людей в политическом раскладе Америки скорее соответствуют консерваторам. В то время

как наши коммунисты перекликаются с американским леволиберальным крылом Демократической партии). Самобичевание белых и комплекс жертвы у афроамериканцев работают, как сообщающиеся сосуды. Эта смесь и стала психологической и идеологической основой движения BlackLivesMatter. В этих же сосудах в своё время сварился и приторный кисель политкорректности, т.е. постоянных опасений белых американцев, как бы ненароком не задеть чувства чёрных.

Но нет такого хорошего начинания, которое нельзя довести до абсурда. Политкор-

ректность, родившуюся из достойной всяческого уважения деликатности по отношению к негритянскому населению, активисты либеральной идеи постепенно превратили в своего рода социальную цензуру. При этом планку цензуры ухитрились поднять на предельную высоту, когда любое неосторожное слово может привести к остракизму, травле на работе и в социальных сетях и даже стоять человеку места. Однако будь то же самое сказано в отношении любой другой расы или национальности, этим словам никто не придал бы значения. Право на обиду, на задетые чувства стало как бы ещё одной официальной привилегией чёрного населения.

Плодом всех этих либеральных усилий стала отрицательная селекция кадров в компаниях, университетах, на телевидении, в искусстве – повсюду. Иначе и быть не могло, если при найме из двух кандидатур – афроамериканца и белого – предпочтение отдаётся чёрному, даже если в своих компетенциях он уступает белому. И, наоборот, при увольнении первым работу теряет белый. Если по-другому, тут же последует обвинение в расизме, а последствия могут быть очень серьёзными. Но, вина либералов, справедливо отметить особую роль в происходящем адептов левого крыла либеральной идеи, т.н. «прогрессистов», которых сегодня мы видим в политике, журналистике, шоу-бизнесе, но прежде всего в университетах и колледжах.

Университетская среда традиционно была колыбелью либеральной мысли в Америке. И, как следствие, в большинстве своём американский образованный класс относит себя к либералам, поддерживая Демократическую партию. Что и было бы вполне здоровым явлением, если бы в последние несколько десятилетий университетская профессура не

совершила бы сильный крен влево, в сторону социалистических идей, а то и дальше, вплотную подбираясь к идеям большевистским. Тут и бесплатная медицина, и бесплатное образование, «зелёная революция» с полным отказом от углеводов (надо спасать климат), выплаты репараций потомкам рабов, новые социальные программы и много всего другого хорошего, на что нет таких денег не только в Америке, но и, возможно, во всём мире. Разве что только отнять и разделить, о чём постоянно говорят самые горячие апологеты идей социализма в Америке.

Все эти прекрасные начинания можно было бы отнести к безобидным романтическим фантазиям, если бы они не сопровождались жесточайшей критикой существующего уклада жизни в Америке. Страна пронизана системным расизмом, говорят прогрессисты. Капитализм ужасен и отвратителен, поскольку неизбежно ведёт к вопиющему неравенству, делает богатых ещё богаче и держит в путах безысходности бедных. Нужны решительные перемены...

В результате такой накачки из университетских стен вышло целое поколение молодых людей, основательно индоктринированное идеями прогрессивизма. По некоторым оценкам, носители прогрессистских идей составляют четверть всех выпускников американских университетов и колледжей. Самые радикальные из них в своих устремлениях пошли ещё дальше своего кумира сенатора Берни Сандерса, мечтая разрушить старый мир и на его обломках построить новый. Это они составляют костяк белых участников протестных маршей. Это они вместе с чёрными братьями валят статуи американских президентов и памятники другим персонажам американской истории.

Либеральная диктатура

Одной из особенностей студенческой среды всегда было свободное обсуждение самых разных политических взглядов. Но не сегодня. Резкое полевение либералов привело к поля-

ризации политических пристрастий, когда дискуссия об идеях и ценностях становится больше, чем просто дискуссия, а инакомыслящий оппонент – больше, чем просто сторона

в споре. Для прогрессистов это – поле боевых действий на уничтожение противника. Иными словами, в какой-то момент подавляющие силы левых либералов окончательно заглушили голоса оппонентов, которые сегодня из-за опасений за свою карьеру, за своё будущее предпочитают молчать о своих взглядах или на публике даже подыгрывать либералам. Так во многих университетах воцарилась атмосфера политического единомыслия, воинственной нетерпимости к политической инаковости. Нетерпимости к любому нарушению политкорректности или тому, что может показаться нарушением. Кто-то дал этому довольно точное название – либеральная диктатура.

Этот механизм может работать по-разному. Например, в университете Оклахомы профессор журналистики Питер Гейд в ходе лекции сказал, что назвать человека определённого возраста boomer – это всё равно как обозвать кого-то словом на букву N. (Boomer – от англ. babyboomers. Так в США называют поколение, родившееся между 1944 и 1964 г.г., когда резко подскочила рождаемость. Но если вы говорите просто boomer, это звучит насмешливо или саркастично по отношению к старшему поколению. Слово на букву N – в США «n-word» служит эвфемизмом или обозначением табуированного слова nigger – презрительной клички чёрных рабов).

Его высказывание оскорбило нескольких студентов, которые покинули лекцию. Университетская «Команда быстрого реагирования по защите интересов афроамериканцев» моментально ответила петицией в ректорат, требуя «принять против профессора карательные меры, чтобы успокоить студентов, перенёсших психологическую травму». Сами же студенты угрожали профессору бойкотом его классов. По законам выживания несчастному профессору пришлось писать покаянную студентам: мол, допустил непростительную ошибку, извиняюсь, глубоко сожалею и впредь обязуюсь... Или вот хроника последних дней: в ректорат университета Вашингтона поступила петиция за подписью 26-ти тысяч студентов с требованием освободить студентов-афроамериканцев от трудных экзаменов,

поскольку им сейчас необходимо участвовать в протестных акциях. И что вы думаете? Университет не решился идти на конфликт с BLM и удовлетворил их требования.

В последние годы по мере поляризации общества либеральная диктатура распространилась и на прессу, ранее славившуюся широтой взглядов. Недавний пример тому – события в самой престижной американской газете «Нью-Йорк Таймс». Заведующему отделом комментариев Джеймсу Беннету, лауреату Пулитцеровской премии, пришлось оставить свой пост после того, как он опубликовал статью сенатора – республиканца Тома Коттона, допускавшего использование регулярных войск, чтобы остановить грабежи и поджоги в ходе нынешних беспорядков. Против этого намерения Трампа, конечно же, выступало движение BLM, т.е. уличная толпа, поддержанная Демпартией и либеральными СМИ. Самое неприятное, что к хору осуждения публикации присоединились и свои – группа сотрудников «Нью-Йорк Таймс», которые, будь они верны журналистской этике прежних лет, должны были бы встать на её защиту. Но сегодня Америка пребывает в другом мире. В мире, когда самыми громкими оказались голоса прогрессистов, когда некогда лучшая газета страны попросту капитулировала перед внутренним и внешним давлением, давлением улицы.

На волне моральной паники, вызванной беспорядками и массовой протестной активностью, общество с невероятной скоростью падает в объятия воинствующих прогрессистов с их культурой политического единомыслия и жёстких запретов на любое выпадение из группового, понимай стадного, поведения. Суть этой культуры сводится к простой мысли: кто не с нами, тот против нас, тот расист. Расистом, например, был объявлен тренер футбольной команды Оклахомы Майк Ганди за то, что надел майку с логотипом телестанции OneAmericaNews, известной своей критикой BLM и поддержкой Трампа. С осуждением тренера выступил игрок команды (афроамериканец), а затем на бедолагу накинута и весь правоверный рой, поставив под угрозу всю его карьеру. И Майк сдался, он слёзно просил

у игроков извинения за «причинённые боль и страдания».

Не менее чудовищная история приключилась и с мачехой (даже не матерью, а мачехой!) одного из полицейских, причастных к гибели Рейшарда Брукса в Атланте. Она потеряла работу лишь из-за родства с опальным стражем порядка. По нынешним временам родственников, похоже, придётся выбирать более тщательно, чтобы не случились неприятности, которые пришлось пережить и полузащитнику команды LA Galaxy Александру Катаю. С ним разорвали контракт после того, как его жена в соцсети пошутила над движением «Чёрные жизни имеют значение».

Миссис Катай определённо чего-то не поняла в этой жизни. Опять-таки по правилам выживания не то что шутка, а просто неосторожное слово, а тем более публично высказанное мнение, если оно не в русле общей истерии, сегодня может закончиться плохо. Надёжнее говорить и поступать так, как это делают вокруг тебя. Вставать перед чёрными на колени, просить прощения за грехи белой расы. И ведь встают, встают порой целыми взводами национальной гвардии, целыми полицейскими отделениями. А кто отказывается, получает клеймо расиста. Я понимаю, для иных афроамериканцев покуражиться над белым человеком может быть мечтой всей его жизни. Это выход накопившейся злости и ненависти, это долгожданная возможность как-то компенсировать свои комплексы. У других, т.е.

у белых, что особо усердно стоят на коленях, целуют неграм ботинки и бесконечно каются, эти процедуры, возможно, вызывают катарсис, желанное очищение. Но для третьих, кто вынужден становиться на колени, непонятно за что каяться, потакать капризам одних и истеричным прихотям других – всё это должно быть пыткой. Их покорности я нахожу только одно объяснение.

Большие города, такие как Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, Сан-Диего и др., – традиционный оплот демократов, бастионы либеральных идей, где голоса консерваторов и раньше можно было расслышать с трудом. Тем более слабы они сегодня, в атмосфере воинствующего прогрессивизма. В этих условиях всё тот же инстинкт выживания (карьерного, а иногда и физического) закрывает рты несогласным и ставит людей на колени. Но есть и другая Америка – малые города и сельская местность, где проживает половина населения страны. Это – глубинка, с устоявшимся консервативным мышлением, до которой прогрессистам дотянуться пока не удалось. Отдельные попытки активистов BLM навести там свои порядки встречают твёрдый отпор. Недавно, например, Дэррил Дэниелс, шериф округа Клей в штате Флорида заявил, что если протестующие с их беспорядками сунутся к нему в округ, он наделит всех жителей округа, законно владеющих оружием, «полномочиями охраны цивилизованной жизни от беззакония». А оружием, надо сказать, в этих местах обычно владеют все.

Мы новый мир построим

Со стороны может показаться, что Америке охватило безумие. Вспышки насилия, столь же беспорядочные и бессмысленные, как удары пандемии; грабежи и поджоги; бредовые призывы толпы распустить полицию; война с памятниками; состояние хаоса и неопределённости под бесконечные крики «Расизм! Расизм! Расизм!» – всё это оставляет тяжёлое чувство нелепого стечения обстоятельств, случайной деградации жиз-

ни. Но это впечатление обманчиво. В том, что происходит сегодня, есть своя логика, своя система, идеологическое обоснование которой готовилось задолго до нынешних событий.

Ещё полвека назад видный апологет прогрессивизма, кумир молодёжи, писательница и философ Сьюзен Зонтаг (кстати говоря, белая) поставила убийственный диагноз: «Белая раса – это раковая опухоль на теле

истории человечества», что стало одной из доминант идеологии прогрессивизма, надёжно прижившись в академической и журналистской среде. Уже в наши дни ведущая журналистка «Нью-Йорк Таймс» Ханна-Джоунз пишет об Америке, что «расизм содержится в самом ДНК страны». Её редактор Джейк Сильверстейн, вторя ей, утверждает, что «рабовладение иногда называют первородным грехом страны, но это гораздо хуже – это сама природа Америки».

В природе Америки прогрессисты видят и другие безнадежные изъяны. Непре-

клонная обличительница капитализма, член Палаты представителей Конгресса США Александрия Оказио Кортес заявляет: «Мы должны провести капитальный ремонт в Америке, загаженной и порабощённой неисправимым капитализмом». Профессор Гарвардского университета Стивен Пинкер, кстати известный учёный, идёт ещё дальше. «...У прогрессистов нет другого выбора, – пишет он, – кроме как задуматься о применении силы для того, чтобы построить лучший мир, помня о том, что это – компромисс между малым насилием сегодня и готовностью терпеть несправедливость бесконечно».

Когда цель оправдывает средства

С такими идеями левые либералы подошли к событиям этого лета. Они были вооружены теорией, пониманием цели, добились влияния в образованной среде, особенно среди белой молодёжи, но не имели своей организации, чтобы поднять массы навстречу своей мечте. А движение BLM, напротив, в своих интеллектуальных кладовых имело лишь обиду, жалость к себе, ненависть к белым, кричалки о полицейской жестокости и расизме, а также желание, чтобы всё было по-другому. Своё видение мира одна из основателей движения BLM в Торонто Юсра-Хогали выразила таким образом: «Белая кожа – это ненормальность, свойственная недочеловеку. Все фенотипы существуют в семье чёрных народов, а белые люди – генетический дефект черноты. ...Чёрные просто через свои доминирующие гены могли бы буквально смести с лица земли белую расу, будь у нас такая возможность».

По счастью, у BLM пока такой возможности нет, зато есть организация, способная вывести людей на улицы. Я не знаю, встречались ли лидеры этих лагерей на «тайной вечере», чтобы договариваться о совместных действиях. Скорее всего и не встречались. Думаю, всё было проще: сочувствующие белые либералы, и прежде всего прогрессисты, спонтанно присоеди-

лись к демонстрациям чёрных. Во многом их видение мира и устремления совпадали. Вот совсем недавно нью-йоркский лидер BLM Хок Нюсам выразил их таким образом: «Если эта страна не даст нам того, чего мы хотим, мы сожжём эту систему и заменим её... Возможно, я говорю фигурально, – заявил он, – а возможно, буквально. Это вопрос интерпретации». Прогрессисты понимают его буквально, полагая, что очень удачно могут использовать союзника. Забавно, что о том же думают и активисты BLM. Иногда их откровения прорываются наружу. Недавно, например, активистка Эшли Шэклфорд заявила, что белые люди в их движении – в лучшем случае граждане второго сорта. По-хорошему они нужны только как живые щиты, как «торпеды» и денежные мешки.

А звёзды тем временем складывались в сложную мозаику, привлекая к беспорядкам всё большее число интересантов. Словно мухи на мёд, в горячие точки слетались ультралевые анархисты движения «Антифа». Без всякой внятной идеологии эти молодцы тоже настроены против государства и с большой охотой принимают участие во всех проходящих безобразиях. Сообщалось, что анонимно в безобразиях поучаствовали и правые радикалы из националистическо-

го движения «Бугалу», у которых по другим причинам свои счёты с государством. Но, может быть, самую ценную поддержку протестующие получили от Демократической партии и примыкающих к ним СМИ, а это 90% всех основных СМИ в стране.

В том, что происходит сегодня на улицах, Демпартия увидела возможность добиться своей единственной цели, к которой она безуспешно стремились последние четыре года – выместить Трампа из Белого дома. К тому же призывают и протестующие из BLM. Политики, многочисленные эксперты из аналитических центров и большая пресса страстно подхватили идеи вины белой расы, покаяния, борьбы с «привилегиями белых», низложения полиции и пр. Всё это, конечно, транслировалось под флагом борьбы за равноправие, против «системного расизма». Губернаторы и мэры-демократы с готовностью сдавали свои города протестующим,

отстраняя полицию от охраны порядка и позволяя хулиганью безнаказанно громить и грабить города. Выражая всяческое одобрение движению BLM, иные представители власти сами становились на колени, а мэр Миннеаполиса аж валялся в слезах у гроба Флойда. Поведение сомнительное, но политически целесообразное. Демократам, как воздух, нужны голоса чёрных, которые составляют четверть электората Демпартии. И они боролись за эти голоса, без мощного вклада демократов страна не вошла бы в состояние полномерной истерии. Такое впечатление, что ради уничтожения Трампа демократы готовы бросить под колёса всю страну. Но в своей борьбе с президентом они серьёзно заигрались, не заметив, что события выходят из-под контроля, что в стране разворачивается Культурная революция, последствия которой могут быть чудовищными.

Да, это культурная революция, но пока ещё только начало

Когда в начале нынешних беспорядков началась война с памятниками и мемориалами южанам, сражавшимся в Гражданской войне за отделение от Соединённых Штатов, это можно было отнести на счёт уже не раз ранее повторявшихся эксцессов со стороны чёрных активистов и леволиберальной публики. Их мотивация, хотя и спорна, но, по крайней мере, казалась понятной – в конце концов, южане сражались за сохранение рабства. Но когда протестующие добрались до Колумба, а затем и до памятников «отцам-основателям» – Дж. Вашингтону и Т. Джеферсону, другим выдающимся президентам – У. Гранту, А. Линкольну, Т. Рузвельту, а потом и до традиционного изображения Христа с белым ликом, тут уже стоило задуматься. Удар был нанесён не просто по памяти о ярких исторических личностях. Вандалы подняли руку на сакральные фигуры этой страны, во многом определяющие американскую идентичность.

Всем известным революциям непременно сопутствует разрушение наследия

прошлого, памятники принимают на себя первый удар. Это необходимый символизм утверждения новой власти, новых идей и идеалов в ходе перенастройки сознания масс. Ментальный сдвиг особенно эффективен, когда прошлое рушится руками восставших.

Американский публицист Эндрю Салливан видит в происходящем ещё несколько характерных для революции черт. Во-первых, революционный момент требует публичных покаяний в беззаконии со стороны тех, кого обвиняют в угнетении. Этим особенно прославилась китайская Культурная революция. Это происходит сегодня в Америке ежедневно. Революции также поощряют граждан брать дела в свои руки, как это сейчас пытались делать отряды BLM в «автономных зонах» в Сиэтле, Нью-Йорке, других городах, как это делали рабочие-солдатские патрули у нас сто лет назад, а спустя полвека хунвейбины в Китае. И повсюду это вело к беззаконию и росту насилия.

Точно так же многие революции объединяет тяга к лингвистическому конструированию. Для разрушения существующего порядка революционеры создают новые формы языка. И в большевистской России и при Мао в Китае появились, например, слова, выявляющие противников революции. У нас это было слово «контра», в Америке наших дней примером может служить выражение «превосходство белых» (whitesupremacy). Раньше под этим имелся в виду Ку-Клус-Клан¹, или сегрегация, или что-то в этом роде. Сегодня эти слова левые безапелляционно относят ко всему американскому обществу. Слово «притеснение» (oppression) сегодня включает не только уйгурские перевоспитательные лагеря, отмечает Салливан, но может означать и чувство растерянности, которое, случается, испытывает первокурсник в каком-нибудь привилегированном университете. Но самую драматичную трансформацию пережило слово «расист» (racist). Теперь этот ярлык может быть приклеен к любому, кто не согласен с тем, что в Америке существует «структурный расизм» (structuralracism), что может означать что угодно – от несогласия упростить экзамены чёрным студентам до полицейского произвола и любых различий между положением чёрных и других этнических групп. Поэтому быть безразличным к цвету кожи – значит быть расистом. И как в своё время в большевистской России слово «коммунизм» приобрело сакральное звучание, также сегодня в Америке зазвучало слово «антирасизм», подраз-

умевая, что кто не антирасист, тот расист. При этом быть антирасистом означает принимать участие в движении либо поддерживать его материально. Иначе вы – расист.

Сегодня руководство Демпартии, как и левые либералы, использует движение BLM как инструмент борьбы за власть. Но то, как все эти силы пытаются прийти к власти, в случае успеха завтра может обернуться пирровой победой. Для чёрных участников волнений, возможно, и будут отвоены новые льготы и привилегии, но это только отбросит их на годы назад. Заниженные специально для афроамериканцев стандарты и критерии не дадут им подняться вровень с остальными. Демпартия, в свою очередь, не видит ничего вокруг, все её усилия, все ресурсы сосредоточены на главном трофее – Дональде Трампе. Партийное руководство не думает о том, что если с помощью бунтарей они приведут Байдена к власти, левые либералы в их же собственной партии,кратно усиленные улицей, в конце концов, перехватят у них власть и поведут страну с таким креном влево, что у умеренных либералов захватит дух. Они не видят, что, подогревая ситуацию, они повышают градус накала страстей, позволяя BLM и прогрессистам отвоёвывать всё большее пространство. В этом отвоёванном пространстве шаг за шагом уничтожается то, что делает Америку Америкой, уничтожается её историческое прошлое, её культура, уничтожается американская идентичность. Именно это и является целью левых радикалов в их грёзах о построении нового мира.

¹ Группировка запрещена на территории РФ.

Ещё не поздно

Да, пока при партийной поддержке демократов, примыкающих к ним СМИ и сочувствующих доноров из большого бизнеса повстанцы успешно продвигаются к своей цели. Продвигаются без особых помех, другая Америка пока ещё не стала у них на пути. Но есть критическая точка,

когда эта другая Америка, не желающая становиться на колени и, кстати, хорошо вооружённая, та Америка, что не утратила прививки от всего левого – социалистов, коммунистов, троцкистов, – видя, что теряет свою страну, непременно поднимется. Не дай нам Бог стать тому свидетелями.

Р.С. Когда эта статья была уже написана, мне прислали две ссылки с видео на одно и то же событие: 4 июля в День независимости США отряд вооружённых афроамериканцев численностью в несколько сот человек показательно прошёл маршем в национальном парке Джорджии в районе Скалистых гор. Марш шёл под лозунгом «Мы больше не хотим разговаривать, не хотим вести никакие переговоры». Из текста первой ссылки мы узнаём, что все члены этой группы бывшие военнослужащие с отличными навыками стрельбы, а также узнаём о планах группы объявить всех потомков рабов узниками Соединённых Штатов и потре-

бовать предоставить им земли, где они построят собственное государство. Штат Техас их устроил бы. Альтернатива этому плану выражена не совсем ясно. Вторая ссылка также содержит видео марша вооружённых афроамериканцев, выкрикивающих: «Власть чёрных, чёрные люди, чёрные мужчины, чёрные женщины, чёрные дети, государство чёрных». Показательно, что этот марш не нашёл освещения в основных медиа, т.к., очевидно, не соответствовал принятому там нарративу. Но если бы подобный марш провели белые, наверняка был бы поднят грандиозный шум, мол, готовятся к гражданской войне.

Игорь Балдин

Российский журналист. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Работал корреспондентом и спецкорром на каналах «Столица», «Мир», «Россия», «Культура». С 2012 года является корреспондентом сетевого издания «Звезда».

ПЕРЕПИСАННЫЕ УЧЕБНИКИ И ОРАНЖЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: как миллиардер Сорос десятилетиями влияет на дела государств

Один из самых могущественных игроков мировой закулисы Джордж Сорос в своём последнем интервью выразил надежду, что в ноябре американскому лидеру Дональду Трампу «придёт конец». Фонд Сороса активно наращивает финансирование врагов американского президента. Например, ещё в июле он анонсировал выделение более 200 миллионов долларов на нужды чернокожих американцев, иначе говоря, протестному движению BlackLivesMatter, которое активно выступает против Трампа.

В консервативных кругах Америки под- считали, что всего на данный момент в бюд-

жете фонда Сороса на финансирование лояльных демократам организаций заложено более 260 миллионов долларов – это 20% всех денег фонда. То есть каждый пятый доллар в этом году Сорос потратит конкретно на борьбу с Дональдом Трампом.

Джордж Сорос – он же Дьёрдь Шорош – родился в Будапеште в семье венгерского еврея. Во время Второй мировой ему, как и миллиону его сограждан, грозила смерть. Но, когда мальчику было десять лет, произошло то, что во многом определило всю его дальнейшую судьбу. Родители отдали его на воспитание в христианскую семью, чтобы спасти от

нацистов. А его приёмный отец сам оказался нацистским пособником – наживался на собственности евреев, которых отправляли в лагерь. Страшный урок цинизма, который будущий миллиардер, кажется, усвоил. Даже к этому эпизоду своей биографии спустя годы он относился как к игре на бирже.

«Конечно, я мог быть на другой стороне. Я мог быть одним из тех, у кого забрали всё. Но у меня не было чувства, что я не на своём месте. Потому что... знаете, забавно, это как во время игры на финансовых рынках: если эти деньги не возьму я, придёт кто-то другой, чтобы забрать их, вот и всё. Вот и тогда я понимал, что еврейскую собственность всё равно заберут – не этот человек, так другой. Но и я сам, конечно, тогда ничего не забирал, я был просто зрителем. Я не имел к этому отношения, так что у меня нет никакого чувства вины», – говорил Сорос в программе «60 минут: Джордж Сорос» в 1999 году.

Уроки из серии «жизнь – это рулетка» или «ничего личного» не прошли даром. Они выковали характер Сороса-бизнесмена, а затем и политика. Он всегда шёл туда, где царил хаос, закидывал удочку в мутный омут. Свою первую рыбку – миллиард долларов – он заполучил в 1992-м.

Когда в Англии назрел банковский кризис, Сорос начал скупать британскую валюту. Потом продал всё разом, хорошо заработал, а заодно обрушил фунт стерлингов. Несколько лет спустя ту же операцию он провёл с тайским батом и неплохо нажился на азиатском кризисе. В 98-м он предсказал дефолт в России, а точнее, получил инсайдерскую информацию от американских спецслужб и с огромной выгодой для себя сыграл на курсах валют. Тогда бизнесмен получил нелюбимое прозвище – архитектор хаоса. Хаос стал его зоной комфорта. Именно на нём зиждется и вся соросовская благотворительность.

Когда в СССР грянула перестройка, он сразу понял, куда надо закидывать невод. Первым советским человеком, с которым он связался, был только вернувшийся из ссылки академик Андрей Сахаров. Ему Сорос предложил профинансировать культурный или

образовательный фонд. Сахаров донёс эту идею до семьи генсека Михаила Горбачёва. И вскоре бизнесмен из США уже был на короткой ноге с Кремлём.

«Я связался с фондом, организованным Раисой (Горбачёвой). Наше совместное предприятие называлось «Культурная инициатива». Там была старая команда, но были там и молодые люди. Это была группа из КГБ, которая активно поддерживала перестройку», – отмечал Сорос в 2016 году.

Сорос понял, что именно в смуту можно зарабатывать больше всего. Поэтому когда в СССР подул ветер перемен, он быстро смекнул, в какую сторону надо двигаться. Страна распадалась, не одна золотая рыбка, а целая стая сама шла к нему в руки. Сорос проявлял невероятную активность, постоянно встречался с сильными мира сего. Один за другим создавая фонды, которые должны были изменить всю экономическую модель трещавшей по швам супердержавы, сделать её полем для спекуляции и выгодных инвестиций.

Бывший премьер-министр Украины Николай Азаров, которого сверг созданный Соросом Майдан, вспоминает, как в начале 90-х миллиардер плёл свои сети.

«Первая моя встреча была в Донецке, 92-93 год. Происходила она в гостевом доме бывшей донецкой компартии. Там принимали генсеков, Горбачёв там был, вот такое внимание уделили Соросу... А идеи у него были исключительно простые и примитивные: первое, что ваша промышленность устарела, вы с такой промышленностью никуда не попадёте, ни в какой цивилизованный мир. Вам надо всё немедленно демонтировать. Вам надо создавать условия для привлечения инвестиций», – вспоминает политик.

Сорос действовал не спеша: политиков убеждал в том, что плановая экономика никуда не годится, что им нужны иностранные инвесторы. Обнищавшую интеллигенцию подкупал грантами: давал деньги учёным, книгоиздателям. Делал широкие жесты – публиковал собрания русской классики, например.

Борис Надеждин в 90-е работал в думе и правительстве. Он до сих пор с теплотой вспоминает об американском миллиардере.

«Сорос в 90-е годы, я точную статистику не знаю, но речь идёт о многих тысячах советских учёных, российских уже учёных, выплачивал им единовременную помощь в размере 500 долларов. Это зарплата научного сотрудника за два года», – говорит Надеждин, ныне президент Фонда «Институт региональных проектов и законодательства».

По данным исследовательской группы DC Leakes, за несколько лет миллиардер основал в России правозащитную организацию «Общественный вердикт», историческую «Мемориал», юридическую «Центр социальных и трудовых прав», социологическую – «Левада-Центр». Открытая Россия, Московский центр Карнеги, СОВА, Центр Сахарова, интеллектуальное движение «Лебедь» – это его проекты. Что не так с его филантропией, гуманитарными и образовательными проектами, стало понятно только десять лет спустя, когда учёные, правозащитники, политики поняли, в какую ловушку они попали. Фонды, финансируемые бизнесменом, стали предъявлять свои требования тем, кого они всё это время кормили. Рассказывать, какую экономическую модель лоббировать в верхах, как преподавать историю, для чьих инвестиций открывать двери.

«Когда вышли первые пособия, когда вышли учебники, сделанные советниками под диктовку специалистов фонда, то все взялись за голову... Преподносятся события войны в ином свете: не Советский Союз являлся основным носителем той победы в войне, не на его плечах была победа. А это сделали западные союзники, а мы им помогли», – поясняет руководитель Всероссийского фонда образования, сопредседатель движения «Образование для всех», член-корреспондент Российской Академии Естественных Наук Сергей Комков.

В 90-е было два учебника истории: один – просоветский, а второй – прозападный. Школьникам второй нравился больше – яркие иллюстрации, живой язык. Но если присмо-

треться: о Сталинградской битве в нём одной строчкой, о капитуляции Германии – тоже. А вот об операции США в Атлантике и победе над Японией – целые абзацы.

К концу 90-х пришло отрезвление, пелена очарования Западом и западной моделью спала. Тем временем целая сеть НКО, созданных Соросом, была разбросана по всему постсоветскому пространству. И тогда уже прокуратура и политики стали её постепенно распутывать. Деятельность его фондов в стране объявили нежелательной. И тогда ближайший друг для Сороса в мгновение ока стал врагом.

«Я считаю, что европейское общество реагирует на Россию недостаточно остро. Поэтому и пытаюсь объяснить, какую опасность она в действительности представляет», – заявил Сорос в 2014 году.

Триумфального шествия не вышло. Миллиардер споткнулся о Россию.

Но Сорос не был бы Соросом, если бы ловил своих золотых рыбок только в одном месте. К началу нулевых сотни его фондов уже готовили почву для будущих переворотов в бывших республиках Союза и в Восточной Европе. Они действовали в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, на Украине, в Белоруссии, в Грузии. В странах, которые так явственно, как Россия, не прочувствовали весь ужас 90-х, в западные ценности и гранты от доброго американского друга ещё свято верили. И эта огромная территория для бизнесмена по-прежнему оставалась благодатной почвой.

Медленно, но верно он вёл людей, которые обучались по его программам ещё в 80-х, к власти. В 2000-м его сербские выпускники из протестного движения «Отпор» свергли Слободана Милошевича. В 2003-м на его деньги оппозиционеры из организации «Кмара» совершили госпереворот в Грузии.

«Он думает, что деньги или спасают, или меняют всё. Он ведёт себя как политик, но он не политик. Его никто не избирал. Но всё равно он своими идеями об открытом мире вмешивается во внутренние дела суверенных государств», – говорит венгерский политолог и журналист Габор Штир.

С Украиной сразу не получилось, но к 2004-му миллиардер уже практически добился своего – его ученики из международного фонда «Возрождение» устроили там первую оранжевую революцию. Сорос не получил Россию, но подошёл к её границам вплотную. Азаров помнит, как в начале 90-х Сорос вербовал в Киеве своих сторонников и, по сути, сформировал будущую политическую элиту Незалежной.

Десять лет спустя деньги Сороса пришли на Майдан. Он финансировал политическую оппозицию, на его средства вооружали её боевые подразделения. Совершив очередной госпереворот, миллиардер получил свободный рынок. Транснациональная компания «Монсарто», где Сорос главный акционер, стала наводнять Киев своими ГМО-продуктами, а заодно – скупать там поля и пашни. Недаром в интервью национальному телеканалу звучит оговорка по Фрейду: «Я смотрю на ситуацию изнутри».

«Я смотрю на эти события изнутри. Поэтому меня нельзя назвать беспристрастным наблюдателем. Я думаю, это очень важное событие, это стало, действительно, рождением нации», – сказал Сорос, отвечая на вопрос, считает ли он произошедшее на Украине «революцией достоинства» или госпереворотом.

Странно было бы думать, что Сорос действует в одиночку. За миллиардером стоит и весь демократический истеблишмент США, и Госдеп, и американские спецслужбы. Он финансирует цветные революции и продвигает идеи глобализма не безвозмездно, ему сливают инсайдерскую информацию обо всех финансовых конкурентах и помогают укрываться от судов.

«Нет ни одного конфликта, где не участвовал бы фонд Сороса. Его идея открытого общества есть везде. Эта тема стала его звездой, но в реальности Сорос – неотъемлемая часть американских спецслужб. Сорос – американские спецслужбы. Он не гениальный бизнесмен, кто сам делает революции, это ложь. Коллективный Сорос – это тот Сорос, который представляется 17-ю спецслужба-

ми Америки, они готовят хорошую базу для действий», – объясняет член-корреспондент Академии военных наук РФ, политолог-американист Сергей Судаков.

В 90-е казалось, что Сорос получил что хотел: деньги, власть, влияние во всём мире. Но сначала его попросили из России, потом в родной Венгрии объявили персоной нон-грата. И, наконец, его сеть стала расходиться по швам даже в США, зацепившись за иглу Трамп-тауэр.

Тогда миллиардер пошёл ва-банк и сделал одно из своих самых неудачных вложений. Инвестировал сотни миллионов долларов в предвыборную кампанию Хиллари Клинтон. Она лоббировала его интересы ещё с 2009-го, когда стала госсекретарём: назначала на высокие посты удобных Соросу чиновников и дипломатов.

Оказалось, всё напрасно. К власти пришёл Трамп, которым Сорос не может управлять. Во-первых, у нынешнего президента США денег тоже много. Во-вторых, он тёртый калач и знает толк в манипуляциях. Но миллиардер не сдаётся и пытается раскатать лодку изнутри.

Очередные протесты – BlackLivesMatter. Чернокожие борются за свои права. Всё начиналось как обычно – митинг за светлые идеи, а закончилось погромами, которые опять-таки проплачены Соросом.

Но его главный враг, как сказал сам Сорос, по-прежнему сидит в Москве. Действовать напрямую через свои фонды, как раньше, бизнесмен уже не может. Последнее оружие, которое у него осталось, информационное. «Открытая Россия» Михаила Ходорковского, от которой о России традиционно или негатив, или молчание, его проект. А на неделе одна из подконтрольных ему организаций объявила набор в школу медиа менеджмента – чтобы на российской земле воспитывать правильных, с точки зрения миллиардера, либеральных журналистов. Он не сдаётся – однажды потерпев поражение, мечтает о реванше. И, несмотря на солидные годы, ради того, чтобы добиться своего, готов терпеливо ждать.

Архимандрит Рафаил
(Карелин)

НАША ВЕРА

Почему на земле существуют сотни религий, несогласных друг с другом и в то же время претендующих на истину? Куда они ведут? Спасительны ли они или конец их оканчивается метафизической бездной? Откуда появилось это множество представлений и систем? Если человечество происходит от одного корня, то почему у него нет единого мировоззрения?

На эти вопросы трудно ответить современному человеку, который привык подходить к философско-нравственной проблематике с позиций гуманизма. Но всё-таки этот вопрос продолжает тревожить совесть, и агностическая позиция «не знаю» не даёт душе удовлетворения.

Зародыш религиозного плюрализма уже находится в самом грехопадении. В грехе Адама уже проявилось двубожие: он верит в Бога и в то же время верит сатане, как ново-

му «доброму божеству». Грех несёт с собой разделение: внутреннее и внешнее. Разделение поражает состав человека, дух и душа теряют прежнюю гармонию: дух закрывает своё око, обращённое к небу, душа – ещё сильнее привязывается к земле. Грех извращает иерархию человеческой природы – душа начинает властвовать над духом. Внутренний свет богопознания меркнет; непосредственный опыт заменяется символикой, религия опирается на внешнее, на словесное предание и ритуалы, из которых важнейшим является жертвоприношение.

Религия из боговидения превращается в искание Бога во тьме. Грех разобщил между собой силы души: ум, чувства и волю, оторвав их от духовных интуиций. Человек потерял критерий достоверности – непосредственное созерцание. Внешний мир он видит не в его сущностях, а в проявлениях,

феноменах, как в разрозненных фрагментах, и силой воображения пытается дополнить их и расположить в единую картину.

Здесь творческую силу духа заслоняет и вытесняет изобретательность души. После грехопадения человек, предоставленный своим силам, становится «изобретательным существом».

Грех Адама был первым опытом демонообращения, его импульс продолжает действовать в человечестве. Чувства человека вырождаются в страсти; изобретательность даёт обильную пищу для его главной страсти – гордыни. Человек всё более привязывается к земле. Душа, напитанная, как губка водой, страстными чувствами и образами, захватывает область духа. Впервые демонопоклонение как устойчивый вид религиозной метафизики появилось в потомстве Каина. Убийство брата повлекло за собой новые потрясения, деградацию и изменения духовных и душевных сил. Реактивные силы души получают новый агрессивный импульс и ещё более отчуждаются от духа. В Библии кратко упоминается о том, что потомок Каина – Ламех – берёт двух жён. Здесь вырождение союза супружества, которое из средства деторождения превращается в удовлетворение похоти. Желательная часть души, которую не вполне точно называют эмоциональной, перестаёт чувствовать не только небесную красоту, но и мировую гармонию. Она становится наиболее растленной и уязвимой частью души, через которую тёмные силы действуют на человека. Как противник, захватывающий чужую территорию, устанавливает там своё господство, составляет новые законы и правила, так душа, сломав иерархию духа и захватив господство над человеком, создаёт свои имитации и суррогаты религии; как слепой, лишённый зрения, заменяет его собственным воображением, так душа, лишённая духовного света, заменяет образовавшуюся пустоту своими собственными грёзами.

Сила духа – это творчество, основанное на созерцании сверхчувственных феноменов. Сила души – изобретательность, основанная на предположениях. Ум, отчуждённый от духа, фантазирует словесными абстракци-

ми; эмоции, абстрагированные от импульса духа, проявляются в сознании через чувственные образы. Откровение замещается и вытесняется философией; постепенно предание растворяется и исчезает в мифологии. Демонологические религии в своих внешних проявлениях представляют союз философской школы и театра.

Род Каина быстро прошёл путь от теизма к сатанизму. Соединившись впоследствии с родом Авеля, он в религиозном плане ассимилировал его и увлёк за собой. Вот пример, когда добро и зло в сочетании друг с другом производят ещё большее зло. Допотопная история представляла собою как бы «пророчество в действии» об эсхатологии мира. Это краткий конспект будущей истории человечества.

Для нас возникновение новых религий и умножение их видится как потеря первоначального предания, хранителем которого был пробуждённый человеческий дух. Возникновение различных религий в послепотопный период, подобно грибам после дождя, представляется нам как результат изобретательности души и гордого ума, которые хотели своими усилиями увидеть и добиться того, что открывает духу благодать. Религиозная фантазия, как агрессия страстной и греховной души в область духа, всегда остаётся религиозным иллюзионизмом, всегда даёт возможность тёмным силам влиять на душу, не защищённую благодатью.

Все религии, кроме православной, стремятся опереться на внешние силы. Дух не нуждается в опоре на внешнее, так как обращён к вечности. Душа обращена к земному бытию, поэтому её деятельность зависима от внешних факторов. Душевные религии ищут физического субстрата или внешней опоры. В иудейской религии этой опорой является национальная солидарность, без неё талмудизм бы исчез. Магометанство распространялось посредством экспансии, оно опиралось на силу оружия. Католицизм опирается на организацию и дисциплину, на внешний авторитет, который воплощён в лице папы. Протестантизм опирается на

букву Священного Писания, за которой стоит не дух, а человеческий интеллект, поэтому сама Библия превращается во внешний авторитет. Кроме того, секты опираются на систему взаимопомощи, на конфессиональную солидарность как общественную поруку.

В православии нет внешних опор, а те опоры, которые исторически возникали как симфония между Церковью и государством, имели временный характер – они промыслительно рушились, и православие оказывалось без всякой социальной, политической, интеллектуальной и экономической поддержки. Оно кажется в современном мире самой незащищённой конфессией. Но это кажущаяся беспомощность и одинокость в страстном и демонизированном мире как раз свидетельствует о том, что оно не от этого мира, что оно откровение духа, а не изобретение души. Православие не опирается на науку, как требует это делать современное католичество и протестантство. Оно чуждо философским интерпретациям. Характерно, что религиозные мыслители начала XX века, желавшие подвести под православие философский базис, в большинстве сами оказались вне православия и оставили нам свои творения как опыт интеллектуального поражения.

Несмотря на всеобщее снижение духовности, всё яснее, всё более чётко видится, что мы оставлены этим миром, значит, мы не его: в этом оставлении, в этих промыслительных потерях, в этих временных земных скорбях залог того, что мы не оставлены Богом, что князь мира сего не нашёл в православии своего – не в нас, а в православии, и готовится к новым гонениям на Церковь.

Православный аскетизм считает своим врагом фантазию, как поле демонических сил. Он учит, что грех проявляется через фантазию, и первое аскетическое правило – очищать сознание от образов и помыслов.

Православие отрицает за философией возможность постижения истины, между

тем как рационалистические конфессии и секты находят в интеллектуальных фантазиях апологию своих заблуждений. Православие отрицает эстетизм как «красоту ради красоты», считая его одной из попыток увечевания временного. Православие отрицает всё то, что собирали другие религии и конфессии, как строительный материал.

Для нас вопрос, можно ли спастись в других религиях, – так же непонятен, как вопрос, можно ли выдумать другого Бога, можно ли изобрести Церковь, можно ли осуществить богообщение через собственную фантазию.

Наша вера – самая древняя. По сравнению с библейскими книгами остальные религии, оставившие после себя какие-либо письмены, возникли гораздо позже. Православие – наиболее древняя форма христианства, которая не подверглась изменениям и реформам. Следовательно, именно в православии мы видим непрерывающуюся нить, идущую от праотцев через ветхозаветную и новозаветную Церковь – единое русло благодати, берущее своё начало от дня Пятидесятницы.

История остальных религий и конфессий – это история их реформаций и перемен. Реформируется несовершенное, но от этого оно не делается совершенным: в православии истина остаётся тождественной себе самой.

Индуистские религии повторяют искушение Адама: они уверяют человека, что он по природе своей – божество, т.е. расчёсывают гнойник человеческой гордыни. Кроме того, реформированные индуистские секты, учитывая прагматизм современного человека, обещают ему особые оккультные знания и силы. Можно сказать, что современный ренессанс язычества обусловлен тем, что даже в религии человек ищет не общения с Богом через подвиг и самоотвержение, а средства дополнительной энергетике и утверждения своей значимости. Здесь магия и оккультизм предлагают ему, как товар на выбор, свой «ассортимент».

ВОСХОДЯ БЛАГОДАТЬЮ

История мира свидетельствует нам об одном: что человечество – глубоко больной организм, оно поражено каким-то страшным душевным недугом, и каждый человек находится под постоянными импульсами греха. Ни одно существо на земле так не развращено и порочно, как человек, если вообще можно говорить о порочности тех животных и зверей, которые детерминированы своими инстинктами.

В истории человечества слышится эхо космической трагедии, которая потрясла мир. Это эхо звучит в сердце каждого из нас. Человек раздирается внутренними противоречиями, проблески надмирного света, озаряющие по временам его душу, сменяются метафизической тьмой, как будто идущие из тёмных глубин его существа. Существует парадокс: чем более греховен человек, тем он меньше видит и осознаёт свою греховность. Многие злодеи искренно считали себя честнейшими людьми и благодетелями человечества. Причина этого – потеря совести и внутренняя слепота. Когда человек входит в подземелье, где нет света, он не может увидеть пауков, свивших свои гнёзда на стенах, змей и гадов, ползающих под ногами. В жилище, где закрыты ставни, человек не увидит пыли и грязи; напротив, когда луч солнца проникает внутрь дома, тогда только можно увидеть накопившийся мусор, а в самом луче тысячи пылинок. Только в благодати Божией мы можем понять, насколько низко пал человек. Только чуткая совесть может обличать человека, его постоянное состояние страстности, лжи, эгоизма и гордыни. Сократ сказал: «Познай самого себя», но так и не увидел природной повреждённости человека; все его рассуждения сводились к воспитанию и обучению. Он сказал: «Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть». Но он сам, как его талантливейший ученик Платон, страдал ожирением. Однако диалектика здесь мало срабатывала.

В наш век, когда взрываются, как плотины, нравственные преграды к греху, когда средства массовой информации, которые должны быть рычагами культуры, занимаются растлением людей, видение греха исчезает; поэтому учение о первородном грехе кажется неоязычникам каким-то архаизмом, унижающим достоинство человека. Для них «человек» звучит гордо, а «всё естественное – прекрасно». Это голос древнего язычества. Христианство открыло нам, что человек потерял естественность как первозданную чистоту, в его естество вьелся, как ржавчина в железо, порок. Святые всю жизнь плакали о своих грехах. Антоний Великий говорил: «Моя продолжительная жизнь – это продолжительный плач». В свете благодати Божьей и по мере приобретения благодати они как со светильником в руках опускались в глубины своей души и видели там образы страшных пороков, видели свою душу в грехах, подобной язвам проказы, видели духовных змей и скорпионов, которые наполняли ядом чувства и омрачали мысли, видели чудовищ, как вампиров, присосавшихся к сердцу, которых нельзя изгнать без благодати Божьей, видели в себе осквернённый образ Божий, как разрушенный храм, ставший загоном для скота, видели в себе падение всего человечества и поэтому плакали о своих грехах и говорили, что спасение невозможно без Искупителя, и даже для святых оно является даром милосердия Божия.

Что произошло с человеком? Какая причина побудила того, кто был сотворён как венец всего мироздания, изменить своему Создателю? Что произошло с Адамом и его потомками? Какое проклятие легло на человеческий род?

История грехопадения восходит к первоангелу – Люциферу, который, забыв о своей тварной ограниченности, захотел стать равным Безграничному, противопоставил себя Богу и стал в бытии своим как бы антибогом. Люцифер значит «светоносец»; он больше всех

творений мог вместить божественный свет и божественную красоту, но гордыня отключила его от источника жизни. Потеряв божественный свет, но не ангельское естество, он стал как бы негативом своей прежней славы. Любовь превратилась в ненависть, устремлённость к Богу – в гордыню, прежняя светозарная чистота – в сгусток страстей. Он пал в бездну тьмы и богоотступления, он стал олицетворением зла, интенсивность и энергию которого не может представить себе человек.

Адам нарушил завет с Богом; заповедь, данная праотцам в раю, имеет буквальное и символическое значение. Григорий Богослов с особой глубиной и проницательностью пишет о символическом плане грехопадения. Человек разрывает союз с Богом, становится неспособным к богообщению, теряет божественный свет, и это ещё не всё – он становится демоноподобным существом, только с одной разницей: демон погиб окончательно, свет Божества погас в нём, как пламя свечи при порыве ветра; человек был похож на погасший костёр, в котором под грудой пепла ещё тлеют угли, их можно снова разжечь, и тогда появится огонь.

Человек способен к возрождению, однако не своими силами, а благодатью Божией. Грех имеет многогранное проявление на всех уровнях бытия. Он изменил антропологию, ангелологию, космологию и метафизику мира. Человечество потенциально заключалось в Адаме, и грех в антропологическом плане передаётся через душевно-физическую повреждённость Адама, как наследственная болезнь, к его потомкам. Грех имеет метафизическую сущность, он сделал Адама вместе с его потомством достойным и добычей сатаны. Адам добровольно вступил в союз с демоном, и Господь, будучи вечной Правдой, не отнимает силу и могущество, а искупает любовью и крестной Жертвой потомков Адама у сатаны.

Кроме искупления, для богообщения необходимо ещё освящение – это благодать Духа Святого, которую душа человека принимает добровольно. Искупление усвоится человеку в Таинстве Крещения, а освящение – как в Кре-

щении, так и в остальных Таинствах Церкви и жизнью, согласной с заповедями Евангелия и голосом совести. Поэтому спасение всегда остаётся синергическим актом – взаимодействием божественной воли, как полноты любви, и человеческой воли, подчиняющейся этой любви (во время Крещения младенца его представляют родители и восприемники).

Бог даровал человеку нравственную автономию, без которой невозможно само понятие личности, поэтому, будучи Правдой, Он даёт развиваться в человеке и в человечестве потенциалу добра и зла. Христос на кресте заменил Собой каждого человека, вступающего в Церковь через Таинство Крещения. Христос является носителем полноты Духа Святого, поэтому Дух Святой сходит на крещаемого. Что было бы, если Господь взял в небесный рай неискуплённого человека, вырвав его как бы силой из власти дьявола и ада? Образно говоря, то, что было бы с Землей, если бы её какая-то сила приблизила к Солнцу: Земля расплавилась бы и превратилась в огненный океан, не выдержав солнечного жара. Если бы грешника, с его невозрождённым естеством, со страстями, пороками и грехами, а также некрещённого младенца с таким же повреждённым естеством и закодированными пороками взять в Небесное Царство, то они не выдержали бы благодати Божией, пребывающей там, как больной глазами – ослепительного света; они бы мучились, как бесноватый во время литургии. Пребывание в аду – это пребывание в своей среде, в той, которая соответствует их внутреннему состоянию. Можно ли сказать: «Как жалко глубоководную рыбу, которая находится в темноте, давайте поднимем её на поверхность, чтобы она полюбовалась светом солнца». Обрадуется ли рыба такой милости или забьётся в конвульсиях? Адам был в раю, но в самом Адаме был рай – это благодать Духа Святого. Господь сказал, что в тот день, когда Адам нарушит заповедь, он умрёт. Адам духовно умер: он ещё пребывал в раю, но рай уже не радовал его (впрочем, это был Эдем – земной рай, как бы преддверие небесного рая). Присутствие Божие наполняло его сердце не любовью и блаженством, а тревогой. Чувствуя при-

ближение Божие, он хочет бежать и скрыться от Него. Господь изгоняет Адама из рая не только по Своему правосудию, но и из-за Своей любви. Адам, потерявший рай, через покаяние должен был дать в сердце своём место внутреннему раю – благодати Духа Святого, и тогда, только тогда он смог бы вновь обрести потерянный рай. Покаяние продолжалось всю его жизнь, а после смерти – ожидание искупления в аду. Господь, Своей душой сошедший во ад, вывел оттуда Адама и ветхозаветных праведников, тех, кто жили по голосу закона и совести, каялись в своих грехах, ожидали Мессию и обрели Его в лице Христа Спасителя. Праотцы не были в муках, но без искупления не могли стать причастниками Духа Святого.

Это место – вне геенского огня и вне славы Божией – называется «лоном Авраама» (в притче о Лазаре). Не искуплённое кровью Спасителя, не освящённое Духом Святым, непретворённое и неодоухотворённое естество человека не может стать наследником рая. По слову Спасителя, «ничто нечистое не войдёт в Царство Божие». Если бы демона поместить в рай, то он не стал бы от этого ангелом. Если грешника запереть в храме, то он насильственно не станет святым. Страшная тайна греха – это ненависть к Богу. Грешник, любящий свои страсти, грешник, не освобождённый от демоноподобия,

испытывал бы в раю больше муки, чем в аду. Океан любви и света не радовал бы, а жёг его душу, которая срослась с грехом. Если бы было возможно спасти грешника без его участия, без и искупления и освящения, Господь бы с самого начала помиловал Адама и всех его потомков, потенциально заключённых в нём. Некоторые люди оземлённо представляют рай как прекрасное место для жизни, как цветущий сад, забывая о том, что вечное спасение – это вечное богообщение, вечное поступательное приближение к Богу, вечные озарения новыми волнами благодати, вечное христоуподобление. Между тем рай – это прежде всего пребывание Бога через Его благодать в душе человека. «Царство Божие внутри вас есть», – сказал Христос и открыл это Царство в день святой Пятидесятницы. Бог есть Любовь, и в наказании Божиим проявляется та же любовь, только недоступная нашему пониманию. По словам некоторых богословов, ад – это последняя милость Бога к грешнику. Бог не наказывает грешников так, как карает их земное правосудие. Он даёт им место в вечности, то, которое соответствует их состоянию. Либеральное сознание хочет превратить метафизический ужас греха и трагедию богооставленности – в «святочный рассказ» со счастливым концом, чтобы успокоить свою нераскаянную совесть.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Мы начнём с общеизвестных истин. Если растение не поливать, оно чахнет и засыхает. Если растение поливать обильно, так что его корни всё время находятся в воде, то оно гнивает и также погибает. К сожалению, некоторые родители забывают, что детские души нуждаются в разумной строгости и в разумной ласке. Дефицит или избыток одного или другого одинаково калечит их души.

Первая ошибка похожа на неумелого садовника, который топит молодые всходы

в воде – это культ ребёнка. Он становится некоронованным царём семьи, его желания беспрекословно исполняются, родители считают тяжёлым преступлением наказать ребёнка или просто отказать ему в чём-то. Ребёнок представляет, что родители созданы для того, чтобы служить ему. Впоследствии он будет требовать к себе такого же отношения, граничащего с языческим почитанием кумира. Избалованный ласками ребёнок, столкнувшись с житейскими трудностями, будет неспособен переоценить самого себя,

ему будет казаться, что весь мир несправедлив к нему, что его мнимые таланты умышленно игнорируются, что люди, ничтожные и презренные, поставлены выше его. Жизнь такого ребёнка чаще всего является затяжным конфликтом с окружающей его средой, какой-то скрытой перманентной войной со своими сослуживцами и даже с собственной семьёй. В детстве родители невольно внушили мысль, что он должен быть центром забот и внимания, но жизнь преподносит ему свои уроки, она постоянно вышвыривает его на периферию, на самом деле – на своё место, и этот человек копит в своём сердце обиду и боль. Ребёнок, который научился только брать, не давая ничего взамен, который научился поглощать лишь чужое тепло, чаще всего становится эгоистом, и родители становятся первыми жертвами его бессердечия. Они сами зачеркнули свою личность перед ребёнком и научили смотреть на себя как на инструмент его воли и желаний. У восточных народов есть довольно печальная пословица: «Отца и мать будет досматривать нелюбимый сын». «Обожаемый», а проще говоря, избалованный ласками ребёнок, если родители богатые, будет стараться превратить в золото даже их кровь; если они бедны, то забудет об их существовании, похоронит их в своей памяти раньше, чем их кости лягут в могилу. Полноту и счастье жизни даёт любовь. Родители, вырастив своего ребёнка эгоистом, тем самым обокрали его, лишили самого главного – умения любить, сделали его жизнь плоской, пустой и глубоко несчастной. Эти родители считают, что они сделали всё возможное для своего ребёнка, а на самом деле поступили так, как его злейшие враги. А как часто изнеженная, прихотливая и страстная душа становится паразитом для своих близких или ищет новых наслаждений в пороке.

Вторая ошибка. Родители лишают своих детей любви и ласки. Они выступают как строгие контролёры всей его жизни. Их правила – запрещать и не пускать. Всякую самостоятельность ребёнка они воспринимают как потенциальную опасность и считают,

что должны руководить каждым действием, каждым поступком, во всё вмешиваться, давать всему свою оценку. Ребёнок чувствует себя, как в полицейском участке, где он не смеет шевельнуть рукой, чтоб не получить окрика, как удар хлыста. Родители разговаривают с ним тоном безошибочного оракула и убеждают, что это постоянное психическое насилие является величайшим благом для ребёнка, за которое он будет благодарить их всю жизнь.

Такое воспитание может создать два типа людей. В первом случае это человек с подавленной инициативой. Ему трудно принять какое-нибудь решение, он ожидает, что ему прикажут, у него вечное опасение, вечный страх перед криком, перед тем, что грубая рука будет лезть в его душу. Этот человек легко подчиняется другому, с более сильной волей, даже больше: он ищет тех, кто принял бы за него решение. Если человек многие годы сидел в тюрьме, то потом он может испытывать чувство страха перед свободой. Его пугает пространство за воротами тюрьмы, о котором он забыл, будучи посажен в тюремную камеру. Были случаи, когда такие узники не могли жить в миру и снова стремились попасть в тюрьму. Родители, обычно с повышенным мнением о себе, становясь полицейскими по отношению к своему ребёнку, давят и ломают его неокрепшую волю и делают его в жизни также безвольным, постоянно колеблющимся существом. Если в первом случае родители, топящие в ласках своего ребёнка, удовлетворяют страсть душевного сластолюбия, то во втором случае родители-насилыники удовлетворяют страсть своего властолюбия за счёт ребёнка. Но, кроме безвольных людей, от такого воспитания могут вырасти такие же тираны, которые будут как бы компенсировать рабство своего детства такой же психической тиранией над другими и накопленную в подсознании обиду на своих родителей вымещать на своей семье или на подчинённых по службе.

Искусство воспитывать ребёнка – одно из самых высоких искусств, для которого пре-

жде всего воспитывать себя и учить ребёнка личным примером. А это искусство многие родители превратили или же в какую-то любовную игру, или в постоянную войну, как с врагом, со своим ребёнком.

У японцев есть пословица: «Одинаково жестоко избаловать ребёнка или выгнать его из дома». И один и другой будут чувствовать себя брошенными и беспризорными в этом мире. Есть родители, которые беспрерывно говорят своим детям: «Я посвятил свою жизнь тебе, я пожертвовал для тебя своим счастьем», как будто хотят сделать из ребёнка вечного должника с никогда неоплаченным счётом. Ребёнок может резонно спросить: «А кто просил вас жертвовать для меня своим счастьем? Я вовсе не хочу быть в роли преступника, похитившего счастье своих родителей». Тот, кто любит, с радостью жертвует для другого. Когда родители упрекают своего ребёнка в молоке матери, которое он сосал, в трусиках, которые покупали ему, как бы представляя счёт, во сколько он обошёлся, то человек хотел бы собрать всё, что он получил, принести назад своим родителям и сказать: «Возьмите своё и дайте мне только одно – свободу от вечного рабства за ваши заботы и благодеяния».

Теперь рассмотрим духовный аспект этой проблемы. Св. Григорий Богослов сказал: «Тело от родителя, душа от Бога», поэтому родители любят своё. Они считают своим долгом дать ребёнку то, что ценит этот мир. А душа ребёнка, его сердце, его нравственность – это вопросы, оттиснутые куда-то на

периферию. Эти родители покупают для ребёнка «место» в жизни, но то, что легко получается, мало ценится и легко теряется. Нравственность таких людей обычно останавливается на том, что всё можно купить, а если есть ад, то и там, наверное, продают воду. Родители, исполняющие прихоти ребёнка, в сущности стараются купить его любовь. У него вырабатывается определённая установка: любовью можно торговать. Когда родители в чём-то откажут ему, то он начинает показывать им, что любовь «проходит», или начинает плакать, или отказываться от еды. Таким образом, родители, подкупая ребёнка, учат его приёмам уличных забастовок. Обычно бунт родителей бывает скоро подавлен, и те покупают любовь ребёнка сладостями или игрушками. Из таких детей вырастают лицемеры и мошенники, которые разыгрывают целую гамму чувств, чтобы произвести эффект и добиться своей цели.

Ошибки воспитания дорого обходятся родителям. Поэтому они должны помнить о нескольких золотых правилах: инициативу ребёнка надо развивать, наказывать его не за случайные ошибки, а за сознательно сделанное зло. Во всех случаях надо уважать ребёнка как человеческую личность, не делая из него ни кумира, ни раба. Ребёнок будет больше благодарен родителям, если они будут учить его нравственности, прежде всего своим примером, чем если купят не принадлежащее ему «место» в жизни. Будьте сами такими, какими бы вы хотели видеть своих детей.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

Бог дал людям десять заповедей ещё в ветхозаветные времена. Даны они были для того, чтобы оградить людей от зла, предупредить об опасности, которую несёт грех. Господь Иисус Христос установил Новый Завет, дал нам евангельский закон, основой которого являются любовь (*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга* – Ин. 13, 34) и святость (*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* – Мф. 5, 48). Спаситель не отменил соблюдение десяти заповедей, но возвёл людей на высший уровень духовной жизни. В Нагорной проповеди, рассказывая о том, как должен строить свою жизнь христианин, Спаситель даёт девять заповедей блаженства. Эти заповеди говорят уже не о запрете греха,

а о христианском совершенстве. Они рассказывают, как достигнуть блаженства, какие добродетели приближают человека к Богу, ибо только в Нём человек может найти истинную радость. Заповеди блаженства не только не отменяют десять заповедей Закона Божиего, но премудро дополняют их. Недостаточно просто не совершать греха или изгнать его из нашей души, покайся в нём. Нет, нужно, чтобы в нашей душе были противоположные грехам добродетели. Недостаточно не делать зла, нужно творить добро. Грехи создают стену между нами и Богом; когда стена разрушена, мы начинаем видеть Бога, но приблизить к Нему нас может только нравственная христианская жизнь.

Первая заповедь

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Что значит быть нищим духом, и почему такие люди являются блаженными? Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что значит: нищие духом? Смиранные и сокрушенные сердцем».

Духом Он назвал душу и расположение человека. <...> Почему же не сказал Он смиренные, а сказал нищие? Потому что последнее выразительнее первого; нищими Он называет здесь тех, которые боятся и трепещут заповедей Божиих, которых и через пророка Исаию Бог называет угодными Себе, говоря: *на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2)» («Беседы на святого Матфея евангелиста». 25. 2). Нравственным антиподом нищему духом является человек гордый, который считает себя духовно богатым.

Нищета духовная означает смирение, видение своего истинного состояния. Как обычный нищий не имеет ничего своего, но одевается в то, что дадут, и питается подаянием, так и мы

должны осознавать: всё, что имеем, получаем от Бога. Это всё не наше, мы лишь управители именина, которое дал нам Господь. Дал, чтобы оно служило спасению нашей души. Можно быть отнюдь не бедным человеком, но быть нищим духом, со смирением принимать то, что нам дарует Бог, и использовать это для служения Господу и людям. Всё – от Бога. Не только богатство материальное, но и здоровье, таланты, способности, сама жизнь – всё это исключительно дар Божий, за который мы должны Его благодарить. *Без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5), – говорит нам Господь. Борьба с грехами и стяжание добрых дел невозможны без смирения. Всё это мы делаем только с помощью Божией.

Нищим духом, смиреномудрым обещается Царство Небесное. Люди, знающие, что всё, что они имеют, не их заслуга, а дар Божий, который нужно приумножить во спасение души, будут воспринимать всё посланное и как средство достижения Царства Небесного.

Вторая заповедь

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны плачущие. Плач может быть вызван совершенно разными причинами, но далеко не всякий плач является добродетелью. Заповедь о плаче означает покаянный плач о своих грехах. Покаяние так важно, потому что без него невозможно приблизиться к Богу. Грехи мешают нам это сделать. Первая заповедь о смирении уже подводит нас к покаянию, закладывает основу для духовной жизни, ибо осознать свои грехи, покаяться в них может только человек, который чувствует свою немощь, нищету перед Отцом Небесным. Евангельский блудный сын возвращается в дом Отчий,

и, конечно, Господь примет всякого приходящего к Нему и отрет всякую слезу с его очей. Поэтому блаженны плачущие (о грехах), ибо они утешатся. У каждого человека есть грехи, без греха один Бог, но нам дан от Бога величайший дар – покаяние, возможность вернуться к Богу, попросить у Него прощения. Святые отцы недаром называли покаяние вторым крещением, где мы омываем грехи не водой, а слезами.

Блаженными слезами можно также назвать слёзы сострадания, сопереживания нашим ближним, когда мы проникаемся их горем и стараемся чем можем помочь им.

Третья заповедь

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны кроткие. Кротость – это мирный, спокойный, тихий дух, который человек стяжал в своем сердце. Это покорность воле Божией и добродетель мира в душе и мира с ближними. *Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Моё благо, и бремя моё легко* (Мф. 11, 29-30), – учит нас Спаситель. Он был во всём покорен воле Отца Небесного, Он служил людям и с кротостью принял страдания. Взявший на себя благое иго Христово, следующий Его путём, ищущий смирения, кротости, любви найдёт покой, успокоение своей душе и в этой земной жизни, и в жизни будущего века. Блаженный Феофилакт Болгарский пишет: «Некоторые под словом землю разумеют землю духовную, то есть небо, но ты разумеи и эту землю. Так как кроткие обычно считаются презренными и лишёнными значения, то Он и говорит, что они-то преимущественно и имеют всё». Кроткие и смиренные христиане без войн, огня и меча, несмотря на страшные гонения со стороны язычников, смогли обратить в истинную веру всю огромную Римскую империю.

Великий русский святой преподобный Серафим Саровский говорил: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Сам он в полной мере стяжал этот мирный дух, встречая каждого приходящего к нему словами: «Радость моя, Христос воскрес!» Известен эпизод из его жития, когда к его лесной келье пришли разбойники, желая ограбить старца, думая, что посетители приносят ему много денег. Святой Серафим рубил в это время дрова в лесу и стоял с топором в руках. Имея оружие и обладая большой физической силой, он не захотел оказать пришедшим сопротивление. Он положил топор на землю и сложил руки на груди. Злодеи схватили топор и обухом его жестоко избили старца, проломив голову и переломав кости. Не найдя денег, они скрылись. Преподобный Серафим еле добрался до монастыря. Он долго болел и до конца дней оставался согбенным. Когда разбойников поймали, он не только простил их, но и просил отпустить, говоря, что если этого не сделают, он уйдёт из монастыря. Вот какой удивительной кротости был этот человек.

Четвёртая заповедь

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Жаждать и искать правды можно по-разному. Есть определённые люди, которых можно назвать правдоискателями: они постоянно возмущаются существующими порядками, везде ищут справедливости и пишут жалобы, со многими вступают в конфликт. Но не о них говорится в этой заповеди. Имеется в виду совсем другая правда.

Сказано, что нужно желать правды как пищи и питья: Блаженны алчущие и жаждущие правды. То есть очень сильно, как голодный и жаждущий терпит страдания, пока не удовлетворит свои потребности. О какой правде здесь сказано? О высшей, Божественной Правде. А высшая Правда, Истина – это Христос. *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6), – говорит Он о Себе. Следовательно, христианин должен искать истинный

смысл жизни в Боге. В Нём одном истинный источник воды живой и Божественного Хлеба, который есть Тело Его.

Господь оставил нам слово Божие, в котором изложено Божественное учение, правда Божия. Он создал Церковь и вложил в неё всё нужное для спасения. Церковь также является носителем правды и правильного знания о Боге, мире и человеке. Вот этой правды должен жаждать каждый христианин, читая Священное Писание и назидаясь творениями отцов Церкви.

Те, кто ревнуют о молитве, о творении добрых дел, о насыщении себя словом Божиим, поистине «жаждут правды» и, конечно, получают насыщение от приснотекущего Источника – Спаса нашего – и в этом веке, и в будущем.

Пятая заповедь

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Милость, милосердие – это дела любви по отношению к ближним. В этих добродетелях мы подражаем Самому Богу: *Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Бог посылает Свои милости и дары как праведным, так и неправедным, грешным людям. Он радуется об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15, 7).

И такой же бескорыстной любви научает всех нас, чтобы мы совершали дела милости не ради награды, не ожидая получить что-то взамен, а из любви к самому человеку, исполняя заповедь Божию.

Делая добрые дела людям как творению, образу Божию, мы тем самым приносим службу Самому Богу. В Евангелии дан образ Страшного Суда, когда Господь отделит праведных от грешных и скажет праведным: *приидите, благословенные Отца*

Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф. 25, 34-40). Поэтому сказано, что «милостивые сами помилованы будут». И напротив, тем, кто не творил добрых дел, нечем будет оправдаться на суде Божьем, как сказано в той же притче о Страшном Суде.

Шестая заповедь

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны чистые сердцем, то есть чистые душой и умом от греховных мыслей и желаний. Важно не только избегать совершения греха видимым образом, но и воздерживаться от мыслей о нём, потому что любой грех начинается с помышления, а уже потом материализуется в действие. *Из сердца человека исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф. 15, 19), – сказано в Слове Божьем. Не только телесная нечистота является грехом, но прежде всего нечистота души, духовная скверна. Человек может никого не лишать жизни, но пылать ненавистью к людям и желать им смерти. Тем самым он будет разрушать собственную душу, а впоследствии может дойти и до убийства. Поэтому апостол Иоанн Богослов предупреждает: *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15). Человек, имеющий нечистую душу, нечистые мысли, – потенциальный совершитель уже видимых грехов.

Если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно (Мф. 6, 22-23). Эти слова Иисуса Христа сказаны о чистоте сердца, души. Чистое око – это искренность, чистота, святость мыслей и намерений, и намерения эти ведут к добрым поступкам. И наоборот: где око, сердце ослеплено, там царствуют тёмные помышления, которые станут впоследствии тёмными делами. Только человек с чистой душой, чистыми помыслами может приблизиться к Богу, узреть Его. Бога видят не телесными очами, а духовным зрением чистой души и сердца. Если этот орган духовного зрения помутнён, испорчен грехом, Господа человек не увидит. Поэтому нужно воздерживаться от нечистых, греховных, злых мыслей, отгонять их как всеваемых от врага и воспитывать в душе светлые, добрые. Мысли эти взращиваются молитвой, верой и надеждой на Бога, любовью к Нему, к людям и ко всякому творению Божьему.

Седьмая заповедь

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны миротворцы... Заповедь иметь мир с людьми и примирять враждующих ставится в Евангелии очень высоко. Такие люди называются детьми, сынами Божьими. Почему? Мы все – чада Божьи, его творения. Отцу и матери нет ничего более приятного, когда он знает, что его дети живут в мире, любви и согласии между собой: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1). И наоборот, как горестно для отца и матери видеть ссоры, распри и вражду между детьми, при виде всего этого сердце родителей словно обливается кровью! Если мир и хорошие отношения между детьми радуют даже земных родителей, тем паче

Отцу нашему Небесному нужно, чтобы мы жили в мире. И человек, который хранит мир в семье, с людьми, примиряет враждующих, приятен и угоден Богу. Мало того что такой человек получает радость, спокойствие, счастье и благословение от Бога здесь, на земле, приобретает мир в душе и мир с ближними, – он получит несомненно награду и в Царстве Небесном.

Миротворцы ещё потому назовутся «сынами Божьими», что в своём подвиге уподобляются Самому Сыну Божьему, Христу Спасителю, Который примирил людей с Богом, восстановил связь, которая была разрушена грехами и отпадением человечества от Бога.

Восьмая заповедь

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны изгнанные правды ради. О взыскании Истины, Божественной Правды уже говорилось в четвёртой заповеди блаженства. Мы помним, что Истина – это Сам Христос. Он также называется Солнцем правды. Именно о стеснениях, гонениях за правду Божию говорится в этой заповеди. Путь христианина – всегда путь воина Христова. Путь сложный, трудный, узкий: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14). Но это – единственная дорога, ведущая ко спасению, иного пути нам не дано. Конечно, жить в бушующем, часто очень враждебном христианству мире сложно. Даже если нет гонений и притеснений за веру, просто жить по-христиански, исполнять заповеди Божьи,

трудиться для Бога и ближних очень непросто. Гораздо легче жить «как все» и «брать от жизни всё». Но мы знаем, что как раз этот путь ведёт в погибель: *широки врата и пространен путь, ведущие в погибель* (Мф. 7, 13). И то, что очень многие люди следуют в этом направлении, не должно смущать нас. Христианин всегда иной, не как все. «Старайся жить не как все живут, а как Бог велит, потому что... мир во зле лежит», – говорит преподобный Варсонофий Оптинский. Не беда, если за нашу жизнь и веру нас будут здесь, на земле, гнать, потому что отечество наше не на земле, а на небе, с Богом. Поэтому гонимым за правду Господь в этой заповеди обещает Царство Небесное.

Девятая заповедь

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

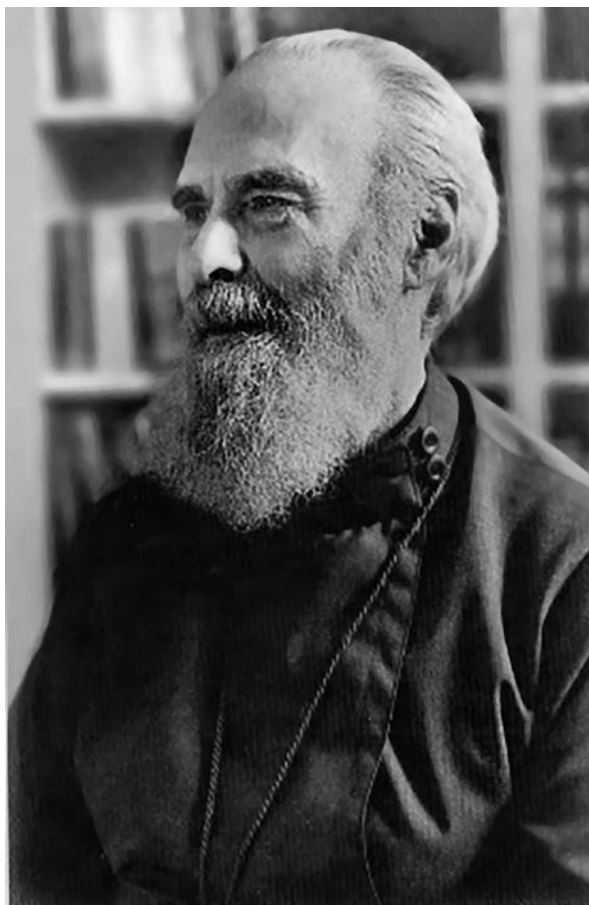
Продолжением восьмой заповеди, где говорится о притеснении за правду Божию и христианскую жизнь, является последняя заповедь блаженства. Господь обещает блаженную жизнь всем гонимым за веру.

Здесь сказано о высшем проявлении любви к Богу – о готовности отдать свою жизнь за Христа, за свою веру в Него. Этот подвиг называется мученичеством. Путь этот высший, он имеет великую награду. Путь этот указан Самим Спасителем. Он претерпел гонения, мучения, жестокие пытки и мучительную смерть, дав тем самым пример всем Своим последователям и укрепив

их в готовности пострадать за Него даже до крови и смерти, как некогда Он пострадал за всех нас.

Мы знаем, что Церковь стоит на крови и стойкости мучеников. Они победили языческий, враждебный мир, отдав свои жизни и положив их в основание Церкви.

Но враг рода человеческого не успокаивается и постоянно воздвигает новые гонения на христиан. И когда к власти придёт антихрист, он также будет гнать и преследовать учеников Христовых. Поэтому каждый христианин должен быть постоянно готов к подвигу исповедничества и мученичества.

**Митрополит
Антоний Сурожский**
19 июня 1914 г. – 4 августа 2003 г.

ЗАЧЕМ БОГ СОТВОРИЛ МИР

Я бы хотел поразмышлять о некоторых вопросах, связанных с тайной творения и с самим фактом тварности.

Во-первых, сам акт творения подразумевает, что мы желанны Богу, и это сразу устанавливает между нами и Богом, создавшим нас, взаимоотношения. Бог не нуждался в том, чтобы иметь перед Собой других живых существ. И тем не менее Он Своей волей повелевает нам быть – и тем самым определяет не только нашу судьбу, но и, если можно так выразиться, Свою судьбу. Ведь любая тварь, призванная из «ничто» в бытие, становится вечным присутствием, спутником Божиим в вечности. Тот факт, что мы желанны Богу, чрезвычайно важен, ведь

на него опирается наша безопасность, наша надежда, вся радость нашего бытия.

Мы появились не по стечению обстоятельств, не по чистой случайности, мы не необходимы Богу, Бог возжелал призвать нас в бытие, и уже в этом первичном, зачаточном состоянии это – отношения любви. Когда я говорю о «первичном» или «зачаточном» состоянии, я вовсе не подразумеваю, что любовь Бога к нам только зарождается, я имею в виду, что нам необходимо вырасти – из данности существования в реальность бытия, в таинство любви, которое превосходит просто общение с Богом и состоит в том, чтобы разделить Его жизнь, стать причастником Божественной природы. Поэтому

в основе нашего существования лежит предложение со стороны Бога, предложение вечного сотрудничества и любви.

Связаны ли мы с Богом чем-то ещё? Прежде всего хотелось бы заметить, что мы никак не связаны с Ним родством: наша природа не имеет корней в Боге, мы отличаемся сущностно. Мы Богу не необходимы, и акт творения, по Библии, есть творение из «ничего». Мне кажется, следует уделить словам «ничего», «ничто» больше внимания, чем это обыкновенно делается. Когда мы думаем о том, что есть «ничто», мы представляем себе, как правило, Бога, окружённого этим «ничто». Возможно, те из вас, кто богословски подкован, так не думают, но множество людей представляют себе Бога на троне, окружённого огромным пустым-пространством, из которого по воле Божией появляются люди, предметы и прочее. Но это не «ничто», потому что Бог не восседает в центре пустоты, которая заселяется всевозможными предметами. «Ничто» не есть истончение бытия и материи до такой степени, которую невозможно воспринять, такое истончение – это не ничто, а пустота. А пустота – это не абсолютное, это относительное, условное отсутствие конкретности, плотности, присутствия, и сама по себе она уже есть как бы присутствие. Так вот, не из такого «ничто» мы были созданы. «Ничто», о котором говорится в Библии, – это радикальное отсутствие, когда всего сотворённого, что есть на свете, просто не было и не могло быть, если бы Бог не захотел повелеть ему быть. До сотворения была полнота и целостность Божественного бытия, самодостаточная и всеохватная. Акт творения являет то, чего раньше не существовало и что не могло бы возникнуть само по себе. Это значит, что, с одной стороны, мы полностью зависимы от Бога, а с другой, как ни странно, мы от Него независимы. Вот это мне хотелось бы пояснить.

Бог не нуждается в нас, Он творит нас действием свободной воли и свободной любви. Благодаря этому мы обретаем конкретность, предметность и реальность. Если

бы мы были необходимы Богу, будь мы даже очень драгоценными, мы были бы лишь жалкой тенью Его бытия. Если бы мы были некоей эманацией Бога, даже самой славной, величие Бога намного превосходило бы нас, и самый наш свет был бы тенью. Если бы мы были связаны с Богом необходимостью или родством, мы были бы ничтожны по сравнению со своей первоосновой. Наше величие – ибо человек велик – вовсе не в том, чем мы являемся по природе. Оно – в Божией любви, которая призывает нас в бытие, которая потрясает и ошеломляет. Так же устроены и человеческие отношения. Человек обретает полноту жизни, полноту бытия, когда он любим.

В сравнении с Богом мы ничто, однако цена, которую придаёт нам Бог, – это жизнь, страдания, смерть Его Единородного Сына. Такова наша истинная ценность. Но эта ценность не следует из того, что мы собой представляем, она – в любви Божией к нам. Мы настолько ценны, Бог настолько возлюбил нас, что отдал Сына Своего Единородного на смерть, чтобы мир был спасён. И таким образом наше положение и абсолютно безопасно, и одновременно страшно непрочное.

Существование нас «самих по себе», едва выныривающих из небытия, зыбко и преходяще. Если же мы любимы Богом, мы не можем отпасть обратно в небытие, потому что призваны к вечному содружеству этой любовью Божией. И если задуматься о том, что мы Богу не необходимы, то можно или обрести невероятное вдохновение и радость, или впасть в совершенное уныние. Вспомните первую заповедь блаженства: *Блаженны нищие духом* (Мф. 5:3; Лк. 6:20). Нищета принадлежит нам по природе. У нас нет ничего своего. Мы были вызваны из «ничто», и у нас нет корней даже в нём, потому что «ничто» и есть «ничто». Нам дана жизнь, и это уже является участием в чём-то динамичном и определённом, в том, что существует только в Боге. Мы одарены телом, сердцем, разумом, волей, множеством возможностей и всё же, если задуматься, ничем не обладаем. Мы не можем защитить то, что имеем, от

ответшания или исчезновения. Наша жизнь подходит к концу, и как бы мы ни цеплялись за неё, мы не в состоянии её удержать. Наше здоровье зависит от малейшей случайности. Подумайте, к примеру, о величайших и умнейших учёных и философах. Достаточно маленькому сосуду в мозгу лопнуть, и Величайший интеллект помрачён, от него ничего не осталось. Мы всё знаем на другом уровне, более нам привычном, как бессильны мы над собственным сердцем. Например, друг или родственник в горе приходит к нам за поддержкой. И в тот самый момент, когда я хотел бы посвятить себя ему, отдать всё, что имею, я обнаруживаю, что моё сердце окаменело, и я могу предложить лишь сухие мёртвые слова и больше ничего, ничего – лёд вместо огня. Никакой силой я не могу вновь зажечь своё тёмное и холодное сердце. Мы хотим делать добро, а делаем зло. И так всё, что мы есть или чем мы себя считаем, всё это дано нам в дар, но не наше. Ничто в нас не наше. Ничто, чем мы обладаем, не принадлежит нам.

И если остановиться на этом аспекте сотворения, на этом изначальном моменте, который накладывает отпечаток на всю нашу жизнь, проходит через судьбу всего человечества и тварного мира, можно дойти до полнейшего отчаяния. Что я имею? Кто я такой, если у меня ничего нет? Если всё имеет надо мной власть: всё, что вокруг, всё, что внутри меня, и Бог на небесах. И тем не менее Господь говорит: *Блаженны нищие духом*, потому что эту нищету можно осмыслить в других категориях – как нечто, наполненное радостью и смыслом. Ведь если мы не обладаем тем, что у нас есть, то всё, что мы имеем в каждую секунду нашей жизни, – это дар и знак заботы и любви Божией. И тогда сама хрупкость того, чем мы обладаем, становится нашим главным богатством.

Если бы я мог сказать, что моё тело, душа, сердце, ум, всё, что у меня есть, или всё, чем я являюсь, принадлежит мне, то это было бы изъято из отношений между мною и Богом. А если я осознаю, что нет ничего моего, и всё

же вот: я живу! я существую! я мыслю! я чувствую! у меня есть тело и душа! у меня есть близкие! у меня есть судьба! и всё это – действия Божии, то мы можем сказать: радость моя полна и совершенна. И тогда на самом деле обездоленность становится благословением, потому что нищета вкупе с щедрым даром судьбы и жизни означает, что Бог продолжает любить нас действительно, конкретно, разумно, заботливо и чутко. Это – основные черты нашей сотворённости: мы желанны и мы созданы из «ничто» – и это свойство несём через всю нашу жизнь.

Как выразил эту мысль в XIX веке митрополит Московский Филарет, мы находимся как бы между двумя безднами – и держит нас между ними воля Божия – между бездной небытия, из которой творческим словом Божиим мы были призваны, и бездной Божественной реальности, в которой мы оказываемся уже в самый момент призвания в бытие и в которую призваны погружаться всё глубже, пока не станем истинными причастниками Божественной природы, Божии по соучастию, сыны Отца Небесного.

Вместе с первой тварью, первым событием, которое положило начало череде событий, изменений, становлений, возникает время. И время – одна из важнейших категорий истории и человеческой жизни. Это не просто бессмысленный путь, который мы проходим, – во времени есть смысл, так как время и становление нераздельны, время и тварность взаимосвязаны, время должно быть спасено и искуплено. И всё-таки мы призваны к тому, что превосходит время, находится за пределами времени, – к вечности. Но мы должны понять, что вечность – это не бесконечное деление, это не время, которое никогда не закончится, это не время, которое расширилось до меры, превышающей нашу меру. Это нечто совершенно иное. Помните, как Христос перед лицом Пилата на его вопрос «Что есть истина?» ничего не ответил, потому что для Пилата ответа у Него не было. Ответ на это Он дал Своим ученикам, сказав: *Я – истина, и путь, и жизнь* (см. Ин. 14:6).

Истина – это не что-то, а Кто-то. Подобно этому можно сказать, что вечность – не что-то, а Кто-то. Мы призваны к глубине приобщения Богу, и в этом – вечная жизнь. Христос говорит, что жизнь вечная – в познании Бога. Это не категория бытия, не новый путь или новое измерение времени. Это – Сам Бог, причастность Божественной реальности, жизнь в ней. В каком-то смысле можно сказать, что время, как мы его понимаем, – это нечто, что развивается, внутри него всё изменяется и движется, не уничтожается вечностью, но становится чем-то глубинно иным.

Если мы представим себе вечную жизнь как всё большее погружение в глубину Бога, всё большее разворачивание тайны Бога перед нами, всё большее сопричастие этой тайне, то, говоря объективно, время как движение продолжается. Но время как уходящее в прошлое мгновения жизни исчезает в этом общении, которое есть вечное «сейчас». Как человек может быть в движении и в то же время в совершенном покое, так и время в каком-то смысле может исчезнуть, но в каком-то продолжаться.

И наконец, о зависимости и о свободе. Мы зависимы от Бога – и мы свободны. И всё же меня всё больше и больше поражает, насколько наше понимание того, что есть свобода, противоречиво и часто наивно. Когда один человек спрашивает другого: «Почему ты не добиваешься того, к чему стремишься? Почему не становишься тем, кем призван быть? Разве ты не волен выбирать свой путь?» – то эти слова бесконечно наивны и оторваны от реальности. Одной воли или желания недостаточно. С другой стороны, когда мы говорим, что всё предопределено и мы не способны стать кем-то или сделать что-то, это также далеко от истины.

Как мне кажется, прежде всего нам необходимо помнить: свобода тварного существа иная, чем свобода Бога, если говорить о настоящем положении дел, до окончательного исполнения Божественного замысла. Божия свобода безусловна. Он есть и Он Сам – Свобода, так же как Он – Вечность,

и Истина, и Жизнь, и Реальность. Наша свобода условна. Настолько условна, что временами кажется, будто её вообще нет. Первое ограничение появляется на заре тварного бытия. Бог повелел нам быть без нашего согласия, и у нас нет свободы не быть. Мы не можем возвратиться в не-бытие, в ничто. Вечное осуждение, отпадение во тьму внешнюю – это не возврат в «ничто». Человек продолжает существовать, но перестаёт быть живым. Акт сотворения, повеление от Бога «быть» есть первое ограничение нашей свободы, которое не позволяет нам выйти или покинуть бытие. Свобода нам дана. И всё же мы знаем, что и в конце нашей собственной жизни, и в конце истории человечества, когда всё прекратит существование, мы предстанем перед судом. Мы не свободны сделать то, что хотел сделать Иван Карамазов: вернуть Богу билет на жизнь и сказать «Я ухожу». Мы не свободны сказать Богу: «Та жизнь, которую Ты замыслил, пожелал и сотворил по воле Твоей, мне не по душе, заberi её Себе, а я пойду своим путём», потому что своего пути не существует. «Я – Путь», и другого пути нет. Есть тьма внешняя, но во тьме пути нет. И опять-таки, наша свобода ограничена тем, что в конце времён мы, как бы ни относились к сотворению Богом мира, предстанем перед Ним и дадим ответ и за то, что мы сделали со своей жизнью, и, если можно так сказать, за Божие решение сотворить нас. Приходится признать: есть две неразрывно связанные силы – Бог и мы, от этого не уйти.

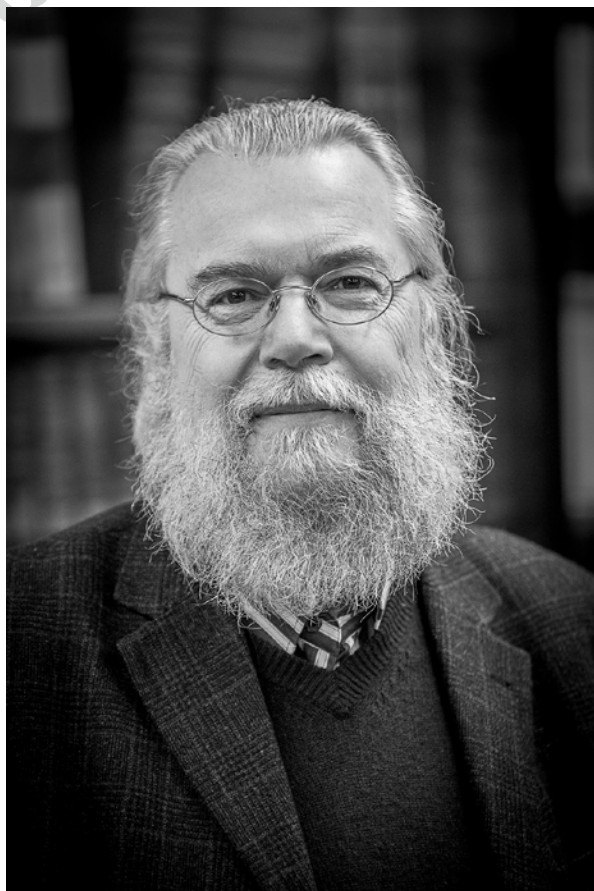
Всё, что составляет нашу жизнь: наше бытие, тело, душа и прочее, даже окружающие нас обстоятельства в виде других сотворенных существ, – всё это тоже полученная нами от Бога данность. Путь, который пролегает между повелением Бога «Будь!» и вопросом, который Он нам задаст: «Что ты сделал со своей жизнью?», тоже находится в неких границах. Мы подобны майскому жуку в стакане. Кругом границы: стенки, дно. В чём же тогда наша свобода? В том, чтобы постоянно биться о стенки? Вряд ли. Даже если стакан огромный, даже если кажется, будто он без-

граничный, границы всё равно есть, а там, где существуют границы, пусть невидимые, свободы нет. Можно успокаивать себя тем, что остаётся свобода выбора – ползти вправо или влево, но свобода ли это для живого существа? Есть ли истинная свобода в том, чтобы находиться между добром и злом в нерешительности и сомнениях? Нормально ли, здорово, здраво ли – стоять между жизнью и смертью и колебаться? Признак ли это неповреждённого существа – при виде Бога и сатаны не знать, кого выбрать? Такой вид свободы – это вовсе не истинная свобода. Это свобода падшего существа, которое не умеет устремляться прямо к Истине, к Жизни, к Богу и колеблется. Свобода выбора – это уже признак падения. Это не свобода. [...] Но если увидеть, что наши отношения с Богом – это отношения, в которых воля Божия – сделать нас самими собой, в меру Самого Бога Воплощённого и Сына Его Возлюбленного, то и послушание тогда становится для нас не подчинением и неволей, а творчеством, вслушиванием в тот единственный голос, который может сказать, кто ты есть на самом деле, который может указать верный путь к подлинному себе, такому, каким ты призван быть, который может открыть, как из тварного, ограниченного, тяжёлого существа ты можешь стать небесным человеком.

Это путь наверх. Мы ограничены со всех других сторон: остаётся только этот путь.

Человек может дорасти до свободы Божественной, уподобляясь Христу, но тут мы понимаем, что на самом деле мы можем обрести свой путь в ту меру, в какую Бог открывает его нам, и в ту меру, в которую мы сами Его слушаем.

Священное Писание говорит, что в Царстве Божием каждый из нас получит белый камень, и на камне будет написано новое имя, которого никто не знает, кроме Бога и того, кто его получает. Этот образ отражает особые отношения между каждым человеком и его Богом, отношения настолько глубокие, что никто другой их не сможет почувствовать и понять. Глубина каждого из нас настолько велика, что никто, кроме Бога, не может её измерить. Имя, написанное на камне, – это имя, которым мы были вызваны из небытия в бытие и в вечные отношения с Богом, в тайну нашего подобия Христу. Это имя, которое в одном слове, одном неизречённом слове вбирает в себя всё, чем мы являемся, и есть суть всего нашего бытия, его корень и его краеугольный камень. Это наша предельная и окончательная связь с Богом. Таинственная, как Он, по образу и подобию Того, Кто познаваем и непознаваем, постижим и непостижим. Наша глубина непроницаема для человеческого взора. Её может узреть только один лишь Бог.

Жан-Клод Ларше
Французский православный философ, патролог, богослов и писатель. Доктор богословия, доктор философии, профессор.

ХРИСТА РАДИ «СУМАСШЕДШИЕ»

Это интервью с православным богословом из Франции Жан-Клодом Ларше было написано на французском языке, а потом переведено на русский. И в процессе перевода мы столкнулись с любопытной вещью. Оказалось, во французском языке не существует отдельного слова «юродивый», есть только выражение – «fou en Christ», которое дословно можно перевести как «сумасшедший во Христе» или «сумасшедший ради Христа». Когда речь идёт о настоящих юродивых, Ларше использует именно его. Но говоря о тех, к кому понятие «юродивый» можно применить только как метафору (например, «городские сумасшедшие» или эпатажные

художники), Ларше просто произносит русское слово по-французски: «iourodivi». Почему? Потому что, по мнению богослова, эта лингвистическая тонкость как раз указывает на принципиальную разницу между настоящим юродивым-христианином и просто «юродствующим»: разве можно назвать «сумасшедшим во Христе» того, чьё сумасшествие – не ради Христа?

– Юродство – это, в понимании Церкви, особый подвиг, особый вид христианского делания. Какова же была мотивация юродивых, зачем они шли на этот подвиг?

– Юродивые в первую очередь стремились обрести подлинное смирение. А ещё –

бесстрашие (отцы Церкви считали это качество условием приобщения к подлинной Божьей любви и любви к ближнему). Они вели себя как безумные – и тем самым навлекали на себя презрение и насмешки со стороны окружающих, которые их оскорбляли и даже избивали. Всё это они выносили терпеливо и кротко, без тени ненависти, они не проявляли ответной агрессии и не были злопамятными. Наоборот, они были признательны своим обидчикам, тем больше их любили и молились о них. Кроме того, физически они существовали в крайней бедности, ходили в тряпье даже в очень холодную погоду (а в жаркую иногда, наоборот, отыскивали и надевали побольше разной одежды!), очень мало ели и спали, жили на помойках (иногда буквально в куче навоза!). Терпение, смирение, беспристрастие (отложение попечений и печали о мире), бесстрашие – всё это они обретали не только на уровне души, но и на уровне тела. Конечно, эти добродетели христианин может обрести другим путём. Но путь юродства в этом смысле – самый радикальный: намного тяжелее оставаться смиренным, терпеливым и бесстрастным, когда тебя постоянно подвергают таким испытаниям. А ещё тяжелее любить тех, кто тебя ненавидит: как в Евангелии говорит Христос и как потом повторяют многие отцы Церкви, нет никакой заслуги в том, что человек любит своих друзей. Критерий подлинности христианской любви – любовь к врагам.

– Объясняли ли сами юродивые окружающим людям, зачем юродствуют?

– Нет. Если бы они это делали, их юродство потеряло бы свою ценность и вообще всякий смысл. Их целью было вести собственно образ жизни юродивого, но при этом не афишировать причин, по которым они его выбрали.

– А в чём именно Церковь видит миссию юродивых? Зачем нужен был такой специфический подвиг?

– У юродивых нет своей особой миссии – как некой предварительной установки, как чего-то, что можно было сформулировать а priori. Юродство не является

особым церковным служением и отдельной институцией Церкви. Это в большей степени дар отдельных личностей, которых Бог призвал именно к такому образу жизни. В этом смысле они чем-то сродни пророкам и часто близки им по духу. У юродивых нет какой бы то ни было заготовленной «программы» по выполнению в мире специальной функции. Вести такой образ жизни нужно в первую очередь им самим, для них это сугубо персональная форма аскезы. И как следствие такой аскезы, очищения от страстей, смирения и любви к ближнему юродивые обретают дары Святого Духа – как правило, редкую проницательность (прозорливость), а также дар пророчества и исцеления. И эти дары они ставят на службу ближним. Но это, скорее, следствие их образа жизни, а не его цель.

– А бывали ли случаи, чтобы люди становились юродивыми в силу собственного сознательного решения? Или это всегда было только особым призванием Божиим, сопровождавшимся особым даром?

– Чаще всего люди становились юродивыми прямым указанием Божиим. Иногда люди начинали вести такой образ жизни очень молодыми (блаженная Пелагея Ивановна из Дивеево стала юродивой уже в отрочестве), иногда – старыми (святой Симеон Эмесский стал юродивым, когда ему было шестьдесят), иногда всё в их прежней жизни было нормально, иногда шагом к юродству становился какой-то кризис (тяжёлая болезнь, как в случае блаженной Пелагеи Ивановны, потеря супруга, как в случае блаженной Ксении Петербургской).

– Есть ли разница между понятиями «юродивый» и «юродствующий»? Были ли в Церкви люди, которые иногда юродствовали, но юродивыми в строгом смысле слова не были?

– На рубеже XIX-XX веков в России фальшивое юродство – те самые «юродствующие», но не юродивые – расцвело бурным цветом. Дело в том, что некоторые из первых настоящих юродивых были признаны святыми, творили чудеса при жизни и после смерти. И это в конце концов привело к тому, что среди простого

населения стало возникать уважение и едва ли не практика почитания людей, поведение которых лишь отчасти напоминало образ жизни юродивых. Всё это провоцировало разных маргиналов гоняться за быстрой славой и за щедрыми подаяниями – и для этого выдавать себя за юродивых, а обыватели стали принимать за настоящих юродивых обыкновенных душевнобольных.

– В Византии юродивыми чаще всего были монахи. В России – миряне. Чем это можно объяснить?

– Не думаю, что нужно разделять так уж категорично. Один из самых известных византийских юродивых – святой Андрей Константинопольский – был мирянином, а среди русских юродивых можно найти монахов – святой Феофил Киевский и несколько сестёр Дивеевского монастыря. В целом же распорядок общежития монастыря не очень сочетается с той формой подвижничества, которую предполагает юродство, то есть полностью независимое существование. Поэтому нет ничего удивительного, что среди юродивых больше мирян, чем монахов.

– Люди рационалистических взглядов считают юродивых психически больными или слабоумными. Есть ли своя правда в таком подходе?

– Учитывая, что юродивые действительно бывают похожи на сумасшедших, стороннему наблюдателю и даже проницательному психиатру будет сложно отличить их от душевнобольных. Но разница между юродивым и психом как раз в том, что юродивый – не псих. Духовники юродивых, их близкие и просто те, кто незаметно наблюдали за ними, – все говорили о том, что в личном общении юродивые ведут себя совершенно нормально. Вся ценность юродства заключается в том, что люди становятся такими добровольно и свободно. В то же время, если анализировать поведение некоторых юродивых, оно покажется внешне иррациональным. Но если обратить внимание на контекст – на конкретную ситуацию, в которой говорит и действует юродивый,

станет видно, что всё здесь совершенно разумно и продуманно: его слова, на первый взгляд бессвязные, и его действия, на первый взгляд бессмысленные, на самом деле адресованы конкретному человеку, который в этот момент перед ним находится, – и этот человек может «расшифровать» в словах и действиях юродивого прямой ответ на свой внутренний вопрос. В этом – громадное отличие юродивого от просто душевнобольного, который полностью замкнут на себе и чьи поступки не могут иметь никакого смысла для других.

– Чем вызывающее поведение юродивых отличалось от столь же вызывающего поведения шутов, скоморохов да и просто хулиганов?

– Шут – это наёмный рабочий, своего рода придворный чиновник, задача которого – развлекать монарха или честно высказывать ему что-то, что другие придворные от него скрывают, потому что боятся впасть за это в немилость. Но шут всё это делает совсем не во имя христианских ценностей. Скоморох – это артист. Поведение хулигана прямо противоречит христианской этике. Ничто из этого не свойственно юродивым. Юродивый – в первую очередь – это подвижник, вся жизнь которого посвящена Богу и Богом же вдохновлены его слова и поступки. Бывает, юродивый высказывает сильным мира сего то, что другой сказать не осмеливается. Но это происходит не для того, чтобы их развлечь, не с их разрешения, и юродивый при этом сильно рискует. Он прибегает к чудачествам не для того, чтобы окружающие повеселились. Наоборот, как правило, он навлекает на себя их гнев. Иногда юродивые делают что-то, что внешне противоречит христианской этике (например, воруют у богатых, чтобы отдать бедным; едят мясо в постный день; бывают в публичном доме). Но всё это они делают, оставаясь душою незапятнанными, потому что цель таких поступков для них – помочь людям стать лучше. Если продолжить три озвученных примера: юродивый ворует и отдаёт бедным, чтобы богатый человек стал более порядочным и щедрым;

юродивый ест мясо в постный день, чтобы напомнить об опасности чересчур увлечься внешней, формальной стороной церковной жизни; юродивый идёт в публичный дом, чтобы призвать людей жить по-другому.

– В допетровскую эпоху на Руси юродивые безнаказанно могли ругать царскую власть. Почему безнаказанно? Потому что цари воспринимали их как шутов или потому что видели в них вестников Божией воли?

– Не всегда безнаказанно. Некоторых избивали и сажали в тюрьму после того, как они говорили. Хотя другие юродивые могли впечатлить своих слушателей тем, что угадывали их самые сокровенные мысли или предсказывали события, которые вскоре и вправду случались. Бывало, в юродивом видели человека с особенным духовным даром или святого, а к таким принято было прислушиваться.

– И царскую, и церковную власть критиковали не только юродивые, но и еретики, и сторонники всяких реформ. В чём же разница? В содержании этой критики? В её формах? В её целях?

– Юродивые совсем не были похожи на тех, кто постоянно против чего-то протестует. Они не пытались ставить под сомнения существующий политический режим как таковой, они не критиковали «власть вообще». Они сохраняли верность Церкви, и реформы, к которым они стремились, касались в первую очередь поведения людей – чтобы помочь им следовать заповедям Божиим, и то в духе, а не в букве. С сильными мира сего, если таковые на их пути встречались, у них, как правило, складывались очень личные отношения, и слова юродивого, которые в свой адрес слышал собеседник, были направлены прежде всего на то, чтобы изменился образ жизни персонально этого человека или чтобы он пересмотрел какое-то своё дурное решение, которое уже принял или собирался принять.

– Подвиг юродства в России к XVIII веку если не сошёл на нет, то стал весьма редким. Кем были последние российские юродивые? Прославлены ли они?

– На самом деле на рубеже XIX-XX веков юродивые в России были наиболее многочисленны, пожалуй, даже слишком, потому что, как я уже упоминал, наряду с настоящими юродивыми появилось множество фальшивых. Очевидным образом свою лепту в сокращение числа юродивых – и даже в их исчезновение – внесла и революция 1917 года, тем более что юродство предполагает публичность, а при коммунистической власти любое открытое исповедание веры – как и в целом любая инаковость – подавлялось. Юродивых, которые продолжали открыто юродствовать, помещали в сумасшедшие дома как душевнобольных. Есть юродивые, которые канонизированы как новомученики, например, Максим Румянцев († 31.7.1928) и Алексей Ворошин († 12.9.1937). Могу также привести пример грузинского юродивого, история которого мне хорошо известна: архимандрит Гавриил (Ургебадзе) скончался в 1995 году и до сих пор влияет на жизнь тех, кто к нему приходил. Толпы людей приходят каждый день помолиться перед его могилой в Самтавро рядом с Мцхетой. В ближайшем будущем он будет канонизирован Грузинской Православной Церковью.

– Существовало ли юродство – не как отдельные случаи, а как явление – в католицизме и протестантизме?

– Нет. Я считаю, причина этого в том, что аскетика в православной традиции отличается от католической и протестантской и может принимать более радикальные формы.

– Можно ли считать юродство чем-то необходимым или как минимум полезным для жизни Церкви в целом? В том смысле, что юродство снимает напряжённость внутри неё или оттеняет проблемы Церкви как земного института, восполняя некоторую формализацию и оскудение духовной жизни?

– Я бы предостерег от того, чтобы говорить о юродстве как о некоей институции или даже как о феномене, который является постоянным и однозначным. На самом

деле, если последовательно читать жития юродивых, можно заметить, что, несмотря на общие для всех черты, перед нами каждый раз новая индивидуальная история. Как я уже говорил, юродство возникает как личное призвание и прежде всего подразумевает путь личной аскезы, а то, что затронутой оказывается и общественная сфера, – это лишь разовое последствие, но ни в коем случае не цель. На фоне общих для всех черт один юродивый от другого очень сильно отличается. Поэтому мне и кажется безосновательным говорить о юродстве так, как будто речь идёт о единой институции. Юродивые не открывают своих школ, у них нет учеников. Это прямым текстом выразил святой Андрей Константинопольский, когда отказал пришедшему к нему человеку, который хотел остаться жить рядом с юродивым и стать его учеником. Безусловно, юродивые играют определённую роль в общественной жизни, но, как уже было сказано, гораздо больше по отношению к отдельным лицам, чем к обществу как таковому.

Множество юродивых подвергались преследованиям со стороны архиереев или церковных властей – и поэтому может показаться, что между юродивыми и Церковью как институтом существует напряжение. Но на самом деле такое напряжение было не только в случае юродивых. Представители церковной власти преследовали пророков, старцев и даже епископов. И во всех случаях речь идёт о людях, наделённых особым даром, благодаря которому они приобретали духовный авторитет и огромное количество почитателей, становясь для них источником духовного обновления и призвания к монашеству. Одни представители церковной власти это благословляли и поощряли, а вот другие видели в этом угрозу своей собственной власти, боялись конкуренции, ревновали – и это настраивало их враждебно. Можно привести много примеров духоносных людей, которые подвергались преследованиям в разные эпохи в разных православных государствах: святой Симеон Новый Богослов в XI веке, святой Серафим Саров-

ский в России в XIX веке, святой Нектарий Эгинский в Греции в начале XX века. Могу привести в пример случай из нашего времени, который мне хорошо известен – история со старцем Фаддеем из Сербии. К нему стекалось огромное количество людей, и местный епископ (я его знаю лично и поэтому могу говорить, что его нельзя назвать духовным человеком) выгнал его из своей епархии. И стоило старцу выйти из монастыря, как на его плечо сел голубь – знак Божьего благословения. Однако нужно заметить, что другой епископ не только благословил его жить в его епархии, но и часто приезжал к нему беседовать и спрашивать духовного совета. А это означает, что речь не идёт о конфликте со всей Церковью как с институтом.

Пророки, старцы, юродивые, как и все верующие, которые ведут духовную жизнь, – это напоминание о подлинной природе Церкви, о том, что это Тело Христово, которым руководит Святой Дух, а не человеческое сообщество и не государство в государстве. Я не стану отрицать и то, что юродивые – в силу своей публичности и полного несоответствия привычным порядкам – особенно ярко показывают, что Царство Божие не от мира сего (Ин. 18:36). А ещё напоминают – в пику обрядовости, формализму и морализаторству – что буква убивает, а дух животворит (2Кор. 3:6). И сам Христос – в заповедях блаженства или в словах «последние станут первыми, а первые последними» – подчёркивает, что христианство существует по законам, принципиально непохожим на законы мира. И апостол Павел также подчёркивает, что христианство – безумие для мира (1Кор. 1:17-27), и от имени всех христиан говорит: *Мы безумны Христа ради* (1Кор. 1:10).

– Возможно ли юродство – в церковном его понимании – в наши дни?

– В наши дни юродствовать стало сложнее в силу обстоятельств. Даже в деревнях сегодня уже не живут общинами. Ни миряне, ни даже монахи уже не практикуют такую же строгую аскетику, какая была среди первых юродивых и кажется неотделимой от их положения в обществе. Когда сорок лет

назад я начал регулярно ездить на Афон, там ещё было несколько юродивых, с одним из них я успел познакомиться десять лет назад благодаря одному моему другу, который под его влиянием стал афонским монахом. Несмотря на семидесятилетний возраст, этот юродивый подвергал себя оскорблениям и поношениям со стороны старца, с которым он жил – словно мальчик для битья, но всё сносил терпеливо, радостно и с любовью. С теми, кто чувствовал в нём духовный дар и приходил к нему, он делился советами или даже пророчествами, которые высказывал в притчевой форме и в истинности которых можно вскоре было убедиться.

– Сейчас нередко юродивыми называют художников, устраивающих эпатажные, шокирующие акции. Видят в их поведении сходство с поведением средневековых юродивых. Почему же всё-таки эпатаж с социальными целями – не то же самое, что подвиг юродства?

– Это извращение понимания слова «юродивый» («iourodivi» – прим. пер.), расширительное толкование термина, что в итоге искажает сам его смысл. Цель художников, о которых вы говорите, показать себя, стать популярными, набить себе цену. Это эгоистичная цель. Такими людьми движет гордыня и желание добиться успеха в глазах общественности. Мотивация юродивых – прямо противоположная. Как я уже говорил, их цель – в том числе

и в социальном плане – не устроить провокацию, не шокировать, а сделать так, чтобы конкретный человек – к которому (и только к нему одному) адресованы слова и поступки юродивого – возрос в духовной жизни. Тот, кто стал юродивым, теперь живёт не для себя, а для Христа и для других во Христе. Он ищет не славы, а презрения. У него нет цели быть успешным в глазах общественности, но, наоборот, высветить тщеславие людей, которые такого успеха жаждут. Главное качество юродивого – смирение. Именно оно позволяет безошибочно отличить настоящего юродивого от фальшивого. А вместо того чтобы использовать слово «юродивый» применительно к обеим упомянутым категориям, можно использовать по отношению к настоящим юродивым – юродивым-христианам – выражение, которое существует в богослужебных текстах: «Христа ради юродивый». Именно так называют юродивых в греческом языке и, например, во французском: «fousenChrist». Потому что центральный момент, который характеризует юродивого-христианина, – не то, что его образ жизни внешне напоминает поведение сумасшедшего, а то, что слова он произносит и поступки совершает во имя Христа и во Христе.

*Беседовали
Константин Мацан и Лоранс Гийон.
Источник: журнал «Фома».*

КЕМ БЫЛ СОЗДАН АПОКАЛИПСИС? КАКОВО ЕГО СОДЕРЖАНИЕ? КТО ТАКИЕ ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА?

Значение слова «Апокалипсис»

Апокалипсис (или в переводе с греческого – Откровение) святого Иоанна Богослова – это единственная пророческая книга Нового Завета. Она предсказывает о грядущих судьбах человечества, о конце мира и о начале вечной жизни, и поэтому, естественно, помещается в конце Священного Писания. Апокалипсис – книга таинственная и трудная для понимания, но вместе с тем именно таинственный характер этой книги и привлекает к себе взоры как верующих христиан, так и просто

пытливых мыслителей, старающихся разгадать смысл и значение описанных в ней видений. Об Апокалипсисе существует громадное количество книг, среди которых имеется и немало произведений со всяким вздором, в особенности это относится к современной сектантской литературе.

Несмотря на трудность понимания этой книги, духовно просвещённые отцы и учителя Церкви всегда относились к ней с великим благоговением как к вдохновенной Богом книге. Так, святой Диони-

сий Александрийский пишет: «Темнота сей книги не препятствует удивляться ей. И если я не всё в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судьёй истин, в ней заключающихся, и измерять их скудостью моего ума; руководствуясь более верою, чем разумом, нахожу их только превосходящими моё понимание». В таком же роде высказывается об Апокалипсисе бла-

женный Иероним: «В нём столько же тайн, сколько слов. Но что я говорю? Всякая похвала сей книге будет ниже её достоинства».

За богослужением Апокалипсис не читается потому, что в древности чтение Священного Писания за богослужением всегда сопровождалось объяснением его, а Апокалипсис весьма труден для объяснения.

Откровение Иоанна Богослова

Автор Апокалипсиса называет себя Иоанном (От. 1:1, 4 и 9; 22:8). По общему мнению святых отцов Церкви, это был апостол Иоанн, возлюбленный ученик Христа, получивший за высоту своего учения о Боге-Слове отличительное имя «Богослов». Его авторство подтверждается как данными в самом Апокалипсисе, так и многими другими внутренними и внешними признаками. Вдохновенному перу апостола Иоанна Богослова принадлежат ещё Евангелие и три Соборных послания. Автор Апокалипсиса говорит, что он был на острове Патмос «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (От. 1:9). Из церковной истории известно, что из апостолов только

святой Иоанн Богослов подвергся заточению на этом острове.

Доказательством авторства Апокалипсиса ап. Иоанна Богослова служит сходство этой книги с его Евангелием и посланиями не только по духу, но и по слогу, и особенно по некоторым характерным выражениям. Святой Иоанн, иудей по рождению, хотя и владел греческим языком, но, находясь в заточении вдали от живого разговорного греческого языка, естественно наложил на Апокалипсис печать влияния своего родного языка. Для непредубеждённого читателя Апокалипсиса очевидно, что на всём содержании его лежит печать великого духа Апостола любви и созерцания.

Когда, где и для чего был написан Апокалипсис

Древнее предание относит написание Апокалипсиса к концу I-го века. Так, например, святой Ириней пишет: «Апокалипсис появился незадолго пред сим и почти в наше время, в конце царствования Домициана». Историк Евсевий (начало 4-го века) сообщает, что современные ему языческие писатели упоминают о ссылке апостола Иоанна на Патмос за свидетельство о Божественном Слове, относя это событие к 15-му г. царствования Домициана (царствовал в 81-96 гг. после Рождества Христова).

Таким образом, Апокалипсис написан в конце первого столетия, когда каждая из семи малоазийских церквей, к которым обращается святой Иоанн, имела уже свою

историю и так или иначе определившееся направление религиозной жизни. Христианство у них было уже не в первой стадии чистоты и истины, и ложное христианство уже пыталось соперничать с истинным. Очевидно, и деятельность апостола Павла, долго проповедовавшего в Ефесе, была делом уже давнего прошлого.

Согласны церковные писатели первых 3-х веков и в указании места написания Апокалипсиса, которым они признают остров Патмос, упоминаемый самим Апостолом, как место получения им откровений (От. 1:9). Патмос находится в Эгейском море, на юг от города Ефеса и в древнее время был местом ссылки.

В первых строках Апокалипсиса святой Иоанн указывает цель написания откровения: предсказать судьбы Церкви Христовой и всего мира. Миссией Церкви Христовой было возродить мир христианской проповедью, насадить в душах людей истинную веру в Бога, научить их праведно жить, указать им путь в Царство Небесное. Но не все люди приняли благосклонно христианскую проповедь. Уже в первые дни после Пятидесятницы Церковь столкнулась с враждой и сознательным сопротивлением христианству – сначала со стороны иудейских священников и книжников, потом – со стороны неверующих иудеев и язычников.

Уже в первый год христианства началось кровавое преследование проповедников Евангелия. Постепенно эти преследования стали принимать организованную и систематическую форму. Первым центром борьбы с христианством оказался Иерусалим. Начиная с середины первого столетия к враждебному лагерю присоединился Рим во главе с императором Нероном (царствовал в 54-68 гг. после Рождества Христова). Гонения начались в Риме, где пролили свою кровь многие христиане, включая первоверховных апостолов Петра и Павла. С конца первого столетия гонения на христиан становятся более интенсивными. Император Домициан повелевает систематически преследовать христиан сначала в Малой Азии, а потом и других частях Римской империи. Апостол Иоанн Богослов, вызванный в Рим и брошенный в котёл с кипящим маслом, остался невредим. Домициан ссылает апо-

стола Иоанна на остров Патмос, где апостол получает откровение о судьбах Церкви и всего мира. С небольшими перерывами кровавые гонения на Церковь продолжают-ся и до 313-го года, когда император Константин издаёт Миланский эдикт о свободе вероисповедания.

Ввиду начинающихся гонений апостол Иоанн пишет христианам Апокалипсис, чтобы утешить их, наставить и укрепить. Он раскрывает тайные намерения врагов Церкви, которых он олицетворяет в звере, вышедшем из моря (как представителе враждебной светской власти), и в звере, вышедшем из земли – ложном пророке, как представителе враждебной псевдорелигиозной власти. Он обнаруживает и главного руководителя борьбы против Церкви – дьявола, этого древнего дракона, который группирует богоборческие силы человечества и направляет их против Церкви. Но страдания верующих не напрасны: через верность Христу и терпение они получают заслуженную награду на Небе. В определённое Богом время враждебные Церкви силы будут преданы суду и наказаны. После Страшного суда и наказания нечестивых начнётся вечная блаженная жизнь.

Цель написания Апокалипсиса – изобразить предстоящую борьбу Церкви с силами зла; показать методы, какими дьявол при содействии своих слуг воюет против добра и истины; дать руководство верующим, как преодолевать искушения; изобразить гибель врагов Церкви и конечную победу Христа над злом.

Содержание Апокалипсиса

При последовательном чтении Апокалипсиса можно разделить на следующие части.

1. Вступительная картина явившегося Господа Иисуса Христа, повелевающего Иоанну записать Откровение семи малоазийским церквам (1-я глава).

2. Письма 7-ми малоазийским церквам (главы 2-я и 3-я), в которых одновременно с наставлениями этим церквам начертаны судьбы Церкви Христовой – от апостольского века и до конца мира.

3. Видение Бога, сидящего на престоле, Агнца и небесного богослужения (главы 4-я

и 5-я). Это богослужение дополняется видениями в последующих главах.

4. С 6-й главы начинается раскрытие судеб человечества. Вскрытие Агнцем Христом семи печатей таинственной книги служит началом описания разных фаз войны между добром и злом, между Церковью и дьяволом. Эта война, которая начинается в душе человека, распространяется на все стороны человеческой жизни, усиливается и делается всё более страшной (до 20-й главы).

5. Гласы семи ангельских труб (главы 7-10) возвещают начальные бедствия, которые должны постигнуть людей за их неверие и грехи. Описывается повреждение природы и появление в мире злых сил. Перед началом бедствий верующие получают на чело (на лоб) благодатную печать, сохраняющую их от нравственного зла и от участи нечестивых.

6. Видение семи знамений (11-14 главы) показывает человечество, разделившееся на два противоположных и непримиримых лагеря – добра и зла. Добрые силы сосредоточиваются в Церкви Христовой, представленной здесь в образе Жены, облачённой в солнце (12-я глава), а злые – в царстве зверя-антихриста. Зверь, вышедший из моря, – символ злой светской власти, а зверь, вышедший из земли, – символ разложившейся религиозной власти. В этой части Апокалипсиса впервые отчётливо выявляется сознательное внемирное злое существо – дракон-дьявол, который организует и руководит войной против Церкви. Два свидетеля Христовых символизируют здесь проповедников Евангелия, которые сражаются со зверем.

7. Видения семи чаш (главы 15-17) рисуют мрачную картину всемирного нравственного разложения. Война против Церкви становится крайне напряжённой (Армагеддон) (От. 16:16), испытания – невыносимо тяжкими. В образе Вавилона-блудницы изображается отступившее от Бога человечество, сосредоточенное в столице царства

зверя-антихриста. Злая сила распространяет своё влияние на все области жизни грешного человечества, после чего начинается Божий суд над силами зла (здесь суд Божий над Вавилоном описывается в общих чертах, в качестве введения).

8. В следующих главах (18-19) суд над Вавилоном описывается подробно. Здесь же показывается гибель виновников зла среди людей – антихриста и лжепророка – представителей как гражданской, так и еретической антихристианской власти.

9. 20-я глава подводит итог духовной войне и мировой истории. Она говорит о двукратном поражении дьявола и о царствовании мучеников. Пострадав физически, они победили духовно и уже блаженствуют на Небе. Здесь охватывается весь период существования Церкви, начиная с апостольских времён. Гог и Магог олицетворяют совокупность всех богоборческих сил, земных и преисподних, которые на протяжении христианской истории воевали против Церкви (Иерусалима). Они истребляются вторым пришествием Христовым. Наконец подвергается вечному наказанию и дьявол, этот древний змий, который положил начало всем беззакониям, неправдам и страданиям во Вселенной. Конец 20-й главы повествует о всеобщем воскресении мёртвых, о Страшном суде и о наказании нечестивых. Это краткое описание суммирует Страшный суд над человечеством и падшими ангелами и подводит итог драме вселенской войны между добром и злом.

10. Заключительные две главы (21-22) описывают новое Небо, новую Землю и блаженную жизнь спасённых. Это самые светлые и радостные главы в Библии.

Каждый новый отдел Апокалипсиса обычно начинается словами: «И увидел я...» и заканчивается описанием суда Божия. Это описание обозначает конец предыдущей темы и начало новой. Между главными отделами Апокалипсиса тайнозритель иногда вставляет промежуточные картины, которые служат связующим звеном между ними.

Значение символов и чисел

Символы и аллегории дают возможность тайнозрителю говорить о сути мировых событий на высоком уровне обобщения, поэтому он широко пользуется ими. Так, например, глаза символизируют ведение, много глаз – совершенное ведение. Рог – символ власти, могущества. Длинная одежда означает священство; венец – царственное достоинство; белизна – чистоту, непорочность; город Иерусалим, храм и Израиль – символизируют Церковь. Числа тоже имеют символическое значение: три – символизирует Троицу, четыре – символ мира и мирового порядка; семь означает законченность и совершенство; двенадцать – народ Божий, полноту Церкви (то же значение имеют числа, производные от 12-ти, как 24 и 144000). Одна треть означает какую-то сравнительно небольшую часть. Три с половиной года – время гонений.

Новозаветные события часто изображаются на фоне однородных ветхозаветных событий. Так, например, бедствия Церкви описываются на фоне страданий израильтян в Египте, искушения при пророке Валааме, гонения со стороны царицы Иезавели и разрушение Иерусалима халдеями; спасение верующих от дьявола изображается на фоне спасения израильтян от фараона при пророке Моисее; богоборческая власть представлена в образе Вавилона и Египта; наказание богоборческих сил изображается языком 10-ти египетских казней; дьявол отождествляется со змеем, соблазнившим Адама и Еву; будущее райское блаженство

изображается в образе райского сада и древа жизни.

Главная задача автора Апокалипсиса – показать, как действуют злые силы, кто их организует и направляет в борьбе с Церковью; наставить и укрепить верующих в верности Христу; показать полное поражение дьявола и его слуг и начало райского блаженства.

При всей символичности и таинственности Апокалипсиса религиозные истины раскрыты в нём предельно ясно. Так, например, Апокалипсис указывает на дьявола как виновника всех искушений и бедствий человечества. Орудия, которыми он старается погубить людей, всегда одни и те же: неверие, непослушание Богу, гордость, греховные желания, ложь, страх, сомнения и т.д. Несмотря на всю свою хитрость и опытность, дьявол не в состоянии погубить людей, всем сердцем преданных Богу, потому что Бог оберегает их Своей благодатью. Богоотступников же и грешников дьявол всё больше и больше поработает себе и толкает их на всякие мерзости и преступления. Он направляет их против Церкви и с их помощью производит насилия и устраивает войны в мире. Апокалипсис ясно показывает, что в конце концов дьявол и его слуги будут побеждены и наказаны, правда Христова торжествует, и в обновлённом мире наступит блаженная жизнь, которой не будет конца.

Сделав, таким образом, беглый обзор содержания и символики Апокалипсиса, остановимся теперь на некоторых главнейших его частях.

Письма семи церквям (2-3 гл.)

Семь церквей – Ефесская, Смирнская, Пергамская, Фиатирская, Сардийская, Филадельфийская и Лаодикийская – находились в юго-западной части Малой Азии (теперь Турции). Их основал апостол Павел в 40-х годах первого века. После его мученической смерти в Риме около 67-го года заботу над

этими церквями взял на себя апостол Иоанн Богослов, который их окормлял примерно сорок лет. Попав в заточение на остров Патмос, апостол Иоанн оттуда писал этим церквям послания, чтобы подготовить христиан к предстоящим гонениям. Письма обращены к «ангелам» этих церквей, т.е. епископам.

Внимательное изучение посланий семи малоазийским церквам наводит на мысль, что в них начертаны судьбы Церкви Христовой, начиная с апостольского века и до времени конца мира. При этом предстоящий путь новозаветной Церкви, этого «Нового Израиля», изображён на фоне важнейших событий в жизни ветхозаветного Израиля, начиная с грехопадения в раю и кончая временем фарисеев и саддукеев при Господе

Иисусе Христе. Апостол Иоанн использует ветхозаветные события в качестве прообразов судеб новозаветной Церкви. Таким образом, в письмах к семи церквам переплетаются три элемента:

- а) современное автору состояние и будущее каждой малоазийской церкви;
- б) новая, более глубокая интерпретация ветхозаветной истории;
- в) грядущие судьбы Церкви.

Кто такие четыре всадника Апокалипсиса?

Видение семи печатей является вводным к последующим откровениям Апокалипсиса. Снятие первых четырёх печатей показывает четырёх всадников, которые символизируют четыре фактора, характеризующие всю историю человечества. Первые два фактора являются причиной, вторые два – следствием. Увенчанный всадник на белом коне «вышел, чтобы победить». Он олицетворяет те добрые начала, естественные и благодатные, которые Творец вложил в человека: образ Божий, нравственную чистоту и невинность, стремление к добру и совершенству, способность верить и любить – и индивидуальные «таланты», с которыми рождается человек, а также благодатные дары Святого Духа, которые он получает в Церкви. По мысли Творца эти добрые начала должны были «победить», т.е. определить счастливое будущее человечества. Но человек уже в Эдеме поддался соблазну искушителя. Повреждённая грехом природа перешла к его потомкам; поэтому люди уже с раннего возраста склонны грешить. От повторных грехов в них ещё больше усиливаются дурные наклонности. Так человек вместо того, чтобы духовно расти и совершенствоваться, подпадает под разрушительное действие собственных страстей, предаётся различным греховным пожеланиям, начинает завидовать и враждовать. От внутреннего разлада в человеке возникают все преступления в мире (насилие, войны и всевозможные бедствия).

Разрушительное действие страстей сим-

болизирует рыжий конь и всадник, отнявшие мир у людей. Поддаваясь своим беспорядочным греховным желаниям, человек растрчивает данные ему Богом таланты, беднеет физически и духовно. В общественной же жизни вражда и войны ведут к ослаблению и разложению общества, к утрате его духовных и материальных ресурсов. Это внутреннее и внешнее обеднение человечества символизирует вороной конь с всадником, держащим меру (или весы) в руке своей. Наконец, полная утрата Божиих дарований ведёт к смерти духовной, и конечным последствием вражды и войн являются смерть людей и распад общества. Эту печальную участь людей символизирует бледный конь.

В четырёх апокалиптических всадниках изображена в самых общих чертах история человечества. Сначала – блаженная жизнь в Эдеме наших прародителей, призванных «царствовать» над природой (белый конь), потом – их грехопадение (рыжий конь), после которого жизнь их потомков наполнилась различными бедствиями и взаимным уничтожением (вороной и бледный кони). Апокалиптические кони также символизируют жизнь отдельных государств с их периодами расцвета и упадка. Здесь и жизненный путь каждого человека – с его детской чистотой, наивностью, большими потенциальными возможностями, которые омрачаются бурной молодостью, когда человек растрчивает свои силы, здоровье и в конце концов умирает. Здесь – и история Церкви:

духовное горение христиан в апостольское время и усилия Церкви обновить человеческое общество; возникновение в самой Церкви ересей и расколов, и гонение Церкви языческим обществом. Церковь слабеет, уходит в катакомбы, а некоторые поместные церкви вовсе исчезают.

Таким образом, видение четырёх всадников суммирует факторы, которые характеризуют жизнь грешного человечества. Дальнейшие главы Апокалипсиса будут развивать глубже эту тему. Но снятием пятой печати тайнозритель показывает и светлую сторону человеческих бедствий. Христиане, пострадав физически, победили духовно; теперь они в Раю! (От. 6:9-11). Их подвиг приносит им вечную награду, и они царствуют со Христом, как это описано в 20-й главе. Переход к более подробному описанию бедствий Церкви и усилению богоборческих сил знаменуется снятием седьмой печати.

Книга Апокалипсис написана во время усилившихся гонений на Церковь. Её цель – укрепить и утешить верующих ввиду предстоящих испытаний. Она раскрывает способы и ухищрения, которыми дьявол и его слуги пытаются погубить верующих; она учит, как преодолевать соблазны. Книга Апокалипсис призывает верующих быть внимательным к своему душевному состоянию, не бояться страданий и смерти ради Христа. Она показывает радостную жизнь святых на небе и зовёт соединиться с ними. Верующие, хотя иногда имеют много врагов, но ещё больше имеют защитников в лице ангелов, святых и в особенности Христа Победителя.

Книга Апокалипсис ярче и нагляднее других книг Священного Писания раскрывает драму борьбы зла с добром в истории человечества и показывает полнее торжество Добра и Жизни.

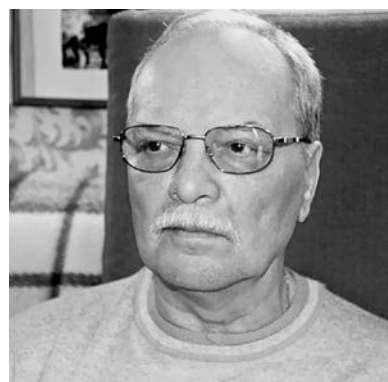
Конец света

В своей совокупности Священное Писание учит, что богоборческое царство закончит своё существование во время Второго пришествия Христа, тогда же погибнут антихрист и лжепророк. Страшный суд Божий над миром будет происходить в порядке возрастающей виновности подсудимых. («Время начаться суду с дома Божия. Если же прежде с нас начнётся, то какой конец непокоряющимся слову Божию?» (1 Пет. 4:17; Мт. 25:31-46). Сначала будут судиться верующие, потом – неверующие и грешники, затем – сознательные враги Божии, и наконец – главные виновники всякого беззакония в мире – бесы и дьявол. В таком порядке повествует и апостол Иоанн о суде над врагами Божиими в 17-20 главах. При этом суд над каждой категорией виновных (бого-

отступниками, антихристом, лжепророком и, наконец, дьяволом) апостол предваряет описанием их вины. Поэтому возникает впечатление, что сначала будет разрушен Вавилон, какое-то время спустя будут наказаны антихрист и лжепророк, после чего на земле наступит царство святых, и уже после очень продолжительного времени дьявол выйдет, чтобы обольщать народы, и тогда он будет наказан Богом. В действительности же в Апокалипсисе речь идёт о параллельных событиях. Этот метод изложения апостола Иоанна следует учитывать для правильной интерпретации 20-й главы Апокалипсиса.

Использованы материалы сайта «Православие и мир» <https://www.pravmir.ru/>

Александр Боханов
*Советский и российский историк
 и историограф, специалист
 по истории России XIX –
 начала XX веков.
 Доктор исторических наук.*

АЛЕКСАНДР III: император и человек

Досье

Время и место рождения: 26 февраля 1845 года, Царское Село. Время и место смерти: 20 октября 1894 года, Ливадия. Вероисповедание: православное. Родители: отец – цесаревич Александр Николаевич (с 1855 года – император Александр II);

мать – цесаревна Мария Александровна (с 1855 года – императрица). Образование: домашнее, полный курс гимназии и Военной академии.

Особые интересы: история, военное дело, русская литература. Владение иностранными языками: французский (отлично), немецкий и английский (хорошо). Культурные пристрастия: творчество поэта М. Ю. Лермонтова, писателя Ф. М. Достоевского, композитора П. И. Чайковского, коллекционирование живописных полотен русских художников. Общественное положение: великий князь, с апреля 1865 года – наследник престола, цесаревич, с 1 марта 1881 года – Император Всероссийский. Особые заслуги перед Отечеством: участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., управление империей в 1881-1894 гг. Военское звание: генерал-лейтенант. Знаки отличия: все высшие награды России и ордена почти всех европейских стран. Особо же чтимая награда – Георгиевский крест 2-й степени, полученный за мужество в военной кампании 1877 года. Семейное положение: женат (1866) на Марии Фёдоровне (1847-1928), урождённой датской принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмар, принявшей в 1866 году православие. Дети: Николай (1868-1918), Александр (1869-1870), Георгий (1871-1899), Ксения (1875-1960), Михаил (1878-1918), Ольга (1882-1960).

Забывший государь

Он находился на престоле тринадцать с половиной лет и умер сорока девяти лет от роду, заслужив ещё при жизни звание царя-мироотворца, так как за время его правления ни капли русской крови не пролилось на полях сражений...

Вскоре после его кончины историк В. О. Ключевский заявил: «Наука отведёт Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее добиться победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание, и сделал всё это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для неё».

Маститый профессор ошибся в своих предсказаниях. Уж более ста лет фигура предпоследнего русского царя является мишенью для самых нелюбимых оценок; его личность служит объектом разнуданных выпадов и тенденциозной критики. Растиражированный фальшивый образ Александра III, с живым человеком никак и не сопряжённый, без устали воссоздаётся по сию пору. Почему? Причина проста: Александр III не восхищался Западом, не поклонялся либерально-эгалитарным идеям, считая, что буквальное насаждение иностранных порядков не станет благом для России. Отсюда непримиримая ненависть к этому царю со стороны западников всех мастей.

Однако он не был узким западненавистником, с порога отвергающим всё то, что не имело родового клейма «Сделано в России». Для него русское было первичным и особо значимым не потому, что оно лучшее в мире, а потому, что оно родное, близкое, своё. И хотя неполадки и несуразности в русской жизни он прекрасно осознавал, но ни минуты не сомне-

вался, что преодолевать их следует, лишь опираясь на собственное чувство понимания долга и ответственности, не обращая внимания на то, что скажет об этом какая-нибудь «княгиня Марья Алексевна». Впервые почти за двести лет это был правитель, который не только не домогался «любви Европы», но даже не интересовался тем, что о нём говорят и пишут. И именно Александр III стал тем правителем, при котором без единого ружейного выстрела Россия в Западной Европе начала завоевывать моральный авторитет великой мировой державы. И носящий имя русского царя импозантный мост через Сену в самом центре Парижа стал ярким тому подтверждением...

Александр III явил России и миру тот образ национального достоинства, которого России так не хватало до него и которое в XX веке вообще исчезло без следа. Этот удивительный пример, умышленно или по неразумию, предан забвению, но именно этого примера так не хватает современной России, уже многие годы судорожно мечущейся в поисках какой-то заёмной «модели развития», какой-то изобретённой «национальной идеи», вне всякой связи с национально-историческим опытом, которым так богата Россия.

В быту

Александра никогда не пугали неудобства быта, ему с детства была чужда тяга к роскоши и неге, которую проявляло немало число его ровесников, принадлежащих к аристократическим кругам. Когда летом 1864 года он впервые был послан отцом в составе Конногвардейского полка служить в лагере в Красном Селе, где приходилось жить в палатке, подниматься в пять, а то и в четыре часа утра, делать многокилометровые марши, то это его совсем не раздражало. В письме он сообщал матушке: «Я уже 3-й день в лагере и в 1-й раз нашёл свободную минуту писать Тебе. Вчера мы встали в 4 часа и пошли на манёвры, а пришли только в 12. Вечером опять учения от 5 до 7. Ложимся спать около 10-ти. Ночью сыро и холодно,

но сплю в палатке очень хорошо, потому, что целый день на ногах».

Его тяга к простоте и безыскусной ясности отражалась на многом, в том числе и на его отношении к еде. В молодые годы великий князь Александр любил покушать. Гурманом не был и гастрономические выкрутасы не ценил. Все эти жульены, консоме, трюфели, каперсы, галантины, фрикасе, устрицы, фритюры и тому подобные кулинарные изыски, неизменно фигурировавшие на приёмах и званых вечерах, удовольствия ему не доставляли. Он предпочитал простую пищу: щи, уху и жареную рыбу, котлеты, кашу, жаркое, квашеную капусту, мочёные яблоки, солёные огурцы, простоквашу. Самым вкусным и изысканным блюдом многие годы считал гурьевскую кашу (манная каша с яйцами, запечённая в духовке и подаваемая с орехами, фруктами, сметаной или сладким сиропом). Никогда не злоупотреблял спиртным и ни разу в жизни не был пьян. Его же враги пустили в обращение грязную сплетню, что он был чуть ли не горький пьяница. Эту ложь до сих пор воспроизводят, хотя не существует ни одного свидетельства или документа, подтверждающего эти высказывания.

На службе Отечеству

Коренной перелом в судьбе великого князя Александра Александровича произошёл в апреле 1865 года, когда умер его старший брат Николай и он, как следующий по старшинству, стал наследником престола. У него было много деловых обязательств: лагерная служба, занятия в Государственном совете, участие в заседаниях комитета министров. Там обсуждались вопросы государственной значимости, и надо было иметь на них свой взгляд и уметь его изложить. Александр Александрович в первые годы по большей части молчал, слушал, советовался, размышлял. Смысл дела всегда видел лишь в полезности для России. Цесаревич быстро уяснил, как сложна государственная механика, как много в делах высших сановников бывает

скрытых намерений и корыстных целей. Факты подобного рода неизбежно вызывали у него искреннее возмущение. О ставших ему известными неполадках в государственных делах, взятках и интригах высших сановников он без утайки сообщал отцу, хотя часто такая информация монарху и не нравилась. Александр же не мог поступить иначе и в одном из писем в 1868 году прямо о том написал: «Прости меня, милый Папа, что я решился Тебе высказать всю правду, но кому же, как не мне, Тебе её выговаривать. Это мой долг, и в этом пока состоит моя служба Тебе и Отечеству, и если только Ты мне позволишь раз и навсегда писать и говорить Тебе истинную правду постоянно, то я буду счастлив, как никогда».

Вера

Александр Александрович не принадлежал к разряду людей, предрасположенных к меланхолии. Состояние тоски, безрадостности хоть и было ему знакомо, но никогда не поглощало его целиком. Непременно существовали люди и вещи, его интересовавшие, увлекавшие, вселявшие оптимизм. Ненаглядная супруга и бесценные дети наполняли жизнь смыслом, дорогая матушка своим примером учила смирению и земным добродетелям, высокочтимый батюшка служил образцом преданности своему долгу. И чтобы Александр ни делал, какая бы житейская трудность ему ни встретилась, он всегда помнил, что есть ещё одна важнейшая, святая, незыблемая опора – Бог.

В повседневных разговорах и обсуждениях он лишь в редчайших случаях касался вопросов веры. Хотя в столичных салонах уже с 60-х годов темы христианства, его потаённой сути, «веры истинной» и «веры мнимой» сделались модными, цесаревича это аристократическое поветрие не захватило. Он вообще не любил «умствований» там, где считал их неуместными. Это как раз и относилось к православию. Надо знать

Священное Писание, чтить предание и традицию, усердно молиться, соблюдать канон, оставаться абсолютно откровенным перед Всевышним, и Он не оставит, считал Александр. Жизненный опыт убеждал, что если иметь чистое сердце, открытую Богу душу, то можно многое преодолеть и не сбиться с пути. На пороге своего тридцатилетия он писал матушке: «Да, много в жизни человека бывает непонятного, смутного, невероятного, и человек неверующий попадает в омут жизни земной и пропадает навсегда, если не опомнится. Когда что меня смущает и я чувствую, что человеческими силами не выйти из тяжёлого состояния души, стоит вспомнить слова Евангелия: “Да не смущается сердце Ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте”. И этого довольно, чтобы прийти в себя». Цесаревич не сомневался, что истинный дух России, её душа – в православии. Только с Верой Христовой в сердце русскому народу и удалось так много пережить, сберечь себя и отстоять державу предков. Это всё Божья милость, что Россия даже в «самых невозможных положениях» сохранялась и укреплялась. Истинное служение России – святая обязанность всех, но в первую очередь тех, кто самим Богом поставлен на высокое место. Александр знал, что в числе прочих и ему предназначена такая судьба.

Первый экзамен

В 1877 году ему пришлось доказывать на деле своё высокое предназначение, сдавать трудный экзамен на преданность и верность России. В тот год началась жестокая война на Балканах, и Александр оказался в центре событий: семь месяцев он находился на передовой военной линии, командовал во время освобождения Болгарии 45-тысячной Восточной армией – так называемым Руцукским отрядом. Он показал себя примерным и умным командиром, который ни единожды не совершил военной ошибки, благодаря чему потери Восточной армии оказались минимальными.

Неудобства быта, военные опасности Александра по-настоящему не волновали. В письмах матери, жене, детям он об этом практически не писал. Главные заботы, тяжесть переживаний и страданий тех месяцев – совсем иные. Судьба кампании, положение армии, успех России. В письме матери он признавался: «Если нам придётся жертвовать собою, то я уверен, душка Ма, ты нас знаешь хорошо, мы не посрамим ни наше имя, ни наше положение! Краснеть Тебе не придётся за нас, за это я отвечаю, а что будет дальше, одному Богу известно!»

Завещание отца

Александр Александрович вступил на престол в возрасте 36 лет 1 марта 1881 года. В этот день бомбой террориста был ранен его отец Александр II, скончавшийся через несколько часов после взрыва. Будущий император не мечтал о короне, но когда смерть отняла отца, проявил удивительное самообладание и смирение, приняв то, что давалось лишь по воле Всевышнего.

С великим душевным трепетом, со слезами на глазах он читал завещание убитого отца, его слова и наставления. «Я уверен, что сын мой, Император Александр Александрович, поймёт всю важность и трудность высокого своего призвания и будет и впредь во всех отношениях достоин призвания честного человека, которым величал его покойный старший брат его Никса. Да поможет ему Бог оправдать мои надежды и довершить то, что мне не удалось сделать для улучшения благоденствия дорогого нашего Отечества. Заклинаю его не увлекаться модными теориями, пещись о постоянном его развитии, основанном на любви к Богу и на законе. Он не должен забывать, что могущество России основано на единстве Государства, а потому всё, что может клониться к потрясениям всего единства и к отдельному развитию различных народностей, для неё пагубно и не должно быть допускаемо. Благодарю его,

в последний раз, от глубины нежно любящего его сердца, за его дружбу, за усердие, с которым он исполнял служебные свои обязанности и помогал мне в Государственных делах».

Царю Александру III досталось тяжёлое наследство. Он прекрасно понимал, что улучшения в разных областях жизни и государственного управления необходимы, они давно назрели, с этим трудно спорить. Знал он и то, что «смелые преобразования», которые проводились в 60-70-е годы, нередко порождали ещё более острые проблемы. С конца 70-х годов общественная обстановка в стране стала столь напряжённой, что многие не сомневались: скоро наступит крушение. Иные старались уехать подальше из Петербурга – кто в имение, а кто за границу.

Безрадостность общественного положения ощущалась повсеместно. Финансы были расстроены, экономическое развитие замедлилось, в сельском хозяйстве наблюдался застой. Земства плохо справлялись с делами местного благоустройства, всё время просили денег из казны, а земские собрания зачастую становились центрами публичных обсуждений политических вопросов, которые их никак не касались. В университетах царила почти полная анархия: чуть ли не открыто распространялись антиправительственные издания, устраивались студенческие сходки, где звучали нападки на правительство. И главное – постоянно совершались убийства и покушения на должностных лиц, а власть не могла справиться с террором. В результате сам монарх превратился в объект этих злодейских намерений и пал от рук террористов.

О пользе подлинной и мнимой

Александру III приходилось трудно. Советчиков хватало: каждый родственник и сановник мечтал о том, чтобы царь именно его «пригласил к разговору». Но Александр Александрович знал, что подобные

рекомендации часто слишком пристрастны, слишком небескорыстны, чтобы доверяться им без оглядки. Покойный отец порой приближал к себе людей беспринципных, лишённых воли и твёрдых монархических убеждений.

Дела надо вести по-другому, считал Александр III. Перво-наперво следует не новые законы составлять, а добиться того, чтобы уже существующие соблюдались. Это убеждение созрело у него в весенние дни 1881 года. Ещё раньше, в январе, выступая на совещании у главного покровителя конституционалистов брата государя великого князя Константина Николаевича, будущий царь определённо заявил, что «не видит необходимости навязывать России все неудобства конституционализма, препятствующего хорошему законодательству и управлению». Такое заявление немедленно было истолковано либеральной публикой как проявление «реакционных убеждений». Он никогда не искал популярности, не заискивал перед антрепренёрами и завсегдатаями петербургских салонов ни до того как стать царём, ни после. Через несколько лет после воцарения, беседуя с приближёнными, подчеркнул, что считал бы «конституцию очень покойною для себя самого, но очень опасною для России». По сути, он повторил мысль своего отца. Задолго до гибели Александр II понял, что широкие общественные свободы, к чему его призывали некоторые из наиболее «европеизировавшихся» соотечественников, – вещь недопустимая. В империи двуглавого орла ещё не сложились исторические условия для утверждения общественных порядков, существовавших, скажем, в Англии или во Франции.

Александр II высказывал эти мысли и в узком кругу, и за пределами царского дворца. Так, в сентябре 1865 года, принимая в подмосковном Ильинском предводителя звенигородского дворянства П. Д. Голохвастова, царь-реформатор так изложил своё политическое кредо: «Я даю тебе слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы

я был убеждён, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня, завтра Россия распадётся на куски». Александр II до самой смерти не изменил своему убеждению, хотя позже циркулировали абсолютно бездоказательные утверждения, что якобы он намеревался ввести конституционное правление... Александр III целиком разделял это убеждение отца и готов был многое изменять и усовершенствовать, не ломая и не отвергая того, что представлялось надёжным и исторически оправданным. Главной политической ценностью России являлось самодержавие – правление полномочное, не зависимое от писанных норм и государственных учреждений и ограниченное лишь властью Царя Небесного над царём земным.

Беседуя в конце марта 1881 года с дочерью поэта Тютчева Анной Фёдоровной, женой известного славянофила И. С. Аксакова, издававшего в Москве популярную газету «Русь», царь сказал: «Я читал все статьи вашего мужа за последнее время. Скажите ему, что я доволен ими. В моём горе мне было большое облегчение услышать честное слово. Он честный и правдивый человек, а главное, он настоящий русский, каких, к несчастью, мало, и даже эти немногие были за последнее время устранены, но этого больше не будет».

С НОВОЙ властью шутки ПЛОХИ

Вскоре слово нового монарха прозвучало на весь мир. 29 апреля 1881 года появился Высочайший манифест, прогремевший набатным колоколом. «Посреди великой Нашей скорби глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких поползновений». Далее новый царь призывал всех верных сынов Отечества ободриться и содейство-

вать «искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России её благодетелем, возлюбленным Родителем».

Манифест для многих оказался неожиданным. Стало ясно, что эпоха либеральных улыбок миновала. Поэтому падение политических прожектёров-неудачников было лишь вопросом времени. Александр III считал такой исход логичным. Одиннадцатого июня он писал брату Сергею: «Назначив почти везде новых людей, мы дружно принялись за тяжёлую работу и, Слава Богу, с трудом и понемногу идём вперёд, и дело идёт гораздо успешнее, чем при прежних министрах, которые своим поведением заставили меня уволить их от занимаемых должностей. Они хотели меня забрать в свои лапы и закабалить, но это им не удалось... Не могу скрыть, что и теперь ещё далеко мы не в нормальном состоянии и много ещё будет разочарований и тревог, но на всё надо быть готовым и идти прямо и смело к цели, не уклоняясь в сторону, а главное – не отчаиваться и надеяться на Бога!».

Хотя никаких преследований, арестов и высылки неугодных сановников не происходило (почти все они удалялись с почётом, получали назначения в Государственный совет), всё же некоторые сочли, что на вершине власти «началось землетрясение». Чиновничье ухо всегда тонко улавливало импульсы и настроения в высших коридорах власти, определявшие поведение и служебное усердие должностных лиц. Как только на престол взойшёл Александр III, все быстро осознали, что с новой властью шутки плохи, что молодой император – человек крутой, порой резкий, и воле его надлежит повиноваться беспрекословно. И буквально сразу же стихли дискуссии, всё завертелось, а государственная машина заработала без сбоев, хотя в последние годы царствования Александра II многим казалось, что у неё и сил-то уж нет.

Миф о реакционном режиме

Александр III никаких чрезвычайных органов не создавал (вообще за время его правления новых подразделений в системе государственного управления появилось немного), никакой «специальной чистки» чиновного аппарата не производил, но атмосфера в стране и в коридорах власти существенно переменилась. Салонные краснобаи, ещё недавно страстно отстаивавшие свободолюбивые принципы, вдруг почти онемели и больше не решались популяризовать либерте, эгалите, фратерните не только на открытых собраниях, но даже в кругу своих, за плотно закрытыми дверями столичных гостиных. Постепенно исчезли сановники, слывшие либеральными, а на смену им пришли другие, готовые служить царю и Отечеству беспрекословно, не заглядывая в европейские шпаргалки и не боясь прослыть реакционерами. Александр III повёл смелую и решительную борьбу с врагами государственного порядка. Были арестованы как прямые исполнители убийства Александра II, так и иные лица, в первоапрельском злодеянии лично не участвовавшие, но готовившие другие террористические акты. Всего арестовали около пятидесяти человек, из которых пятеро цареубийц по приговору суда были повешены.

Император не сомневался, что с врагами России надо вести решительную борьбу, причём не только полицейскими методами, но и милосердием. Надо различать, где истинные, непримиримые противники, а где заблудшие души, позволившие по недомыслию втянуть себя в противоправительственные действия. Император всегда лично следил за ходом дознания по политическим делам. Ведь в конечном итоге все судебные решения предоставлялись на его усмотрение, многие осуждённые просили о царской милости, и поэтому ему надлежало знать подробности. Порой он решал не доводить дело до суда. Например, когда

в 1884 году в Кронштадте был раскрыт кружок революционеров, царь, узнав, что мичман флотского экипажа Григорий Скворцов обливается слезами, кается и даёт чистосердечные показания, немедленно распорядился: мичмана отпустить и судебному преследованию не подвергать.

Он всегда питал симпатию к людям, исповедовавшим традиционные ценности. При этом конформизм, соглашательство, отступничество ничего, кроме отвращения, в его душе не вызывали. Политический принцип, которого он придерживался, был прост и соответствовал русской управленческой традиции. Неполадки в государстве надо исправлять, предложения необходимо выслушивать, но для этого совершенно необязательно созывать некую народную ассамблею. Необходимо пригласить специалистов, знатоков того или иного вопроса, внимательно их выслушать, обсудить, взвесить все «за» и «против» и принять правильное решение. Всё следует делать по закону, а если окажется, что закон устарел, его необходимо пересмотреть, опираясь на традицию и только после обсуждения в Государственном совете. Это стало правилом российской государственной жизни.

Царь не раз говорил приближённым и министрам, что «чиновничество есть сила в государстве, если его держать в строгой дисциплине». И действительно, при Александре III управленческий аппарат империи работал в жёстком режиме: решения власти выполнялись неукоснительно, а царь лично следил за этим. Неделовитости, пренебрежения служебными обязанностями он не терпел. Император ввёл невиданное в России новшество: потребовал, чтобы ему представляли ведомость всех неисполненных поручений и решений с указанием ответственных лиц. Это известие заметно повысило «трудовой энтузиазм» чиновничества, и волокиты в государстве стало значительно меньше.

Особенно непримиримо он относился к тем, кто использовал служебное положение в личных целях – к таким уже никакого

снисхождения не было. И правление Александра III отличало просто удивительное явление: практически полностью исчезли такие традиционные атрибуты российской действительности (в том числе и нынешней), как взяточничество и коррупция. Ни одного сколько-нибудь громкого дела подобного рода в русской истории этого периода не отмечено, а многочисленные профессиональные «разоблачители царизма» ни единого коррупционного факта так и не обнаружили, хотя настойчиво их искали многие десятилетия...

В эпоху царствования Александра III в России сохранялась строгая административная регламентация социальной жизни. Враги государственной власти подвергались преследованиям, арестам, высылкам. Такие факты имелись и до, и после Александра III, однако в оправдание непреложного тезиса о некоем «курсе реакции» именно период его правления нередко характеризуют как особо мрачный и беспросветный отрезок российской истории. На самом деле ничего подобного не наблюдалось. Всего за политические преступления (уголовные деяния в России исключали смертную казнь как наказание) в «период реакции» казнили 17 человек. Все они или участвовали в царевубийстве, или готовились к нему, и ни один из них не раскаялся. В общей же сложности за антигосударственные деяния (в течение почти 14 лет) было допрошено и задержано менее 4 тыс. человек. А если учесть, что численность населения тогдашней России превышала 120 млн человек, то эти данные убедительно опровергают шаблонный тезис о «режиме террора», якобы установившемся в стране во времена Александра III.

Культура и цензура

Судебно-тюремные «расправы» являются лишь фрагментом той «мрачной картины русской жизни», которую так часто рисуют. Другим важным её элементом был «гнёт цензуры», якобы душившей всякую свободу мыс-

ли. В Российской империи цензура существовала (как, кстати, и во всех прочих, даже самых демократических государствах в XIX веке). Она не только охраняла нравственные устои, религиозные традиции и верования, но и выполняла функцию защиты государственного интереса. При Александре III в результате административного запрета или по иным причинам (главным образом финансового характера) закрылись несколько десятков газет и журналов. Однако это не означало, что в стране «заглох голос независимой печати». Появилось немало новых изданий, а многие старые продолжали издаваться. Ряд либерально ориентированных изданий (наиболее известные – газета «Русские ведомости» и журнал «Вестник Европы») не допускал прямых нападок на власть и её представителей, однако от критического (скептического) тона так и не избавился, хотя и благополучно пережил «эпоху репрессий». В 1894 году (год смерти Александра III) в России выходило 804 периодических издания печати на русском и других языках. Примерно 15% из них составляли государственные (казённые), а остальные принадлежали различным обществам и частным лицам. Существовали общественно-политические, литературные, богословские, справочные, сатирические, научные, учебные, спортивные газеты и журналы.

Неуклонно росло число типографий, ежегодно увеличивалась номенклатура выпускаемой книжной продукции. В 1894 году перечень наименований изданных книг достиг почти 11 тыс. (в 1890 году – 8638). Многие тысячи книг ввозились из-за границы. Всего при Александре III не были допущены к обращению в России менее 200 заграничных книг (в их число входил, например, пресловутый «Капитал» Карла Маркса). Большинство книг подвергалось запрету не по политическим, а по духовно-нравственным соображениям: оскорбление чувств верующих, распространение непристойностей и т.д.

Да и духовного застоя в стране явно не наблюдалось. Работали десятки театров и свободных антреприз, в столичных городах регулярно проходили художествен-

ные выставки. В годы царствования Александра III жили и творили замечательные русские писатели Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, М.Е.Салтыков-Щедрин, Н.С.Лесков, И.А.Гончаров, Д.Н.Мамин-Сибиряк. У некоторых из них порой случались столкновения с цензурой. Например, первоначально была запрещена к публикации повесть Толстого «Крейцерова соната», которую император назвал циничной. Однако через два года, в 1891-м, она всё-таки появилась в печати.

При нём страна развивалась

Да и в экономической сфере Россия в период правления Александра III не являлась оазисом застоя. Страна динамично развивалась, социальные и производственные показатели заметно росли. Если раньше государственные расходы неизменно превышали доходы, то к концу 80-х годов бюджет России стал сбалансированным, что позволило через несколько лет (уже при сыне Александра III Николае II) ввести в обращение золотые монеты. Россия в ту эпоху оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной. Вне городов проживала подавляющая часть населения (более 80%), а основными занятиями жителей империи были хлебопашество, скотоводство, различные сельскохозяйственные промыслы. В середине 80-х годов XIX века на долю России приходилось 20% мирового производства пшеницы, 60% ржи, 30% ячменя, 25% овса. Производство этих культур постоянно увеличивалось, рос и их экспорт. Политика поощрения индустрии,

проводимая правительством Александра III, принесла заметные результаты: 80-90-е годы XIX века стали периодом интенсивного экономического роста. Начатое в 1891 году строительство Транссибирской магистрали – крупнейшего мирового транспортного проекта XIX века – дало мощный импульс развитию тяжёлой индустрии. С 1881-го по 1893 год выплавка чугуна в империи поднялась с 27,3 до 70,8 млн пудов (+159%), выплавка стали – с 18,7 до 59,3 (+217%), добыча угля – с 200,9 до 460,2 (+129%), нефти – с 21,4 до 337 (+1475%). Протяжённость железнодорожных путей к 1 января 1881 года в России составляла 21226 вёрст, а к 1 января 1894 года возросла до 33869 вёрст (+60%). С 1882-го по 1891 год возникли 383 акционерные компании, что в два раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Россия уверенно развивалась, превращаясь из страны аграрной в аграрно-индустриальную. Заметно росло благосостояние населения. Если в 1881 году в сберегательных кассах России общая сумма вкладов едва достигала 10 млн рублей, то в год кончины Александра III она превысила 330 млн.

...Александр III умер рано, совсем ещё не старым человеком. Его кончину оплакивали миллионы русских людей, искренне, а не по принуждению чтивших и любивших правителя. Большого, сильного, справедливого, понятного, христолюбивого, такого своего...

*Использованы материалы сайта
Екатеринбургская Инициатива
<https://ei1918.ru/>
Псковская митрополия,
Псково-Печерский монастырь.*

Игорь Андрушкевич
*Русский общественный деятель,
публицист, журналист
и политолог, живущий
в Аргентине.*

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Восьмисотлетие со дня рождения св. Александра Невского

Согласно церковному православному календарю, святой благоверный Великий Князь Александр Невский родился ровно восемьсот лет тому назад, 30 мая 1220 года, в городе Переславль-Залесский. (Хотя в некоторых источниках указывается, что он родился 13 мая 1221 года). Когда он скончался, эту весть тогда митрополит Кирилл возвестил словами: «Знайте, чада моя, яко уже зашло солнце земли Суздальской. Не будет больше такого князя в Русской земле».

Князь Александр Невский был сыном переяславского князя Ярослава Всеволодовича, внуком великого князя Всеволода Большое Гнездо и прямым потомком великих русских князей Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого и Святого Владимира. Его младший сын Даниил Александрович был первым московским князем и родоначальником московской ветви Рюриковичей.

(Когда перечисляешь наших русских великих князей и царей, то всякий раз невольно удивляешься этому длинному перечню весьма талантливых и блестящих личностей, которых дала Руси наша русская Монархия. Ни одна партия этого никогда не сможет сделать).

Каждая исторически значительная страна отличается от других стран не только своей территорией, климатом, населением и собственным суверенным правительством, но также и своими отличительными духовными, мировоззренческими, культурными и бытовыми характеристиками. Именно в этом заключается подлинный «плюрализм», в хорошем понимании этого слова. Да и сама демократия, склонением каковой на все лады сегодня прикрываются многие пороки, абсолютно немыслима без реальной возможности для всех стран свободно

выбирать себе свой собственный исторический и мировоззренческий профиль.

Этот исторический профиль формулируется во всех странах главным образом их выдающимися историческими лидерами. Одним из основных признаков такого «лидерства» является несомненное, очевидное и практически единодушное соборное согласие ряда поколений данного народа в безоговорочном признании своих определённых великих людей такими выразителями общей народной исторической воли. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что такое соборное согласие является высшей формой «консенсуса», «консенсуса» устойчивого, выходящего за рамки сиюминутных высказываний во время демографических опросов, консенсуса, простирающегося на многие поколения народа. Значит, это не партийный, а общенародный консенсус. Например, никто в США не сомневается в таком лидерстве Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона и Линкольна. Их высказывания и определения являются важной составной частью мировоззрения этой страны.

Национальное и государственное мировоззрение России тоже формулировалось и определялось в течение более чем тысячи лет её великими людьми и вождями: святым Владимиром, Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом, святым Александром Невским, святым Димитрием Донским, святым Сергием Радонежским. Уже в современную эпоху этот список наших исторических национальных лидеров можно дополнить такими именами, как генералиссимус князь А. В. Суворов, святой Фёдор Ушаков, адмирал П. С. Нахимов, Великий Князь Константин Константинович и так далее. Нельзя также забывать и наших многочисленных великих деятелей русской культуры и русской науки, несметно обогативших своим творчеством мировую цивилизацию.

Например, сегодняшняя наука немыслима без путеводных достижений великих русских гениев Ломоносова, Лобачевского, Циолковского и Менделеева. Также и в мировых литературе, музыке и в остальных отраслях искусства Россия имеет своих не менее достойных и не менее выдающихся представителей. При-

чём весьма знаменательно, что все они творили в общих рамках нашей великой русской культуры, в согласии с нашим русским мировоззрением.

Святой Александр Невский занимает ключевую позицию в русской истории и в русском мировоззрении. Хронологически его жизнь проходила не только на стыке двух великих периодов русской истории, когда заканчивалась её славная Новгородско-Киевская эпоха, длившаяся ровно четыре века (от основания Русского Государства в Новгороде в 862 году до смерти самого святого Великого Князя Александра Невского в 1263 году). Именно от него, через его сына Даниила, первого Князя Московского, началась та ветвь русских государей, которая снова воссоединила всю Русь, после её тогдашнего первого расчленения. Кроме того, святой Александр Невский оставил России навсегда свое духовно-политическое завещание, в основном состоящее из двух заветов, бывших для неё фундаментальными с самого начала Русского Государства: сохранение Россией своей самобытности и своей правды.

При святом Александре Невском самобытность наша оказалась одновременно подверженной двум смертельным опасностям, с Востока и с Запада. Как видно, именно тогда, уже при святом Александре Невском, наступила для нас та же самая геополитическая современность, которая продолжает угрожать нам и сегодня. Так что тогдашняя удачная политика этого нашего великого государственного деятеля является в этом отношении для нас и сегодня направляющей. Особенно это касается его категорического отказа от нашего духовного самоубийства перед Западом с ошибочной надеждой обеспечить себе этим лучшие позиции в глобальной перспективе.

При этом нельзя не отметить мудрую, но малоизвестную реакцию св. Александра Невского на другую тогдашнюю опасность, с Востока. Это была опасность самоубийства физического. Александр Невский был не только талантливым полководцем, в двадцатилетнем возрасте добившимся блестящей победы над опытными и матёрыми западноевропейскими рыцарями, но и дальновидным

политиком и дипломатом. Он лично сыграл немалую роль в достижении автономии Золотой Орды, тогда поработившей Русь, от монгольского центра татарской империи. Со временем Золотая Орда, уже ставшая тюркским (главным образом половецким) государством, но с династией монгольского происхождения, распалась на ряд автономных тюркских ханств (сохранявших монгольское наименование «татар»), каковые затем поэтапно вошли в состав Всероссийской Империи.

Идея русской правды присутствовала неизменно в Русском Государстве с самого его основания. Сегодня в русском языке понятие «правды» зачастую приравнивается к понятию «истины». Однако это понятие истины, в свою очередь, тесно связано с понятиями права и закона. Например, греческий термин «dikaiosyne», соответствующий латинскому «justitia», в четвертой евангельской заповеди блаженства переводится как «правда». (Это слово встречается в Новом Завете более восьмидесяти раз).

Поэтому «русская правда» – это скорее «русское право», чем «русская истина», что и подтверждается названием первого русского свода законов, составленного Великим Князем Киевским Ярославом Мудрым в XI веке. В свою очередь латинские слова *veritas*, *verus* и немецкое слово *Wahrheit*, обозначающие «истину», этимологически родственны русскому слову «вера», что указывает на тесную смысловую связь между этими понятиями.

Если принять во внимание, что в ветхозаветном и в христианском понимании право, в конечном итоге, восходит к Закону, данному Богом, то в обоих этих понятиях «истины» и «права» мы находим объективную и даже абсолютную основу. Абсолютный характер правды подтверждается в русском языке и в области музыки выражением «не врите» в смысле «вы взяли неправильную ноту». В данном случае истина одна, так как в музыке правильную ноту можно точно определить и выразить точным числом колебаний звука. Таким образом, «правильная нота» одна, абсолютна, то есть не относительна.

Только отклонения от этой одной определённой частоты (т.е. «враньё») могут быть множественными (плюралистичными) и относительными по отношению к ней.

Таким образом, известное и популярное изречение святого Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде!» имеет не только политический, но и гораздо более глубокий исторический и философский смысл.

Хронологически – первое упоминание о праве в нашей истории находится в описании самого учреждения нашего Государства. Летопись отмечает под 862 годом первое учредительное суверенное решение нашего народа: «Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы владел нами и судил по праву».

«Править по праву» является главной идеологией Русского традиционного государства. Известный аргентинский политолог Гарсия Вентурини обращает внимание на слова святого Александра Невского на Вече, когда новгородцы ему кричали: «Княже, мы любим тебя». Он им тогда ответил: «Я к вам прибыл не для того, чтобы вы меня любили, а для того, чтобы я вами правил».

Русские князья и цари не занимались демагогией (и не нуждались в ней), а служили России. Поэтому на раке святого благоверного Великого Князя Александра его заслуги перечислены весьма кратко: Тщательно проходил своё служение. На Втором Общекадетском Съезде в Санкт-Петербурге в сентябре 2009 года мы, все участники этого Съезда, прикладывались к ней и могли прочесть это определение заслуг святого Александра.

В то же самое время соседние викинги утверждали: «Мы не признаём другого права, кроме права меча, у нас нет иной цели, кроме умерщвления врагов и грабежа». Им отвечал первый русский новгородский епископ Лука: «Имейте любовь ко всякому человеку... Люби правду и за правду, за Божий закон, будь готов умереть». (При епископе Луке строилась новгородская Святая София, как завершение трёх-сегментной духовно-геополитической оси Константинополя, Киева и Новгорода, с единственными храмами, посвящёнными Премудрости Божией).

Наш народ всегда сознавал жизненную необходимость правды и права. Это сознание проходит красной нитью через всю нашу историю и связывает собой легитимную власть с народом. Именно отсутствие этого нашего высшего принципа у временщиков, самозванцев и воров всегда обличало их власть как нелегитимную.

Уже киевляне говорили князю Игорю: «Аще кому будет из нас обида, то ты прави». Его правнук Великий Князь Киевский Ярослав Мудрый составляет «Русскую правду», первый Свод русских законов. Летописец видит высший беспорядок в том, что во время болезни сына Ярослава Мудрого Князя Всеволода «людям не доходит и княжей правды». Сын Всеволода Великий Князь Владимир Мономах в своём Завещании указывает своим детям-воинам: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю... Всего же более, убогих не забывайте, но, насколько можете по силам, кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека... Ни невинного, ни преступного не убивайте, ни велите убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души». Летописец говорит про Владимира Мономаха: «Милости вже б्याше паче меры, поминая слово Господне».

Легитимный носитель Верховной Власти в России должен быть Удерживающим от беззакония, «устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земли», как говорит митрополит Никифор в своём послании Владимиру Мономаху.

Легитимность власти оправдывается, во-первых, её неузурпаторским (сиречь нереволуционным) происхождением (при своей смерти отец Владимира Мономаха Князь Всеволод говорит сыну: «Аще ты подасть Бог прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильем») и, во-вторых, своим полным подчинением тем целям, которые весь русский народ соборно считает для себя высшими. Всё это и было резюмировано свя-

тым Александром Невским семью словами: «Не в силе Бог, а в правде!».

Однако сегодня этот наш девиз приобретает ещё одну весьма важную, доселе мало замечавшуюся проекцию. Ведь это сегодня, как и тогда, как и всегда, подлинная альтернатива по отношению к другой, выше отмеченной программе, выраженной словами: «Мы не признаём другого права, кроме права меча!».

Согласно этому нашему девизу, только право и правда являются подлинной альтернативой для меча. Вернее, меч вообще только и допустим и оправдан, если он служит инструментом права. Сегодня весь мир жадно жаждет такой альтернативы права и правды. Другой альтернативы у мира нет, тем более после позорного провала всех космополитических идеологий, пытавшихся подменить своими мифами коренные нравственные принципы человечества, в том числе и права.

Весь мир сегодня знает, иногда подспудно, а зачастую и сознательно, что только Россия, если она вернётся на свой собственный правильный путь, может быть глобальным катализатором такой альтернативы правды, истины, права и справедливости. «Якоже чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благодетели и правде и истине». (Еф. 5, 8-9).

Кроме того, именно сегодня одновременное требование истины и справедливости стало особенно актуальным после систематических злодеяний разных человеконенавистнических диктатур XX века. В Латинской Америке все левые течения, включая даже и коммунистов, давно выдвинули требование: «Verdad y Justicia» (истина и справедливость). Ведь после многих злодеяний сегодня уже невозможно судить всех виновных, но необходимо хотя бы, чтобы истина об этих злодеяниях была недвусмысленно установлена. В этом заключается минимальная справедливость, от которой никто не имеет права отрёкаться.

Сегодня часто поднимается и вопрос о необходимости объединений, в том числе кадет, суворовцев и нахимовцев. Однако подлинное объединение, как и подлинная свобода, возможно только лишь в истине и правде, или, как говорят по-испански сегодня в Латин-

ской Америке: «enverdad y justicia». «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». (От Иоанна, 8, 32). Объединение требует также и устранения разъединяющей символики, ибо оно возможно только лишь под объединяющей символикой наших общих предков. В рамках именно таких всеобщих надежд на конечное торжество истины и правды и с целью их подтверждения немногие ещё живые русские зарубежные кадеты и выдвинули сегодня снова этот наш общий старый непобедимый русский девиз: «Не в силе Бог, а в правде!»

Кадетский Президиум Русских зарубежных кадет установил девизом XIX Кадетского Съезда русских зарубежных кадет, состоявшегося в сентябре 2007 года в Москве, это изречение святого благоверного Великого Князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде!». Так гласило и первое изречение на арках храмового свода в Первом Русском Великого Князя Константина Константиновича кадетском корпусе, в Белой Церкви, в Югославии. День святого Александра Невского 6 декабря по новому стилю был корпусным Праздником этого корпуса.

Это изречение стало девизом всех последующих кадетских съездов. Четвёртый Общекадетский Съезд, состоявшийся в Хабаровске в 2014 году, который я имел честь открыть, тоже имел своим девизом эти слова святого Александра Невского. В этом отношении, кадеты, суворовцы и нахимовцы сегодня стали в авангард русской мысли.

КАДЕТСКОЕ ПИСЬМО № 124. Буэнос Айрес, май 2020 года. XXVII год издания. Бюллетень русских кадет в эмиграции. Основан в 1955 году А.Г.Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса, в эмиграции. Не издавался с 1961 г. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник обязательна. Издатель и редактор: И.Н.Андрушкевич, кадет I Р.К.К. Корректор: О.Н.Жерехова. Почтовый адрес: Igor Andruskiewitsch. Calle Entre Rios 2628. 1653, Villa Ballester. Argentina. Эл. адрес: kadetpismo@hotmail.com Кад. нумерация на блоге: <http://i7andruskiewitsch.blogspot.com.ar>

ПУТИ И РАСПУТЬЯ РУСИ

*Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших
и рассмотрите, и расспросите о путях древних,
где путь добрый, и идите по нему.
(Иерем. 6,16)*

*Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды.
Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла.
(Притч. 4, 26-27)*

Достижение политического единства на всей территории Руси шло двумя путями: через единство Русской Церкви и через единство Рюрикова рода. «Церковь создала единство Русской Земли», сказал Хомяков. Это произошло прежде всего в форме внешней: церковная иерархия объединяла Русскую Землю, независимо от политического её раздробления и вопреки ему. «Что бы ни делалось на Руси, она оставалась Россией – единым и неделимым митрополичьим округом Константинопольского патриархата». (Проф. К.И.Зайцев, впоследствии архимандрит Константин. «Киевская Русь». Шанхай, 1949, стр. 186). Одновременно члены Рюрикова рода олицетворяли верховную государственную власть на всей русской территории. Увеличивающееся число этого единственного рода функционально обхватило вширь и вглубь все земли и города нового государства и через своё перемещение с одного места на другое являло собой его единство.

Но на путях объединения Руси вскоре выступили первые противоречия. В единстве, через множество, княжеского рода заключалось и некоторое противоречие, усугублённое противоречием между славянским и половецким родовыми правами. Так, молодое государство вступило на своё первое распутье – княжескую междоусобицу. Единство, достигнутое на много веков раньше, чем единство других европейских наций, было поставлено под страшную угрозу, так ясно обличённую Русской Церковью и лучшими русскими людьми

(например, в Летописи и в «Слове о полку Игореве»).

Эта междоусобица, хотя и была обличена, не была своевременно преодолена как исторический вызов, что, в свою очередь, привело к невозможности удачного исторического ответа на новый вызов: нашествие татар. Катастрофически неудачный ответ на этот очередной вызов поставил Россию перед двумя новыми распутьями, каждое из которых вело к окончательной гибели: самоубийство через дальнейшее отчаянное безнадёжное сопротивление или самоубийство через полную капитуляцию. От вступления на эти два распутья Россию спас святой великий князь Александр Невский. Спас он Россию также и от третьего губительного распутья: западнического пленения, через онемечивание и латинизацию. Именно поэтому святой Александр Невский – самый популярный русский великий князь, наряду со святым Владимиром. Его младший сын Даниил Александрович стал первым московским князем и родоначальником московских великих князей и царей.

При внуке святого Александра Невского, Иване Даниловиче Калите, начинается кропотливая эпопея «собирания земли русской» Москвой. Недостаточно обращается внимание на историческую роль в этой эпопее Русской Церкви. Три святителя, три главы Русской Церкви – волинец Пётр, грек Феогност и москвич Алексей – окончательно закрепляют и утверждают официальный перенос

столицы русского государства в Москву. Государственный центр тяжести, уже раз перемещённый с севера на юг, из Новгорода в Киев, ещё раз перемещается, на этот раз на восток, в Москву. На путях этого нового объединения земли русской и разрешается проблема татарского ига. Духовный подъём, необходимый для этого, опять же стимулируется Церковью: без святого Сергия Радонежского немыслима Куликовская битва, начало конца татарского ига. Но на этих же путях ожидают Россию искушения новых распутий. Титанические усилия для освобождения через объединение заставляют Московскую Русь замкнуться и концентрироваться в самой себе. Это усугубляет отрыв от вселенскости, вызванный татарским пленением. К тому же Запад, оторванный расколом от Восточных Православных Церквей, занимается блокадой России и лелеет снова – и не в последний раз – мечты об её разделении. Этот новый вызов, выражаемый в изоляции от остального мира, ведёт к попыткам его преодоления, в свою очередь оказавшим влияние на вступление на новые распутия.

Тем временем Россия совершенствует свой политический строй. Прежнее городское самоуправление расширяется практически на всю землю и становится независимым от городского вечевоего строя. На место этого строя, ставящего местные интересы выше общеземских, вырабатывается новый земский строй. Земские соборы, или «советы всея земли», становятся политической формой, соединяющей в себе и монархическое единоначалие, и общеземскую соборность. Земский собор объемлет и верховную власть (царя), и власть управительную (Боярскую думу с приказами), и власть совещательную (выборных от земли), и власть духовную (патриарха с освящённым собором). Нет разделения на исполнительную, законодательную и судебную власти, но есть разделение между верховной, управительной и духовной властями. Духовная власть отделена от других властей, она не стоит ни над, ни под ними, но находится в симфонии с ними. Однако в катастрофические или исключительные моменты она может временно исполнять также и функцию местоблюстителя отсутствующей

верховой власти: в отсутствие царя глава Русской церкви возглавляет «Совет всея земли», который должен состоять из властей управительных, как военных, так и гражданских, и – хотя бы частично – из представителей от земли.

Именно такая политическая структура и спасла Россию от окончательного вступления на гибельные распутия, когда прекратился московский царский род Александровичей из Рюриковичей. В моменты отсутствия легитимной верховной власти в смутное время не самозванство восстановило самодержавие России, а «соборное самосознание» (Карташев), выраженное юридически через соборную земскую структуру.

Московская ветвь Рюриковичей, имеющая своим родоначальником святого Александра Невского, не только сумела преодолеть прежнюю междоусобицу, возвращаясь к славянскому родовому праву, но и достигнуть снова полной независимости для страны. Достигнутое таким образом самодержавие было возвеличено и благоуукрашено выходом на великий вселенский путь православного царства. Русский царь наследует титулы, символы и функции православных римских и византийских царей, начиная со святых Константина и Елены, что признаётся Константинопольским патриархом. Как Помазанник Божий он наследует духовно также и ветхозаветных Помазанников Божиих, начиная с Царя Давида, и становится также верховным покровителем и защитником всех православных христиан в мире, а в случае необходимости преодоления расколов в христианстве и созывов вселенского собора также и своего рода нотариусом всей вселенской церкви. Именно это достоинство и эти перспективы навели на русскую верховную власть смертельную вражду всех врагов Христа и их сознательных и несознательных слуг. Эта вражда и привела к мученической смерти русской царской семьи в 1918 году и к последующему «всесожжению» (голокаусту) «лучшей трети русского народа», по словам Солоухина. Однако она же и подтвердила исключительный характер русской царской власти: русский царь был умучен как

Помазанник Божий. Сами убийцы это подтвердили. Врата адовы никогда не смогут одолеть полностью Церкви Христовой, но смогли временно одолеть государственную власть, просвещённую светом Христовым и призванную защищать право православных христиан жить по-православному, не мешая при этом всем другим тоже жить по-своему, в согласии с заветами Святого равноапостольного царя Константина.

К моменту усовершенствования этого политического строя в России на основании своих собственных изначальных коренных начал положение в окружающем мире изменилось. Запад перестал быть православным и дружелюбным, а место Византии заняла религиозно враждебная Турция. (Которая, между прочим, до сих пор продолжает жесточайше угнетать на подвластной ей территории православных при полном безучастии всего мира). В дальнейшем обе эти силы неоднократно соединяются против России. В этой новой обстановке восстановление прежнего положения Руси в мире уже невозможно просто потому, что уже нет прежнего окружающего мира, а на его месте развился новый мир, в то время как Русь находилась в полной изоляции под татарами. В контексте этого нового идеологического и геополитического положения Россия – пытаясь преодолеть долгую вынужденную изоляцию – совершает две трагические ошибки.

Первая из них – это церковный раскол. При попытках восстановить полностью вселенское церковное единство во второстепенных технических вопросах теряется внутреннее духовное единство в самой стране. Русская Церковь никогда не теряла единства в святости, вере и даже обрядах с остальными Восточными церквями. Незначительные разночтения и различия в обрядных деталях тогда были меньшими, чем сегодня. К счастью, сознание губительного для России значения тогдашнего раскола сегодня уже становится «соборным самосознанием». Это хорошая предпосылка для его окончательного изживания. Решительные шаги для преодоления этой трагедии были сделаны в России ещё в начале XX века,

до Катастрофы, а затем – провиденциально – и в Русской Зарубежной Церкви. Нужно при этом иметь в виду, что – как на это указывают многие детали, вскрытые историческими исследованиями, – появление у нас раскола не обошлось без провокаций извне. Необходимо понять, что ни одно отрицательное историческое событие в идейном и политическом планах не совершается без провокаций. Символически, сама история началась с провокации Змием Евы, а затем Адама Евой.

Вторая ошибка – это сильное повреждение нашего политического строя (вернее, государственного строя) в процессе реформ, начатых при Петре Великом. Сами по себе эти реформы были нужны не только для геополитического возврата России на своё место в мире, но и для научного и технического развития страны после многовекового отставания, вызванного татарским игом. На этот вызов наша страна не могла не ответить и уже начала отвечать до Петровских реформ. К сожалению, в ответ вкрались трагические противоречия. В попытках восстановления вселенскости были частично потеряны самобытность и соборность. Соборный строй был заморожен, симфония с Церковью повреждена.

Вместо дальнейшего органического развития наших государственных учреждений они были просто отставлены и заменены бюрократическими нововведениями, заимствованными с абсолютистского Запада. Вместо дополнения получилось замещение. Так, по словам Алексея Хомякова, Россия получила трансфузию чужой крови и вместе с нею и чужие болезни, от которых у нас не было выработано никакого иммунитета. Наша монархия, по словам Льва Тихомирова, была «системой учреждений». С их ликвидацией сама монархия была оголена и оставлена без защиты.

В общих рамках ослабления соборности, самобытности и справедливости произошло смешение начал русской соборной и народной монархии с западноевропейскими принципами, в том числе и с абсолютистской монархией, затем обернувшейся либерализмом. В этом процессе прививания чуждых начал наша система всеобщего служения была подменена

системой привилегий одних, без обязательного служения, но за счёт обязательного служения других. Эта система развилась в Западной Европе из совершенно иных, чем в России, предпосылок. Государственный строй России не был результатом завоевания одних племён другими, а развивался органически из собственного народа. У нас не было аристократии, выводившей свои титулы и привилегии из завоеваний, так как Россию не творили норманнские, вестготские, франкские или какие-нибудь иные завоеватели. Однако это искушение всё же было поверхностным, и оно никогда не стало «соборным самосознанием» нашего дворянства. Больше того, оно уже полнотой изживалось.

Хуже обстояло дело с внедрением в нашу русскую жизнь – и главным образом в жизнь именно аристократии – вирусов мистериального эзотеризма, в свою очередь внутренне пытавшего все без исключения политические идеологизмы, которые были брошены на разрушение нашего государства. Таким образом, очередной проблемой на путях нашей истории стала необходимость отмежевания плевел от зерна для возможности последующего синтеза всего хорошего чужого с хорошим собственным. Примером правильной постановки этой

проблемы и его правильного и удачного решения является очищение в 19-м веке русского языка от проникших в него в 18-м веке варваризмов при сохранении и русификации всех нужных иностранных элементов.

К сожалению, в области государственного строительства у нас не оказалось такого блестящего ряда гениальных творцов, как в области литературной. В политике нам не хватило Пушкина. (Вот почему сегодня начинается кампания хрюканья против Пушкина: очень уж опасный пример). Но это не значит, что их вообще не было: когда они появлялись, их систематически или травили, или замалчивали, или просто убивали. Как императора Александра Второго и Столыпина. Вина нашего общества в том, что оно не сумело этого предотвратить. Как и всегда, неразрешённая задача привела к новым тупикам и к новым трагедиям. Правильный выход из создавшегося положения возможен только лишь в согласии с общим главным направлением всего нашего исторического пути, без повторения прошлых заблуждений и блужданий.

*Передовица буэнос-айресской газеты
«Наша Страна», № 1862,
от 5 апреля 1986 г.*

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВО

Определение русского народа по самой своей природе имеет исторический характер. Это определение не могут самовольно формулировать ни интеллигенция, ни бюрократия. В свою очередь, «вопрос о российском гражданстве» является юридическим вопросом, каковой, по своей сути, решается сам по себе, на основании фактических предпосылок.

Такое смешение понятий взято из идеологии американских государств и их конституций.

Дело в том, что становление первых государств было процессом интеграции двух начал: родового (племенного, народного, этнического) и территориального. Это подтверждается также и первоначальной политической терминологией. (Например, выражения трибунал, трибун, трибуна и т.д. ведут своё происхождение от слова «племя», «трибу»). При возникновении новых государств в Америке в них отсутствовали родовое и племенное начала, ибо их население было пришлым и международным,

так что пришлось основываться лишь на единственно имевшемся территориальном принципе. Так и возникло «юс солис» вместо европейского «юс сангвинис», то есть «право почвы» вместо «права крови». В результате получилась терминологическая замена родового национального начала началом территориальным.

Таким образом, в американских государствах понятия гражданства и национальности – идентичны. Например, в аргентинских личных документах и паспортах гражданство прямо указывается как «nacionalidad» (национальность). Причём такой подход распространяется автоматически и на иммигрантов в американские страны из остальных частей мира, где действует иное право. Известны случаи, когда члены одной и той же семьи фигурировали в их новых американских документах как принадлежащие к разным национальностям, ибо они родились в разных странах. (Например, в Русской эмиграции известны случаи, когда отец был указан русским, ибо родился в России, мать и старший сын были китайцами, ибо родились в Харбине, второй сын был филиппинцем, ибо родился на Филиппинах, а дочь была австралийкой, ибо родилась в Австралии).

Однако замена традиционного общеевропейского родового права американским новым правом почвы не повлекла за собой отмены более глубокого правового пласта, а именно юридического принципа, что ни национальность, ни гражданство не могут зависеть от надуманных идеологических или даже просто бюрократических прихотей, ибо это чревато страшной коррупцией. В правовых режимах национальность и гражданство вытекают из естественных фактических предпосылок, каковые нужно лишь уточнять. В американских странах гражданство и национальность обретаются совместно *ipso facto* на основании только лишь рождения в этих странах, независимо от происхождения. В европейских же странах национальность и гражданство обретаются *ipso facto* на основании происхождения.

Во Всероссийской Империи гражданство и национальность не совпадали в обязательном порядке, ибо это была многонациональная империя. В паспортах Государства Российского, в отличие от паспортов Российской Федерации, указывались не только гражданство, но также и национальность, вероисповедание и сословие.

Гражданство выводилось автоматически из гражданства отца, сословие подтверждалось государством, а национальность и вероисповедание указывались добровольно и самовольно самим обладателем паспорта. Современные европейские государства в своих паспортах указывают только лишь гражданство. Но само получение гражданства зависит от происхождения, раньше по мужской линии, а теперь зачастую также и по женской.

Весьма интересна в этом отношении позиция Германии. Когда в Аргентину лет двадцать пять тому назад приезжал тогдашний немецкий канцлер Гельмут Коль, он заявил, что в Аргентине живёт более полумиллиона потомков немецких переселенцев, из которых около ста тысяч обладают немецким гражданством. «Они лучшие дипломатические представители Германии за границей, и при этом даровые», сказал он тогда. Затем, через несколько лет, немецкий посол пояснил, что в Аргентине на самом деле живёт около одного миллиона потомков немецких переселенцев.

Оказывается, что среди них пара сотен тысяч являются «русскими немцами». Это потомки тех граждан южных районов Германии, главным образом Швабии, подданных императрицы Марии Терезы, которые переселились в Россию во времена Екатерины Великой. Они тогда были освобождены в России от воинской повинности и от налогов сроком на сто лет. После истечения этого срока и после введения в 1874 году в России всеобщей воинской повинности некоторые группы этих немцев по национальности, но граждан Всероссийской Империи решили переселиться в Аргентину, пользуясь её новым иммиграционным законом от 1876 года. (Тогда в Аргентине ещё не было

всеобщей воинской повинности, введённой в начале 20-го века и отменённой в середине его 90-х годов). К 1910 году в Аргентине проживало около 45 000 русских немцев.

Сегодня значительная часть их потомков причисляет себя к немецкой диаспоре в Аргентине. Некоторые из них даже получили немецкие паспорта, ибо могли доказать своё немецкое этническое происхождение двухвековой давности (без учёта тогдашнего гражданства их предков, ибо Германия тогда была разделена на множество государств, как и Россия сегодня). Многие из них и по сей день называют себя «русскими немцами» или «немцами с Волги», хотя сегодня никто из них уже не говорит по-русски, и не все даже говорят по-немецки, хотя некоторые из них ещё говорят на архаическом швабском диалекте (частично напоминающем швейцарские немецкие диалекты). Я лично знал и знаю многих таких местных немцев по национальности, но аргентинцев по гражданству (ибо они родились в Аргентине). Многие из них могут получить в местном немецком посольстве немецкий паспорт, а значит, и немецкое гражданство, если смогут доказать, что происходят от предков с немецкой национальностью из любого немецкого княжества или королевства, из любого исторического периода Германии, хотя бы многовековой давности, при условии, что никто из их предков ранее никогда не отказывался от немецкого гражданства. (Американские гражданства не в счёт, ибо они приобретаются автоматически при рождении).

Значит, Германия признаёт немецкую национальность даже без немецкого гражданства, без каких-либо условий, лишь на основании немецкого происхождения. Сам факт (*ipso facto*) обладания такой немецкой национальностью даёт право на востребование немецкого гражданства. Однако в самой

Германии потомкам иностранных иммигрантов иной, не немецкой национальности Германия даёт гражданство только при двух условиях: кажется, минимально два поколения (сам претендент и его отец) должны быть рождёнными в Германии, и сам претендент должен письменно отказаться от своего унаследованного предыдущего гражданства перед соответствующим посольством в Германии. Так, сегодня в Германии понемногу появляются турецкие немцы, то есть внуки (а иногда и дети) переселенцев турецкой национальности из Турции. Они сами и их родители родились уже в Германии, и они отказались от турецкого гражданства, на что имеют письменное подтверждение от турецкого посольства. Значит, Германия признаёт двойное гражданство немцев по происхождению, но не признаёт двойного гражданства иммигрантов в Германию.

Италия придерживается приблизительно таких же правовых норм, но с одним ограничением. Италия считает, что итальянское происхождение сегодняшних граждан американских государств даёт им право на получение итальянского гражданства только в том случае, если их первый предок на американской земле не отказался от итальянского гражданства для получения американского. Конечно, его дети, родившиеся уже в Америке, автоматически становились гражданами американской страны в момент их рождения, но это не лишало их самих и их потомков права на итальянское гражданство, если их родоначальник от него не отказался, ибо факт места рождения для Италии не является фактом выбора гражданства. Если же итальянский предок, ещё родившийся в Италии, добровольно принял новое гражданство в американской стране, его потомки не имеют права претендовать на получение итальянского гражданства, от которого отказался их предок.

Михаил Болтунов
 Главный редактор журнала
 «Ориентир» Министерства
 обороны России, полковник,
 военный журналист. Член
 Союза журналистов, член Союза
 писателей. Член Международной
 ассоциации писателей
 баталистов и маринистов.

ФЕНОМЕН ГЕНЕРАЛА ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Из истории спецслужбы

Николай Михайлович Пржевальский – всемирно известный путешественник и натуралист. В Советском Союзе его знал каждый школьник. Впрочем, слава и любовь народа к нему вполне заслуженна.

30 000 километров прошёл он во время своих путешествий. 20 000 из них нанёс на карту впервые. Николай Михайлович исследовал Западный Китай, Джунгарию, Кашгарию, пустыню Гоби, Тянь-Шань; открыл высочайшие хребты Риттера, Гумбольдта, Бурхан-Будда, Колумба; описал течение и верховья рек Хуанхэ, Янцзы, Тарима; представил миру новых животных – дикого верблюда, тибетского медведя, лошадь, названную в его честь; собрал ценнейшие зоологические и ботанические коллекции.

Научные исследования Пржевальского быстро получили мировую известность и были изданы как в России, так и во многих странах.

Его труд отмечен многочисленными почётными наградами и званиями крупнейших мировых географических обществ, академий наук и университетов.

В память о великом учёном установлены памятники. Именем Пржевальского названы горный массив в Приморском крае, ледник на Алтае, улицы в Москве, Минске, Смоленске и других городах.

Да, воистину Николай Михайлович Пржевальский был великим географом, ботаником, зоологом, этнографом. Но прежде всего он являлся офицером Генерального штаба, а точнее, сотрудником военной разведки. Это как раз тот самый уникальный случай, когда разведчик стал всемирно известен благодаря своему «крышевому» прикрытию, а его разведческая деятельность осталась в тени, в секрете. Что, собственно, и должно случиться в идеале. О чём мечтает, к чему стремится каждый разведчик. Только вот добиться подобного уда-

ётся немногим. Ибо тут надо стать виртуозом как в разведке, так и в «крышевом» деле, освоить профессию прикрытия, как свою родную, и убедить в этом окружающих, и в первую очередь врагов, противников.

В последние десятилетия, когда была приоткрыта завеса секретности, некоторые авторы попытались осмыслить деятельность Пржевальского как представителя российского разведсообщества. Возбудились даже некоторые заокеанские исследователи. Трудно сказать, чем им не угодил Николай Михайлович, но некто Дэвид Схиммельпенник из далёкого Йельского университета в США сетует, что «идеологии британской, французской и немецкой экспансии в Африке после 1880 года уделялось много внимания, а вот взгляды царской России на «схватку за Азию» исследовались мало». Видимо, йельский страдалец за нашу историю решил восполнить этот пробел и крепко взялся за Пржевальского.

Статья вброшена в Интернет, и каждый желающий может с ней ознакомиться. Так вот Схиммельпенник обязался «подробно рассмотреть роль (Пржевальского), как офи-

цера, активно участвующего в военной разведке Центральной Азии».

Скажу сразу, подробно рассмотреть роль Пржевальского ему не удалось. А что же удалось? Собственно, то, ради чего и задумывалась эта статья. Заокеанский исследователь открывает нам глаза: «Пржевальский был откровенным «ястребом». В этой связи возникает закономерный вопрос: а кем должен быть офицер Генерального штаба? «Голубем мира»? Горе той державе, в Генштабе которой будут служить такие «голубки».

Всю жизнь с юности провёл он в армии, и другим быть не мог. В 16 лет, окончив Смоленскую гимназию, Николай поступил на военную службу. Его определили унтер-офицером в Рязанский пехотный полк. Будучи мальчиком мечтательным, романтичным, читая о героических защитниках Севастополя, он мечтал о подвигах, о славе. Однако гарнизонная служба оказалась совсем иной: муштра на плацу, стрельба на полигоне, караульные наряды, а вечером – картёжные баталии. А молодой унтер больше любил одиночество, охоту. Побродить с ружьём в окрестных лесах, вот отрада.

Тем не менее служебную лямку он тянул исправно. Став прапорщиком, получил назначение в Полоцкий пехотный полк. К тому времени его всё больше увлекало изучение природы. В свободное от службы время Николай пристрастился к чтению. Его интересовали книги по географии, зоологии, ботанике.

Тогда же Пржевальский остро почувствовал нехватку знаний. В Смоленской гимназии учился отлично, был в числе первых учеников, да вот мало что вынес оттуда. Позже в своей автобиографии Николай Михайлович напишет, что «значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже при сильном желании, изучить что-либо положительно. Подбор учителей, за немногими исключениями, был невозможный, они пьяные приходили в класс, бранились с учениками, позволяли таскать их за волосы».

С годами гарнизонной службы приходило желание изменить свою унылую и одно-

образную жизнь. Он подаёт рапорт о переводе к новому месту службы, на Амур, поближе к неизведанным краям. Уже тогда Пржевальский мечтает о путешествиях.

Однако вместо понимания от полкового начальства он получает взыскание – трое суток ареста. Но это не останавливает молодого офицера. Пржевальский основательно готовится и успешно поступает в Академию Генерального штаба. Там он пишет и публикует своё первое литературное произведение: «Воспоминания охотника». Но это, как говорится, только разминка пера. Наряду с сугубо военными предметами его увлекают история, естествознание, география. Николай Михайлович представляет сочинение «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Оно представлено в Русское географическое общество, встречено весьма доброжелательно и заинтересованно, и слушатель академии избирается действительным членом этого уважаемого общества.

Однако не забудем, увлечения увлечениями, но Пржевальский человек военный, офицер, и после окончания академии он отправляется не в путешествие, а на подавление польского восстания. Кстати говоря, отправляется добровольно, как и большинство его товарищей по академии.

По сути, это был первый боевой опыт Николая Михайловича. Впоследствии в ходе экспедиций ему не раз придётся братья за оружие: участвовать в разгроме «манзовских» банд, отражать нападение разбойников на отряд.

Позже в своих воспоминаниях о таких боях Пржевальский будет вспоминать: «Словно туча, неслась на нас эта орда (300 всадников-тангутов. – М.Б.) дикая, кровавая... А впереди своего бивуака, молча с прицеленными винтовками, стояла наша маленькая кучка – 14 человек, для которых теперь не было иного исхода, как смерть или победа».

Так что тот первый боевой опыт очень пригодился Пржевальскому в будущем.

После подавления польского восстания Николая Михайловича назначают препода-

вателем военной географии в Варшавское юнкерское училище. Надо признать, что его лекции пользовались большим успехом.

Однако Пржевальский не оставляет своей мечты – отправиться в первое путешествие. Он пишет рапорт с просьбой перевести его в Сибирь и, наконец, добивается своего.

По пути к новому месту службы он заезжает в Петербург, обращается с просьбой организовать экспедицию в Среднюю Азию. Однако получает отказ. Потом известный путешественник П. Семёнов-Тян-Шанский объяснит это тем, что «Пржевальский был в научном мире ещё малоизвестной величиной, и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию Совет общества не решился».

Не видит пока в Пржевальском достойной кандидатуры и военная разведка.

Но это не смущает Николая Михайловича. Уже через несколько месяцев, весной 1867 года он отправляется в своё первое путешествие на реку Уссури. Оно стало «пробой сил», как считал сам Пржевальский.

Несмотря на боевые действия, направленные против хунгузских бандитов, молодой офицер и его помощники сумели выполнить большой объём разведывательной работы – они достигли краёв, куда ещё не ступала нога европейца, и по свидетельству того же Схиммельпеннинка, «нанесли на карту область размером больше Британии».

По результатам экспедиции Пржевальский от родного военного ведомства заслуженно получил чин штабс-капитана, а от Географического общества – серебряную медаль.

В 1870 году Николай Михайлович организует свою первую так называемую центрально-азиатскую экспедицию в Монголию. На этот раз и военное ведомство, которое возглавляет известный реформатор Д. Милютин, и Императорское Географическое общество горячо поддерживают стремление путешественника. А в чём же, собственно, дело? Да в том, что государство Российское крайне нуждается в разведсведе-

ниях. Петербург интересуется, что происходит на обширных территориях вблизи его азиатских границ. Ведь Россия и Англия вели, по определению Киплинга, «Большую Игру» и соперничали друг с другом. И соперничество это распространялось между русскими владениями на севере и британской Индией на юге, разумеется, включающие территории Монголии и Тибета.

По некоторым данным, в Синьцзяне продолжалось восстание. Китайцы были вынуждены покинуть эти земли, а местные племена вели войну друг с другом. Северный сосед с тревогой следил за событиями в Синьцзяне. В начале 1871 года в столице Российской империи было принято решение: для охраны и обороны русских торговых интересов ввести в Монголию воинские части. Подавалось это, разумеется, как помощь китайскому населению в Илийском крае. Однако, чтобы двинуть войска в незнакомую неиз-

ученную местность, нужны разведывательные данные. А Центральная Азия, включающая Синьцзян, Монголию и Тибет, по словам одного из современников Пржевальского, «была областью, о которой известно меньше, чем о чёрной Африке».

Важно в этой связи отметить и ещё одно обстоятельство, которое способствовало поддержке экспедиции Пржевальского на самом высоком государственном уровне. «Переварив» уроки Крымской войны, передовые военные умы России проявляли большой интерес к применению передовых методов ведения войны. Главным «закоперщиком» в этом деле был профессор Николаевской академии Дмитрий Милютин. Возглавив военное министерство и став генератором реформ Александра II, он твёрдо добивался от генералов и офицеров армии и флота осознания важности военной географии и военной статистики. «...Чтобы

успешно вести войну, – подчёркивал он в своей работе “Критическое исследование военной географии и военной статистики”, – у нас должны быть фундаментальные сведения о том, где мы будем бороться, с информацией о средствах, и другая статистика, касающаяся этого региона, а также то, что касается материальных и моральных ресурсов воюющих сторон».

Вот, собственно, ясная и чёткая задача для экспедиции Пржевальского. В соответствии с ней и работал Николай Михайлович.

За два года вместе со своими помощниками и сопровождающими их казаками он прошёл путь от Пекина, через Монголию, достиг северного Тибета и возвратился в Иркутск. За спиной у него осталось более 11 тысяч километров пути. Конечно же, он собрал богатый урожай географических открытий, а Петербургская академия наук пополнилась шкурами животных, птиц, образцов различных растений, насекомых.

А что же Генеральный штаб? Он получил ответы на многие вопросы. Например, сведения о восстании и междоусобной борьбе в Синьцзяне. Были также добыты разведанные о флоре и фауне изучаемого райо-

на, о климатических условиях, состоянии водных и горных преград, изучены пути сообщения с точки зрения их пригодности для передвижения пеших и конных войск, перемещения воинских грузов.

Некоторые исследователи деятельности Пржевальского считают, что именно Николай Михайлович создал так называемую «активную разведку», которая не ждёт поступления информации, а ищет её сама. Иные отводят Пржевальскому более скромную роль, утверждая, что он является родоначальником её географической составляющей. Нет сомнения в том, что Николай Михайлович вёл «активную» оперативную разведку, важной стороной которой являлся географический аспект, однако, на мой взгляд, этот вид разведдеятельности родился значительно раньше Пржевальского. И его родоначальника в историческом плане установить крайне трудно. Да, долгое время превалировала «пассивная» форма разведки, когда сведения нередко попадали в руки случайных людей – купцов, дипломатических представителей, чиновников различного ранга. Они доставлялись в столицу, в армейские штабы медленно, порою потеряв свою разведценность.

Однако надо признать и другое: в наиболее сложные, напряжённые периоды, когда развединформация была крайне необходима, в различные земли, в том числе и в весьма отдалённые, разведчики засылались с конкретными заданиями. И они вели такую же «активную» разведку, кстати говоря, обязательно сопровождая её географическими и топографическими данными.

Конечно же, Пржевальский был талантливейшим учёным и отличался от других высочайшим качеством своих исследований и научными результатами экспедиций. Кроме того, Николай Михайлович обладал несомненным литературным даром. Каждое его путешествие завершалось выходом в свет увлекательных сочинений, таких как «Монголия и страна тангутов», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор», а также многочисленных статей в журналах. Они сразу же получали большую популярность, а лекциям Пржевальского, выражаясь современным языком, всегда был обеспечен аншлаг.

Активной и профессиональной работой своего офицера был доволен и Генеральный штаб. Ещё бы, разведчик, отличающийся высокими профессиональными качествами, всегда находился в боевой готовности, и готов был выполнить любое самое сложное разведзадание. К тому же Николай Михайлович не ждал приказаний, он сам, оценивая геополитическую обстановку, предлагал план будущих экспедиций.

В начале 1876 года Пржевальский представил в Русское географическое общество свои новые предложения. Он желал заняться исследованием Восточного Тянь-Шаня, добраться до Лхасы. Заманчивое и очень смелое решение! Сколько поколений европейских географов мечтало достичь этих земель, обследовать загадочное озеро Лоб-Нор.

В Генеральном штабе к тому времени уже находилась докладная записка Пржевальского. Его беспокоила английская экспансия в регионе. В армии правителя Джеты-Шаара Якуб-бека появились некие английские «волонтёры», оружие британ-

ского производства. Всё это не могло не беспокоить Петербург.

Кстати говоря, с Якуб-беком встречался в период своего путешествия не один Пржевальский. Туда же выезжал и будущий начальник Николая Михайловича Алексей Куропаткин. Этот факт доказывает заинтересованность России в налаживании отношений с «Кашгарским царём».

Пржевальский дал невысокую оценку Якуб-беку. Он называл его «политическим проходимцем» и «разбойником».

В 1878 году состоялась экспедиция Пржевальского в Тибет. Заведующий Азиатским отделом Куропаткин, который вместе с Николаем Михайловичем занимался организацией путешествия, докладывал императору о том, что помимо научных изысканий предполагается провести разведку политического строя Тибета, его отношений к соседям и возможности завязать отношения с Далай-Ламой.

К сожалению, встретиться Пржевальскому с Далай-Ламой не удалось, но необходимую развединформацию он собрал. По итогам этой экспедиции Николай Михайлович был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени, а годом раньше за отличия в службе его произвели в полковники.

А дальше будет четвёртая центрально-азиатская (вторая Тибетская) экспедиция. В 1883 году полковник Пржевальский с отрядом в два десятка человек выйдет из Кяхты и двинется через Угру на Тибетское плоскогорье, исследует истоки Жёлтой реки, оттуда через Цайдамк Лоб-Нору, в город Каракол. Николай Михайлович возвратился в Россию с ценными научными и разведывательными материалами.

Уже тогда, при жизни путешественника, стал понятен и осознан его огромный вклад в военную составляющую нашей страны. На основании его наблюдений и исследований были разработаны военные карты азиатских территорий, проложены оптимальные маршруты для перемещения войск через горные перевалы, отписано географическое, климатическое, этнографическое сопровождение этих

маршрутов. Данные, представленные Пржевальским, оказались столь основательными и профессиональными, что картами, разработанными на их основе, пользовались вплоть до середины XX века.

Заслуги Пржевальского были оценены по достоинству – ему присвоили высокое звание генерал-майора Генерального штаба.

Скончался легендарный разведчик и путешественник в экспедиции в 1888 году. Похоронен на берегу озера Иссык-Куль, что недалеко от города Каракол.

*Разведка «под крышей».
Из истории спецслужбы
Болтунов Михаил Ефимович*

ГЕНИЙ РАЗВЕДКИ, ОКАЗАВШИЙСЯ НЕНУЖНЫМ РОДИНЕ

Назвать лучшего советского разведчика невозможно. Но все исследователи в тройку лучших всегда включают Дмитрия Быстролётова. До сих пор сведения, добытые им ещё в 30-х годах, составляют государственную тайну и носят высшую степень секретности. В Международном музее разведки (Вашингтон, США) Быстролётову выделен отдельный стенд. Чем же так прославился советский разведчик, Быстролётов Дмитрий Александрович?

В один из дней 1966 года в Ленинграде, в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, появился мужчина лет шестидесяти с очень выразительным, скульптурным лицом. Про-

фессорская борода придавала ему сходство с академиком Игорем Курчатовым. Классически строгие черты лица удивительным образом сочетались с молодыми, внимательно-пронзительными и очень умными голубыми глазами, в зрачках которых были сконцентрированы воля и мысль. Посетитель держался подчеркнуто прямо, однако не скованно, а обыкновенный костюм из магазина готового платья смотрелся на нём как роскошный смокинг.

Говорил мужчина неторопливо, негромко, тщательно выбирая выражения, с едва уловимым акцентом, который придавал его правильной речи старого русского интеллигента особую выразительность. Временами на мужественном лице появлялась мимолётная мягкая улыбка.

В библиотеку он пришёл не для того, чтобы ознакомиться с чьими-то рукописями. Наоборот, предложил принять на бессрочное хранение пять тысяч машинописных страниц – историю его жизни, названную им романом «О жестоком, трудном и великолепном времени». Экспертная комиссия после прочтения рукописи приняла единодушное решение поместить её в спецхран.

В 1975 году автор рукописи скончался, и, наверное, никто так и не узнал бы ни о нём, ни о его романе, если бы в 1988 году, в самый разгар всем памятной перестройки, из спецхрана на свет Божий не были извлечены 16 книг, переплетённых в разноцветный лидерин. В чёрных книгах речь шла о жизни мемуариста в России и СССР, в зелёных – о его странствиях по Африке, Европе и Америке, в красных – о деятельности в 20-30-е годы во многих странах мира специальной группы советских разведчиков-нелегалов.

Вскоре отрывки из многотомной рукописи впервые были опубликованы в двух советских журналах и сразу же привлекли внимание читающей публики, хотя, казалось, её, привыкшую за время перестройки ко всякого рода «сенсациям» и «разоблачениям», уже ничто не могло удивить. Такой успех не был случайностью, ведь читатель получил не романчик про шпионов, написанный очередным борзописцем, – перед ним во всей своей осязаемой реальности вставала жизнь умного, разносторонне талантливого и бесстрашного человека, демонстрировавшего во всех сложнейших и опаснейших ситуациях стальную волю, поразительную выдержку и стойкость.

Так впервые большому числу людей в нашей стране стали известны некоторые факты из жизни и деятельности выдающегося разведчика-нелегала Дмитрия Александровича Быстролётова – человека поистине необыкновенной и одновременно трагической судьбы.

ГРАФ НА ПЯТЬ ДНЕЙ

Дмитрий Быстролётов родился 4 января 1901 года в Крыму, в местечке Ачкара. Он был незаконным сыном ответственного чиновника Министерства государственного имущества Российской империи графа Александра Николаевича Толстого, прямого потомка знаменитого соратника императора Петра Первого. (Официально графом Дмитрий Быстролётов стал лишь 2 ноября 1917 года – за пять дней до Октябрьской революции, вскоре после которой все титулы на территории России были отменены специальным декретом Совета Народных Комиссаров).

Так получилось, что отца и мать – учительницу Клавдию Дмитриевну Быстролётову – Дмитрий в детстве видел редко. С 1904 по 1914 год он проживал в Санкт-Петербурге у хороших знакомых отца – в аристократической семье графини де Корваль, где и получил блестящее домашнее образование и воспитание.

В 1915-1917 годах Дмитрий Быстролётов обучался в Севастопольском морском кадет-

ском корпусе, в составе Второго флотского экипажа Черноморского флота принимал участие в десантных операциях против Турции. В 1918 году он поступил одновременно в выпускные классы Анапской гимназии и Анапской мореходной школы, но вскоре помимо своей воли был зачислен вольноопределяющимся матросом во флот белой Добровольческой армии: плавал на судах «Рион» и «Константин», на последнем в 1919 году был вывезен в Турцию.

За рубежом Дмитрий служил матросом на судах различных пароходных компаний. В 1920 году он вернулся в Россию, а в 1921-м Быстролётов нелегально покинул Россию и вновь очутился в Турции. С отличием окончил выпускной класс колледжа для европейцев-христиан в Константинополе, откуда направился для продолжения обучения в Чехословакию.

Такие жизненные метания молодого человека в то крайне неустойчивое и смутное время были в порядке вещей. Как и многие люди, не желавшие быть ни красными, ни белыми, оказавшиеся меж двух огней, Дмитрий Быстролётов пытался найти своё место в жизни.

СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

В 1923 году Дмитрий, находясь в Чехословакии, где он обучался на русском факультете Пражского университета, принимает советское гражданство, поскольку не желает быть вне Родины. Вскоре после этого события он начинает работать в Союзе студентов – граждан СССР, где быстро проявляет свои интеллектуальные способности и организаторские качества.

Через некоторое время легальный резидент советской разведки в Чехословакии предлагает Быстролётову выполнить несколько поручений, связанных с технической и экономической разведкой. Тот отлично с ними справляется. Необходимо отметить, что Дмитрий Александрович никогда не работал против русской эмиграции и белого монархического движения, так как был хорошо известен в этих кругах и никогда не скрывал своих взглядов.

В апреле 1925 года Дмитрий Быстролётов приезжает в Москву на I Всесоюзную конференцию пролетарского студенчества, где выступает с приветственным словом от имени Союза студентов – граждан СССР. Именно в эти дни и произошло событие, определившее всю его дальнейшую судьбу, – обстоятельная беседа с одним из руководителей советской контрразведки Артуром Христиановичем Артузовым.

Артузов убедил Быстролётова в том, что в условиях назревающей войны и набирающего силу фашизма его святая обязанность – помочь Родине. Так, не будучи коммунистом, имея свой особый взгляд на Октябрь 1917 года, Дмитрий Александрович стал сотрудником советской внешней разведки, в рядах которой прослужил 13 лет.

ОХОТНИК ЗА ШИФРАМИ

По возвращении в Прагу Быстролётов был принят на работу в советское торгпредство в Чехословакии, где за пять лет прошёл путь от регистратора до заведующего информационным отделом. Вёл экономическую работу, писал статьи для чехословацких и советских специальных изданий, редактировал и издавал официальный бюллетень торгпредства.

Работа в торгпредстве стала легальным прикрытием для его основной деятельности – технической, экономической и политической разведки. Так, в 1927 году Быстролётов успешно осуществил «разработку» сотрудницы посольства Франции, которая имела непосредственный доступ к переписке и шифрам французского МИДа, в результате чего в 1928 году от неё были получены доклады и шифры французского посла в Чехословакии.

В 1928 году Быстролётов закончил обучение в Пражском университете и получил диплом доктора права по специальности «право и экономика мировой торговли нефтью». В феврале 1930 года он стал разведчиком-нелегалом.

Дмитрию Александровичу было поручено

возглавить специальную группу разведчиков-вербовщиков из шести человек, перед которыми стояла задача осуществления технической, экономической, военной и политической разведки в различных государствах мира. Кстати, в состав группы входила жена Быстролётова – чешка Милена Шелматова, которой не раз приходилось выполнять самые ответственные задания.

Первое поручение оказалось не из лёгких: Быстролётов должен был завербовать ответственного сотрудника «Форин-оффиса» (британского министерства иностранных дел), который занимался не чем иным, как составлением шифров для английских дипломатов. Быстролётов, выдавший себя за венгерского графа, с блеском справился с поставленной задачей. Завербованный им агент в течение трёх лет бесперебойно снабжал советскую разведку шифрами и кодами английского внешнеполитического ведомства, регулярно добывал еженедельные сборники шифротелеграмм министерства иностранных дел, другие совершенно секретные документы и материалы. 17 ноября 1932 года Дмитрий Быстролётов за образцовое выполнение задания руководства советской разведки был награждён именным оружием.

В 1933 году завербованный английский шифровальщик был уволен из министерства иностранных дел, а вскоре погиб при загадочных обстоятельствах. Всего за год Быстролётов сумел найти «ключик» к другому ответственному чиновнику МИДа, от которого в дальнейшем также поступала ценнейшая информация.

РИСКОВАННЫЙ ТРУД

В 1931 году, не прерывая своей деятельности разведчика, Быстролётов по чужому паспорту поступает на медицинский факультет Цюрихского университета и в 1935 году получает диплом доктора медицины. Некоторое время он работает врачом в одной из швейцарских клиник, делает важное научное открытие о возможности регули-

рования пола будущего младенца, пишет об этом научную работу, которая впоследствии была опубликована и получила признание в европейских медицинских кругах. Попутно Быстролётов, обладающий ярко выраженными художественными способностями, обучается в Берлинской и Парижской академиях художеств, берёт уроки у знаменитых художников-графиков.

Однако основной заботой Дмитрия Александровича остаётся опасная работа руководителя группы разведчиков-вербовщиков, члены которой постоянно перемещались из одной страны в другую. Нередко Быстролётову и его товарищам приходилось буквально разрываться между Берлином и Лондоном, Нью-Йорком и Цюрихом. Они не имели ни постоянного места жительства, ни семьи в общепринятом смысле этого слова, ни друзей и родных. На каждом шагу их подстерегала смертельная опасность, и днём и ночью они находились в постоянном напряжении. Быстролётов неоднократно вспоминал слова Артура Христиановича Артузова, сказанные при первом знакомстве: «Рискованнее всего труд вербовщика: сказал не то, повернулся не так – за всё немедленная расплата! Собачья жизнь, знаете ли: вечером не знаешь, долежишь ли до утра, а утром не ведаешь, дотянешь ли до своей постели».

О сложности обстановки, в которой работал Дмитрий Быстролётов, свидетельствует письмо резидента советской внешней разведки в Центр от 6 июля 1933 года: «Не исключено, что Андрей (псевдоним Быстролётова) может быть ликвидирован противником, тем не менее директивы о его немедленном отъезде я не дал. Уехать сейчас – значит потерять источник, а при его значимости это равно ослаблению нашей обороны и усилению работы противника».

Ответ из Центра, датированный 4 августа того же года: «Просьба передать Андрею, что мы здесь вполне осознаём самоотверженность, дисциплинированность, находчивость и мужество, проявленные им в исключительно тяжёлых и опасных условиях».

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ...

Выполняя задания одно сложнее другого, Быстролётов превратился в настоящего «охотника за шифрами». Что помогало ему в этом опасном деле, где малейшая оплошность грозила смертью?

Во-первых, Дмитрий Александрович обладал поразительным даром перевоплощения – не только внешнего, но и внутреннего. Причём он никогда не повторялся, всякий раз представая в новом облике: то надменного английского лорда или весёлого добряка венгерского графа, то живущего в мире сложных расчётов канадского инженера или удачливого голландского бизнесмена, то безжалостного наёмного убийцы из Сингапура... Быстролётов был «своим» даже среди туарегов в пустыне Сахара, где ему пришлось скрываться после громкой операции в Европе, или среди пигмеев в джунглях Экваториальной Африки. Ну а в аристократическом обществе, среди финансово-промышленных тузов или богемы, в окружении артистов и художников, он чувствовал себя как рыба в воде.

Быстролётов так вживался в свою роль, что дело иногда доходило до смешного. В его воспоминаниях приводится такой курьёзный случай. После трёх лет нелегальной работы за рубежом Дмитрию Александровичу разрешили неделю пожить у матери в Крыму, в Анапе. А в то время Быстролётов выдавал себя за крупного бразильского негодянта и, когда мать пожаловалась на жаркую погоду, буквально взорвался: «Невероятно жарко?! Эх, мама! Ты пожила бы у меня на родине, в Бразилии, – тогда бы узнала, что такое настоящая жара!» И только увидев испуганные, ничего не понимающие глаза матери, спохватился и свалил всё на «неудачную шутку».

Во-вторых, Быстролётов, обладающий редким обаянием, легко достигал необходимой степени доверительности в общении с любым человеком. В этом ему помогало великолепное знание иностранных языков: он отлично говорил на английском, немецком, голландском, фламандском, шведском, норвежском, датском, французском, итальянском,

испанском, румынском, португальском, польском, чешском, словацком, болгарском, сербохорватском, греческом, турецком, китайском и японском.

Однажды министр иностранных дел Великобритании сэр Джон Саймон, несколько раз встретившись с Быстролётовым на официальных церемониях, собственноручно выдал ему британский дипломатический паспорт. Многоопытный дипломат и сам в прошлом кадровый разведчик ни на минуту не усомнился в том, что видит перед собой сына английского лорда, живущего в Канаде, аристократа как минимум в седьмом поколении.

В-третьих, Быстролётов никогда не относился к тем, кого вербовал, лишь как к источникам информации, которых можно склонить к сотрудничеству. Он всегда пытался понять, что движет человеком, соглашающимся на сотрудничество или предлагающим свои услуги иностранному разведчику. Неслучайно многие информаторы Быстролётова работали с советской разведкой исключительно «за идею», что в условиях надвигающейся опасности фашизма было особенно важным. В частности, именно Быстролётов установил контакт с Кимом Филби, ставшим впоследствии руководителем легендарной «кембриджской пятерки» – чрезвычайно эффективной разведывательной группы, состоявшей из английских аристократов.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ...

Годы напряжённой, полной опасностей работы разведчика-нелегала не прошли бесследно. В конце декабря 1936 года Дмитрий Быстролётов направил руководителю советской внешней разведки письмо, в котором, в частности, говорилось следующее: «...Я устал, нездоров и работать дальше без серьёзного отдыха не могу. Я чувствую изо дня в день растущий недостаток сил, естественно понижающий качество работы, вызывающий неряшливость в технике... В моих руках дело большой важности и судьбы нескольких человек. А между тем... на меня давят усталость и периоды депрессии, я работаю только нервами и напряжением воли. Без малейшей радости по поводу успехов, с постоянной мыслью: хорошо бы вечером лечь и утром не подняться. Я нахожусь за границей 17 лет, из них на нашей работе – 11 лет, в подполье – шесть лет».

Руководство внешней разведки пошло навстречу Дмитрию Быстролётову: через два месяца он был отозван в Москву, где впервые за долгие годы смог почувствовать себя не нелегалом, уходящим от слежки и постоянно ожидающим ареста, а просто человеком. Наконец-то он занялся своим любимым делом – живописью. Когда маститые московские художники познакомились с картинами Быстролётова, он был единогласно принят в члены Союза художников СССР. Было даже

принято решение о проведении его первой персональной выставки.

Всё хорошо складывалось и по службе. Быстролётов был удостоен благодарности руководства за то, что успешно написал две главы – «Конспирация» и «Легализация» – для первого в СССР учебника для школы разведчиков. В январе 1937 года руководство внешней разведки решило провести аттестацию Быстролётова для представления его к званию старшего лейтенанта государственной без-

опасности (соответствует воинскому званию майора) и приёма в члены ВКП(б).

Вскоре все необходимые документы были готовы, и Быстролётова представили Народному комиссару внутренних дел СССР, Генеральному комиссару Комитета государственной безопасности СССР Николаю Ивановичу Ежову. Нарком утвердил представление и, проявив особое расположение к разведчику, крепко обнял его и трижды расцеловал.

Однако через год аттестация была приостановлена, и приказом от 25 февраля 1938 года Дмитрия Быстролётова уволили из внешней разведки по сокращению штатов. Он был переведён на работу во Всесоюзную торговую палату на должность заведующего бюро перевода.

18 ноября 1938 года по абсурдному доносу, что якобы он, «будучи эсером и белогвардейцем, вёл шпионскую деятельность против СССР», Быстролётов был арестован и разделит трагическую судьбу десятков тысяч советских людей, среди которых жертвами незаконных репрессий стали и многие видные разведчики. По приговору так называемой тройки Дмитрий Александрович был осуждён на 20 лет лагерей и пять лет ссылки, из которых провёл в заключении 16 лет – с 1938 по 1954 годы.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Дмитрий Быстролётов мог и раньше выйти на свободу: в 1947 году его доставили из печально знаменитого Сиблага в Москву, где сам министр государственной безопасности СССР Виктор Семёнович Абакумов предложил заключённому прекратить «отдыхать» и немедленно, сегодня же, продолжить работу во внешней разведке. В ответ Быстролётов потребовал от всеильного министра МГБ пересмотра своего дела и полной реабилитации – только на таких условиях он был согласен вновь стать разведчиком-нелегалом.

Этот разговор дорого стоил Быстролётову: его вновь отправили в лагерь, откуда он был досрочно освобождён по состоянию здоровья только через семь лет, в 1954 году, полупарализованным и тяжёлобольным челове-

ком. После реабилитации в 1956 году «из-за отсутствия состава преступления» Дмитрий Быстролётов получил гражданскую пенсию по инвалидности и жильё в Москве – десяти-метровую комнату в коммунальной квартире, в доме на Ломоносовском проспекте, недалеко от станции метро «Университет». Там он и стал жить вместе со своей второй супругой, с которой трагическая судьба свела его в лагерях.

Быстролётов был принят на работу во Всесоюзный НИИ медицинской и медикотехнической информации Министерства здравоохранения СССР на должность научного консультанта. Свободно владея двадцатью языками и будучи доктором медицины Цюрихского университета, он занимался контрольным редактированием рефератов и переводом статей из более чем двух тысяч зарубежных медицинских журналов. Кроме того, Дмитрий Александрович консультировал других переводчиков.

Работоспособность Быстролётова была просто поразительной – ни один из более молодых коллег не мог составить ему конкуренции. В среднем за год он проверял переводы более 50 тысяч материалов и сам переводил свыше двух тысяч статей. И в таком режиме он работал без малого 20 лет, вплоть до своей кончины в возрасте 74 лет!

Всех знавших Дмитрия Александровича в то время поражала его память – свежая и постоянно готовая к работе. Например, как-то в одной компании зашёл разговор об эсперанто, и будучи в преклонном возрасте Быстролётов тут же без запинки запел «Интернационал» на этом искусственном языке!

ВСПОМНИТЬ ВСЁ...

Всё своё свободное время Дмитрий Быстролётов отдавал написанию мемуаров о своей бурной и трагической жизни.

Замысел создать книгу воспоминаний возник у него ещё в 1939 году, когда он очутился в заполярном Норильске, в исправительно-трудовом лагере общего режима. Заключённый с двадцатилетним сроком, он начал писать о том, о чём в то время нельзя было даже

говорить. Специфические навыки разведчика-нелегала оченьгодились начинающему мемуаристу как при поиске бумаги и чернил, так и во время многочисленных обысков и осмотров. И даже в этих условиях он знакомил своих товарищей по несчастью со своим трудом; мало того, освобождаемые выносили рукописи на свободу, прекрасно зная, что это грозит им ещё десятью годами лагерей!

Став свободным человеком, Быстролётов, несмотря на изменившиеся внешние обстоятельства, всё так же упорно работал над своим трудом. Главное в его повествовании – не жизнь автора, как можно было бы предположить, а события, люди и их поведение в экстремальных ситуациях. Причём рассказывает автор не о вымышленных персонажах, а о реальных людях и о том, как эти люди, в зависимости от своей профессии и менталитета, от принадлежности к тому или иному общественному слою, ищут и находят выход из критических ситуаций. Параллельно Быстролётов приводит собственное решение аналогичной проблемы. Проводится как бы своеобразный психологический анализ жизненных ситуаций и поведения в них разных людей, в том числе и автора воспоминаний.

ОБРАЩЕНИЕ К ПОТОМКАМ

Желая, чтобы первыми читателями его мемуаров стали современники, Быстролётов в то же время прекрасно понимал, что публикация воспоминаний при его жизни невозможна. Бывший разведчик-нелегал работал для потомков!

Так как же после кончины сохранить написанное? Ещё в начале творческого пути Быстролётов выбрал общее для всех своих книг название – «Пир бессмертных». Каждой из шестнадцати частей он дал собственное название, каждая имела посвящение и была оформлена как отдельное, самостоятельное произведение. Таким образом, считал Быстролётов, если будет утрачена одна или даже несколько книг, остальные расскажут о многом.

На свободе Быстролётов не пользовался самодельными тетрадками, как делал

это в лагере, – рукописи печатались сразу в нескольких экземплярах и переплетались. Некоторые книги он давал читать друзьям и коллегам, прекрасно понимая, что рискует. Время было такое: если бы хоть одна часть воспоминаний попала в чужие руки, Быстролётова обвинили бы в чём угодно – от самиздата до разглашения государственных секретов. (Кстати, оставаясь разведчиком до конца, Дмитрий Александрович не назвал в своих мемуарах ни одной настоящей фамилии, не указал конкретно ни единого места, где разворачивались те или иные описываемые им события).

В 1966 году Дмитрий Александрович Быстролётов принял решение: передать все свои книги на долговременное хранение в отдел рукописей Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где они и дождались своего часа в пресловутом спецхране.

НЕТ ПРОРОКА В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ?

Будучи человеком острого аналитического ума, Дмитрий Быстролётов, наряду с написанием монументального мемуарного труда, много и напряжённо размышлял о прошлом и будущем своей Родины.

В частности, его, побывавшего в своё время во многих странах мира, очень беспокоило, как обстоят дела с так называемым национальным вопросом в Советском Союзе. Изучив много разнообразной открытой информации, Быстролётов приходит к выводу, что «для страны, в которой проживает полторы сотни национальностей, вопрос о национальной политике имеет первостепенное значение. При ошибке в этой области неизбежны нарастание местного национализма и распад союзного государства: могут создаться условия, при которых сдерживать центробежные силы из Москвы окажется невозможным».

Для сегодняшнего читателя этих строк высказанные в них мысли и соображения не содержат принципиальной новизны: у всех на памяти события, последовавшие после августа и в декабре 1991 года, когда неког-

да могучий Советский Союз перестал существовать в считанные дни. Но ведь Дмитрий Александрович написал об этом, а вернее, предсказал это в итоге своих аналитических размышлений ещё в 1965 году!

СНОВА ВОСТРЕБОВАН

В 1968 году Дмитрий Александрович Быстролётов вновь был востребован советской внешней разведкой (тогда Главным управлением КГБ СССР): старого разведчика-нелегала попросили рассказать о своей жизни. Быстролётов написал сто страниц своей биографии.

Затем ему было предложено подумать о сценарии художественного фильма, посвящённого разведчикам, — за год он написал литературный сценарий трёхсерийного фильма (впоследствии переделанного в односерийный), в котором в завуалированной форме оставил свидетельства некоторых своих подвигов, приписав их вымышленному киногерою.

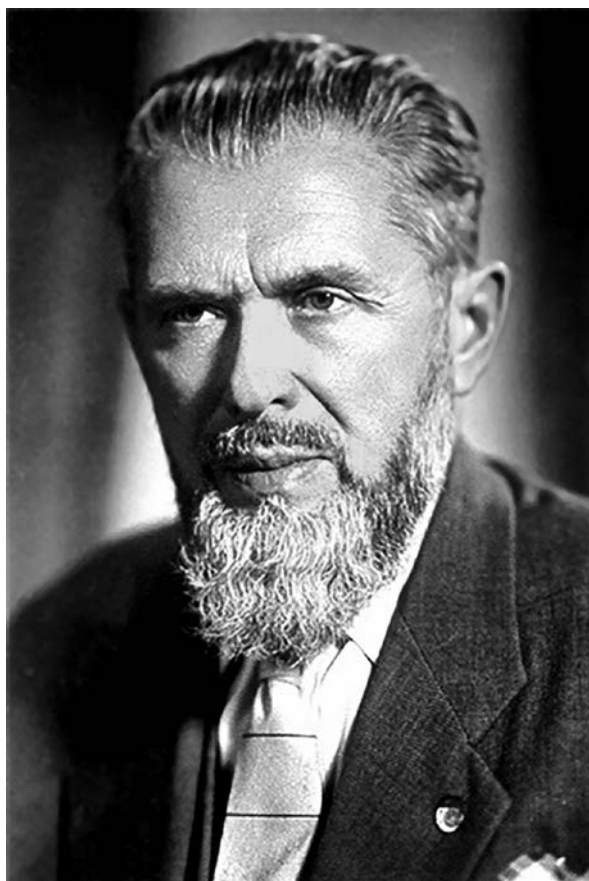
В ноябре 1973 года в Москве, в кинотеатре «Художественный», состоялась премьера фильма «Человек в штатском», в котором Быстролётов сыграл одну из эпизодических ролей. Кроме того, он был автором сценария и принимал непосредственное участие в съёмках.

Дмитрию Александровичу была предложена двухкомнатная квартира и выделены средства на её обстановку. От пенсии КГБ он отказался.

Так, благодаря проявленному интересу к его боевому прошлому и заботе о нём как о заслуженном ветеране, Быстролётов вновь ощутил свою причастность к разведке.

ДОЛГ ПАТРИОТА

28 октября 1968 года, как бы итожа свою жизнь, полную невероятных приключений и неподдельного трагизма, Быстролётов написал: «С работой в разведке... связаны лучшие годы моей жизни. Я горжусь ими... Я рад, что вернулся в СССР на гибель. Сознательно вернулся, выполняя долг патрио-

та... Я считаю, что прожил жизнь хорошую, и готов прожить её так ещё раз».

Дмитрий Александрович Быстролётов скончался 3 мая 1975 года в возрасте 74 лет и похоронен в Москве, на Хованском кладбище. Те, кто видел его перед погребением, вспоминали его лицо. Обточенное всеми возможными ветрами и бурями XX века, оно было таким же, как при жизни, — выразительно-скульптурным.

Дмитрий Быстролётов, отдавший лучшие годы своей жизни советской внешней разведке, не был членом большевистской партии, не имел ни одной государственной награды и даже воинского звания. Он всю жизнь был «человеком в штатском», который работал во имя и на благо своей Родины.

*Использованы материалы сайта
Службы внешней разведки
Российской Федерации
<http://svr.gov.ru>*

Ольга Борисовна Сокурова

Родилась в Тбилиси в 1948 г. Училась на филологическом факультете Ленинградского государственного университета. Занималась в известном «Блоковском семинаре» под руководством выдающегося учёного, крупнейшего специалиста по литературе серебряного века проф. Д. Е. Максимова. После окончания университета в 1971 г. работала в Ленинградском архиве литературы и искусства, затем в 1973 г. поступила в аспирантуру Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию. После этого была научным сотрудником сектора театра научно-исследовательского отдела ЛГИТМиКа (ныне – Российский институт истории искусств), занималась преподавательской деятельностью. С 1998 г. – сотрудник кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ.

Кандидат искусствоведения, доцент. Читает курсы по истории русской культуры XIX в., русской литературе золотого и серебряного века, истории мировой культуры.

Является членом Учёного Совета Института истории СПбГУ, членом Союза театральных деятелей России. Руководит педагогической практикой студентов кафедры.

О.Б. Сокурова – автор двух монографий и большого числа научных статей по широкому кругу историко-культурных, философских, филологических и богословских проблем. Является автором сценариев и текстов к научно-популярным фильмам, отмеченным высшими конкурсными наградами («В поисках Санкт-Петербурга», «Крепость неодолимая», «Умозрение в красках», «Собор»).

ПЕРВОЕ «СЛОВО» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Самое раннее из дошедших до нас авторских произведений древнерусской литературы – «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Оно было создано немногим более чем через полвека после принятия на Руси христианства.

Творение Илариона Киевского вошло в сокровищницу древнерусской письменности с обозначением двух ключевых слов – Закон и Благодать. Они одновременно и сопряжены, и противопоставлены друг другу. Их изначальный смысл заслуживает внимания.

Закон – общеславянское слово, его исторический корень – конь – черта, предел, граница. За – многозначная приставка, которая в данном случае может означать установку на окончательность, завершённость. Закон как бы проводит черту, границу для человеческих действий, через которую нельзя переступить. «Небо и земля прейдут, но ни одна черта из закона сего не прейдет» – имеются в виду 10 заповедей, данные пророку Моисею на горе Синай.

Слово Благодать – церковнославянское, состоит из двух частей: благо (в ц-слав. –

добро, счастье, хорошо) и дать – то, что дано человеку свыше, а не является его собственной принадлежностью.

В «Слове о Законе и Благодати» можно найти множество явных и скрытых ссылок на Ветхий и Новый завет, на очень сложные в богословском отношении тексты посланий апостола Павла. Подчёркивая универсальный характер христианства, автор опирался на взгляды Константина Философа (в монашеском постриге Кирилла) – просветителя славян, который, ссылаясь на тексты Ветхого и Нового Заветов, провозгласил идею равенства всех народов земли перед Богом. Эту мысль поддерживает и развивает Иларион: Закон был дан одному народу, а истина Христова «благо и щедро простирается на все края земные»; принявшее Христа человечество не теснится в Законе, «а в Благодати свободно ходит». Таким образом, произведение Илариона даёт возможность утверждать, что наша литература при самом её основании восприняла библейскую, византийскую и южнославянскую кирилло-мефодиевскую традиции на высочайшем уровне.

В этом произведении есть место, дающее основание опровергнуть расхожую формулу «Русь крестилась, но не просветилась». Напомнив в начале «Слова...» о том, что о пришествии Христовом проповедовали Моисей и пророки, а Христос и апостолы возвещали о воскресении и будущем веке, Иларион отказывается далее распространяться на эту тему. Он словно бы обрывает себя: «Излишне это, и к тщеславию склоняет. Ибо, что в иных книгах писано, и вам ведомо, то здесь излагать – пустая дерзость и желание славы. Ведь не к несведущим пишем, но к преизобильно насытившимся сладостью книжной» (с. 33). Вкусившими «сладости книжной» Иларион считал не неких избранных, а всех прихожан храма, всех верующих соотечественников и современников; ведь он обращал своё слово «не к врагам Божиим, иноверным, но к настоящим сынам Его, и не к сторонним, а к наследникам небесного царства».

«Благословен Господь Бог Израиля, Бог христианский», – в зачине «Слова...» автор формулирует сущность своей веры, поскольку именно ею вдохновлена его речь. Употреблённая Иларионом формула – часть аллилуария в «субботу обновления» (субботу Пасхальной недели). Взяв её из Евангелия от Луки («Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сътвори избавление людям своим»), Иларион сделал вставку – «Бог христианский», указав тем самым на последовательность Божественного Откровения: сначала народу древнего Израиля, затем новым людям небесного Иерусалима, христианам. Закон стал предтечей Благодати и Истины, которые, в свою очередь, предваряют будущий век: приводят отдельного человека и целые народы к «жизни нетленной». Возникает иерархия, в которой над Прошлым ветхозаветным (Закон) возвышается Настоящее новозаветное (Благодать), и над ним зиждется Вечность (Царство будущего века).

Вечность стала духовным ориентиром жизни и культуры христианских народов, и среди них – народа русского, который принял этот ориентир в своё сердце и жизнь как наиважнейший. Иларион напоминает, что спастись можно, заботясь по преимуществу не о земном самоутверждении, оправдании и веселье, а о достижении благодатной, блаженной вечности.

В первой части «Слова» содержится богословское осмысление сути закона (связанного с ветхозаветной иудейской традицией) и благодати, принесённой учением Христа и воплощающей сущность христианства. Автор «Слова...» раскрывает ряд бинарных оппозиций (рабство – свобода; Агарь – Сарра; Измаил – Исаак; свет луны – свет солнца; сухь – роса; теснота – безграничность; мир тленный – мир вечный). Проблематика отношений Закона и Благодати неизменно просматривается во всех диалогических и динамических поворотах авторской мысли, обеспечивает её единство.

Центральное место в творении Илариона по праву занимает христологическая тема:

именно Христос, воплощённое Слово, во всей полноте раскрыл соотношение Закона и Благодати. Он пришёл «не разорить закон, но исполнить», и исполнение это было абсолютным, поскольку Он – «единый без греха»; люди же согрешили все до единого, и потому ни один, по слову апостола Павла, не может перед Законом оправдаться – все осуждены. Таким образом, закон не спасает, а выявляет грех, обличает и осуждает. Сам себя человек спасти не может – он спасается не по закону, а по благодати.

Вслед за апостолом Павлом Иларион утверждает: там, где воцаряется благодать, закон уже не нужен. Христос свободно нарушал букву закона человеческого: исцелял в субботу страждущих людей, прощал им грехи, чем вызывал ненависть и возмущение фарисеев.

Во второй части «Слова» Илариона Киевского речь идёт о том, что благодать христианской веры, покорив все концы земли, дошла до народа русского, ибо «лепо благодати и истине на новых людей воссиять»:

*Не вливают ведь, по слову Господню,
вина нового учения благодетельного
в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе.
Ежели просядутся мехи, вино прольётся.
Ведь не могла закона тень удержать <...>
Но новое учение – новые мехи, новые языки.*

В динамичных, энергетически сильных строках Иларион показывает, сколь решительно оттолкнулся наш народ от былого языческого пленения:

*И уже не идолослужители зовёмся,
но христиане,
Не без надежды уже пребываем,
но уповаем на жизнь вечную
И уж не капище сатанинское городим,
Но Христовы церкви зиждем.
Уже не даём на заклятие бесам друг друга,
Но Христос за нас идёт на заклятие.*

И Русь, пишет автор «Слова...», посетило человеколюбие Божие, «и уже не следуем бесам, но ясно славим Христа, Бога нашего, по

пророчеству: “Тогда поскачет, подобно оленю, хромой, и ясен будет язык гугнивых”». Он даёт понять, что с принятием христианства русские перестали быть «гугнивыми», обрели ясное национальное самосознание в Слове. «Были мы не Божьими людьми, а теперь Бог говорит: “Люди вы Мои!”»

В «Слове...» показано, что, как и любой человеческий закон, закон старшинства не абсолютен. По благодати, в соответствии с Промыслом Божиим, он может быть нарушен. В ветхозаветные времена Иаков возложил десницу на Ефрема, а шуйцу (левую руку) на старшего сына Манассию. Иудейство, говорит Иларион, «хоть и прежде было, но благодатью христиане возвысились»; «Закон прежде стал, и вознёсся в малом, и отошёл, вера же христианская, после прийдя, первой стала и распространилась на множество языков, и Христова Благодать всю землю объяла».

В развитии мысли Илариона о возможности превосходства младшего над старшим, более позднего над более ранним некоторые интерпретаторы усмотрели пророческий намёк, предупреждение старой Византии о том, что её первенство в православном мире может перейти к другому народу. При Ярославе Мудром на Руси окрепло стремление утвердить высшую церковную иерархию, обрести большую самостоятельность по отношению к Константинополю. Согласно «Повести временных лет», первым Киевским митрополитом не из греков, а из местных иеромонахов был назначен в 1051 году по настоянию великого князя именно «пресвύτεрь Ларион», автор «Слова о Законе и Благодати». Через полтора столетия пророчество «Слова...» начало сбываться. В 1204 году Константинополь разрушили, как некогда Иудею, новые римляне-крестоносцы, далее (в 1453 г.) им завладели турки. Хранительницей Благодати православной веры стала Русь.

Замечательно, что поборник благодати активно занимался законотворческой деятельностью, которая состояла в разработке, совместно с князем Ярославом, Церковного Устава. Кроме того, по мнению исследова-

телей, митрополит Кирилл принимал непосредственное участие в составлении Правды Русской. В.Я. Дерягин, в частности, обратил внимание на одну терминологическую особенность: «...в дошедших до нас дохристианских городских документах, договорах русских князей с греками 911 и 944 годов многократно упоминается «закон русский», «закон греческий», а в Правде Русской термина закон нет вообще – только «правда» и «суд». Термин закон ушёл из светского законодательства на несколько столетий, почти до Петра, – его нет в судебных и ранних уставных грамотах» [1]. Объяснение этому языковому факту учёный находит в огромном идейном влиянии «Слова о законе и благодати» на русское сознание. Он пишет: «Идеологически Закону противостоит Вера и вместе с нею Правда. Отсюда в светском законодательстве Правда Русская пришла на смену дохристианскому Закону, ведь Правда – «суд справедливый», «суд правый», истинный, прямой» [2].

Ссылаясь на «Толковый словарь великорусского наречия» В.И. Даля, исследователь напоминает, что исконное значение слов правый и править означает «прямой» и «прямить, делать прямым». Можно добавить, что человеческий закон и его осуществление судебными органами в русском сознании уже в последующие времена не раз ассоциировался с отсутствием прямизны – с характерным крючкотворством, кривотолками, изворотливостью. «Закон что дышло: куда повернул, то и вышло». Весьма знаменательно и ещё одно устойчивое, укоренившееся в веках выражение: «По закону будем судить или по правде?»

Создатель «Слова...» вводит в русскую литературу тему родной страны, «что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». Он создаёт образ идеального князя Владимира Святославича, который «землю свою пас правдою, мужеством и смыслом», «ведь было благоверие его с властью сопряжено». Решительно отвергая языческое поклонение бездушным идолам, он умеет найти в дохристианском опыте, в решениях

великого князя Киевского то, что создавало почву для принятия Благодати: любовь к правде, благородное мужество, крепкую волю и мудрость государственного правителя.

Князь Владимир, свидетельствует Иларион, не знавший Закон и пророков, не видевший Христа и чудес Его, не слышавший проповеди святых апостолов, стал для своего народа подобным им провозвестником христианской веры. Неоднократно высказывалось мнение о том, что своим произведением Иларион готовил канонизацию Крестителя Руси. Можно отметить, что в словословиях великому князю он использовал устойчивые словосочетания и обороты речи, характерные для акафиста – хвалебно-благодарственного гимна, «неседальной молитвы» святым. Действительно, впоследствии Владимир Киевский был прославлен Русской церковью как равноапостольный.

Как подчёркивается в «Слове...», действие благодати Божией в душе великого князя направляло свободный выбор веры. «Воссиял разум в сердце его», и сошёл он в святую купель, «благим смыслом и острым умом уразумев, что Бог един». По благодатному откровению Владимир не только сам принял православие, он крестил в водах Днепра свой народ, освободив его от «идольской лести». В этом отношении Иларион уподобляет князя Владимира Константину Великому.

Наконец, и это очень важно, действие благодати (в данном случае она может быть обозначена как благодать, т.е. деятельное благо) со всей очевидностью проявилось в бесчисленных делах милосердия, которые князь творил по отношению к своим подданным, «просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящим всякое утешение посылая, должников выкупая, рабам свободу даруя».

В прилагающейся к «Слову...» молитве, приносимой от имени народа, Христос трижды назван Человеколюбцем. Припадая к Нему в покаянии о грехах, беззакониях и житейской суете «новокупленных рабов»,

Иларион просит о прощении по Его беспредельному милосердию к людям. Благодать помилования, неизмеримо превосходящая закон, с этого времени стала магистральной темой русской истории и культуры.

Ярослава Мудрого автор «Слова...» называет достойным преемником отца. Как к живому, обращается он к Крестителю Руси (что было особенно оправдано в канун празднования святой Пасхи), призывая Владимира посмотреть на созидательную деятельность своего наследника, который построил и украсил храм Софии-Премудрости, на великих вратах града Киева возвёл церковь в честь праздника Благовещения. В честь этого праздника звучит в «Слове...» архангельское приветствие Святой Деве: «Радуй-

ся, обрадованная, Господь с Тобою!» Иларион повторяет это приветствие, обращая его к Киеву, матери городов русских: «Радуйся, благоверный град, Господь с тобою!». Тем самым он утверждает благодатное пребывание стольного града и всей русской земли под особым покровительством Богородицы. Такова ещё одна тема, чрезвычайно значимая для исторической и духовной судьбы России.

И хотя в последующие века русской истории христианская благодать помилования слишком часто забывалась носителями власти и простыми мирянами, всё же заветы древнерусских книжников и уложения Правды Русской продолжали жить в сердце народа и в традициях русской словесности.

[1]. Дерягин В. Я. Иларион. Жизнь и слово // Иларион. Слово о Законе и Благодати. /Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. М., 1994. С. 8.

[2] Там же. С. 14.

Леонид Райгородский
*Санкт-Петербургский
 государственный университет
 – кандидат технических наук,
 профессор кафедры дизайна
 факультета искусств.*

ИКОНЫ И КАРТИНЫ

Иконы и картины принадлежат совершенно разным видам изобразительного искусства. Иконы не могут быть отнесены к произведениям живописи в обычном смысле, который вкладывается в слово «живопись». Иконы нельзя назвать картинами, потому что картины в линиях и красках повествуют о людях и событиях реальной действительности. Природа и жизнь изображаются на картинах посредством иллюзорного воспроизведения красками на плоскости стены или холста трёхмерного пространства земного мира и находящихся в нём предметов и существ. И даже если сюжет почерпнут из мифологии, то он переведён на язык земных образов. Даже абстрактная живопись тоже не выводит зрителей в мир иной природы, иных пространственных и временных шкал, иных духовных ценностей.

Эта миссия в истории культуры выпала на долю икон. Икона – это окно в мир иной природы, в котором нет не только обычного пространства, но нет и событий, обусловленных обычными причинно-следственными связями. Лица и предметы на иконах озарены светом, источник которого вне физического мира. Теней на иконах нет. Всё напоено светом. Символическим обозначением пространства

не от мира сего был на иконах золотой фон. Предметы в пространстве не от мира сего изображались в обратной перспективе.

Слово «икона» происходит от греческого слова, значение которого – образ. Творя икону, иконописец не придумывал образ. Он, духовно поднявшись до откровения, истинствовал. Икона была его молитвой, высказанной не словами, а красками. Изобразительный «текст» этой молитвы был известен, и его нужно было только записать красками на доске.

Родиной иконописи является Византия. Древнейшие иконы, дошедшие до нашего времени, были созданы в VI веке. Это даёт возможность ориентироваться в отношении времени возникновения этого вида искусства.

Иконопись пережила эпоху запрета. Культ икон был запрещён византийским императором Львом III в 730 г., восстановлен частично в 787 г. на VII Вселенском соборе и окончательно в 843 г.

Авторитетным защитником культа икон, чьи аргументы и доводы звучали на VII Вселенском соборе, был Иоанн Дамаскин (~675- ~750). Здесь мы приведём выдержки из его замечательного труда «Три защитительных слова против порицающих святыне

иконы или изображения». «Бестелесный и не имеющий формы Бог никогда не был изображаем никак, теперь же, когда Бог явился во плоти, я изображаю видимую сторону Бога», «не невидимое Божество изображаю, но посредством образа выражаю плоть Божию, которая была видима». «Сын Божий явился с видом человека». «Изображение есть подобие с отличительными свойствами первообраза». «Если ты не поклоняешься изображению, не покланяйся и Сыну Божию, который есть живое изображение невидимого Бога и неизменный образ». «Сам Бог – первый сделал изображение». «Мы возводимся к божественному и невещественному созерцанию при посредстве чувственных изображений». «Нам невозможно, помимо телесного, придти к духовному». «Как через чувственные слова, которые мы слышим телесными ушами, мы также понимаем и духовное, так и через телесное созерцание приходим к созерцанию духовному». «Что для слуха – слово, это же для зрения – изображение». «Человеколюбию Божию угодно было облекать в вид и форму то, что лишено всякого образа и вида».

И как само Священное писание есть словесное изображение (образ) священной истории, так и иконы составляют её изображение (пересказ) линиями и красками. «Если к тебе придёт язычник, говоря: “Покажи мне твою веру”, то отведёшь его в церковь и поставишь перед разными видами святых изображений».

Икона является не иллюзорным воспроизведением изображаемого, но чувственным символом, при помощи которого мы обретаем способность подняться до постижения бесплотного. «Через символы легче вознестись и горняя помышлять». Икона играет роль мистического посредника между миром земным и миром небесным.

Заметим, что в приведённых цитатах упомянуты два важнейших понятия: первообраз и неизменный образ. Уже начиная с VII Вселенского собора стало формироваться требование, согласно которому икона должна повторять первообраз и потому не может меняться. Новые иконы должны повторять написанные ранее. Утвердилась канонизация образов и их

иконография. Иконы закрепились в виде неизменных священных формул, построенных из символов, сформировавших как бы специальный алфавит, которым только и можно написать образ.

Лица святых на иконах писались без черт, передающих суетные земные переживания, от которых святые сумели уйти. Их лица стали символами высшей, доступной людям, духовности – ликами.

Решения VII Вселенского собора были адресованы всему христианскому миру. Но франкский король Карл Великий (Charlemagne, 742/747-814), конкурент византийского императора, не хотел, чтобы решения VII Вселенского собора, касающиеся статуса икон, были приняты, и благодаря его интригам римский папа их отверг. Было заявлено, что иконы не могут быть приравнены к Священному Писанию и могут служить лишь украшением храмов и использоваться как вспомогательные средства для просвещения безграмотных. Канонизация иконографии образов не признавалась актуальной, и художники, находившиеся на службе Западной (католической) церкви, были в значительной степени вольны давать свою изобразительную интерпретацию ветхозаветных и новозаветных сюжетов. Восток и Запад Европы в изобразительном искусстве пошли двумя совершенно разными путями [1, с. 41].

Долгое время храмы Западной Европы украшались скульптурами, редко фресками. Изобразительное искусство реализовывалось исключительно в миниатюрах, которыми украшались рукописные книги. Новое отношение к этому виду искусства спровоцировал захват крестоносцами Константинополя в 1204 г. Крестоносцы ограбили храмы и в качестве трофеев захватили иконы. Некоторые из этих икон попали папе римскому Гонорию III. В 1218 г. он запросил к себе византийских художников – мозаичистов и иконописцев. Художникам Западной Европы было предложено учиться писать картины подобные византийским иконам, которые стали играть роль образцов. Но поскольку художники были свободны от канонов, родилось

нечто новое – религиозная живопись. Стало создаваться множество картин на религиозные темы. Творчество художника, свободного от канонов, это всегда поиск. И это принесло свои плоды: была разработана линейная перспектива, освоена светотеневая моделировка и многое, многое другое.

В Византии и в других православных странах положение в изобразительном искусстве было совершенно иным. Иконописцу не нужен был поиск новых приёмов изображения – адекватные вере способы создания образов уже давно сложились и канонизированы.

В культуру Древней Руси иконопись пришла из Византии в конце X века в уже утвердившейся форме. Но русские иконописцы – изографы – не просто переняли у греков традиции созданного ими великого искусства, но и щедро обогатили его. Темперамент молодого народа выразился в ярких и звонких красках, которые засверкали на русских иконах. Авторы древних русских икон нам не известны. Иконы – продукт соборного творчества. Каждый образ восходил к первообразу и отчеканивался многими поколениями. Поскольку икона была молитвой изографа, то называть своё имя было не нужно. Только тончайшими нюансами индивидуального изобразительного языка иконописец мог выразить себя и свой талант в этой молитве, обращённой к Богу. Канонизация образов была принята на Руси как непререкаемый догмат иконописи. «Иконы должны быть написаны по существу и подобию, а не по догадкам и самобытности». Руководством к написанию икон служили подлинники. Подлинники с рисунками-образцами именовались лицевыми, без рисунков – толковыми. Толковые подлинники содержали письменные указания о том, как должно писать тот или иной образ. Вот, например, толковый подлинник образа Святого Николы (Николы Угодника): «Сед, брада невеличка, кручеват, взлызоват, плешат <...>, в руце евангелие, благославляет».

Глубоким духовным содержанием обладають многие иконы Древней Руси. И, несмотря на одинаковую иконографию образов, иконы всё-таки удивительно разные – должно быть,

такие же разные, как люди, их создавшие. Канонизация иконописных образов обрела характер благодатной традиции, стала воплощением богатого опыта многих поколений и побуждала изографа отрабатывать и делать как можно более ярким и сильным свой собственный индивидуальный художественный почерк, чтобы уметь написать известный «текст» как можно более выразительно, и потому иконопись на Руси действительно была соборным творчеством в самом высоком смысле слова. Изограф, пишущий икону, полностью уходил в святую работу: «...творя во вся лета, не даяше себе покоя день и ночь. В нощи бо на бдение и молитвы и поклоны упражняшеся. Дню же приспевшу, со всяким смирением, нестяжанием, чистотою, терпением, постом, любовию, Богомышлением, прилежаще рукоделию (иконописанию)». Такое самоотречение оправдывалось результатом: «Иконы написаны зело хитре...».

В католической Европе художники работали совершенно в другом творческом русле. Они стремились писать картины на сюжеты из Священного писания как можно более «правдоподобно». Тем самым они «заземляли» события, которые происходили по непостижимой людью Божьей воле. Великий итальянский художник Джотто (1267-1337) был первым, кто отказался от золотого фона – символа пространства не от мира сего и писал сцены из жизни святых на фоне пейзажа, небо в котором было голубым. Европейская живопись стала на путь освоения художественного реализма. Однако нельзя не отметить, что этот реализм чаще всего несовместим с неземной природой событий священной истории, именно поэтому, глядя на религиозные картины, зритель, прежде всего, оценивает их «правдоподобие», а духовное содержание отходит на второй план или вообще оказывается незамеченным.

Сравним иконы Древней Руси с европейскими религиозными картинами, написанными на одни и те же сюжеты.

Сначала познакомимся с новгородской иконой XV века «Положение во гроб» (рис. 1).

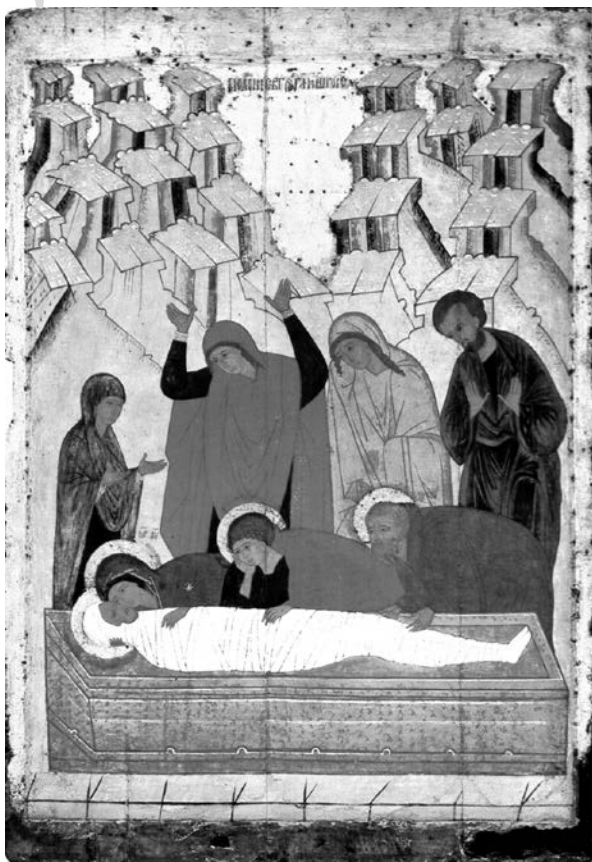

Рис. 1. Икона «Положение во гроб». Новгород. XV в.

На иконе, «на переднем плане» изображён гроб с лежащим в нём спелёнутым телом Иисуса Христа. К нему припала Богородица, прижавшая своё лицо к лицу Сына. Рядом с ней к телу Учителя склонился Его любимый ученик Иоанн Богослов. За Иоанном в скорбных позах застыли Иосиф Аримафейский и Никодим. Слева – жены-мироносицы. Горестная сцена написана на фоне «иконных горок», изображённых в обратной перспективе. Обратная перспектива производит здесь чрезвычайно сильный эффект: пространство разворачивается вширь и вглубь с такой мощью, что происходящее в глазах взирающего на икону обретает космический масштаб. Поднятые вверх руки Марии Магдалины соединяют место, где находится гроб Господень со всей Вселенной.

Сверкающая белизной плащаница сразу же притягивает взгляд зрителя к заверну-

тому в неё телу Христа. Детали «исподних» одежд Иоанна Богослова и Марии Магдалины написаны и скомпонованы так, что производят впечатление тёмных расходящихся сполохов, устремлённых вверх. Они увлекают за собой взгляд к воздетым и широко разнесённым в трагическом изломе рукам Марии Магдалины, и выше, «в горня» – туда, где простирается надземный мир. Но рёбра иконных горок лучами сходятся вниз и возвращают наш взгляд к телу Иисуса Христа – средоточию мироздания.

Лаконичность, «немногословность», ясность и выразительность изобразительных приёмов сделали эту икону молитвой-плачем, скорбные слова которой обрели очертания и цвет и легли на иконную доску [4, с. 22]. Любой человек, увидев эту замечательную икону, не может не почувствовать величия и горечи изображённого на ней.

А теперь посмотрим на картину выдающегося итальянского художника Микеланджело Меризи да Караваджо (1571-1610) «Положение во гроб» (рис. 2).

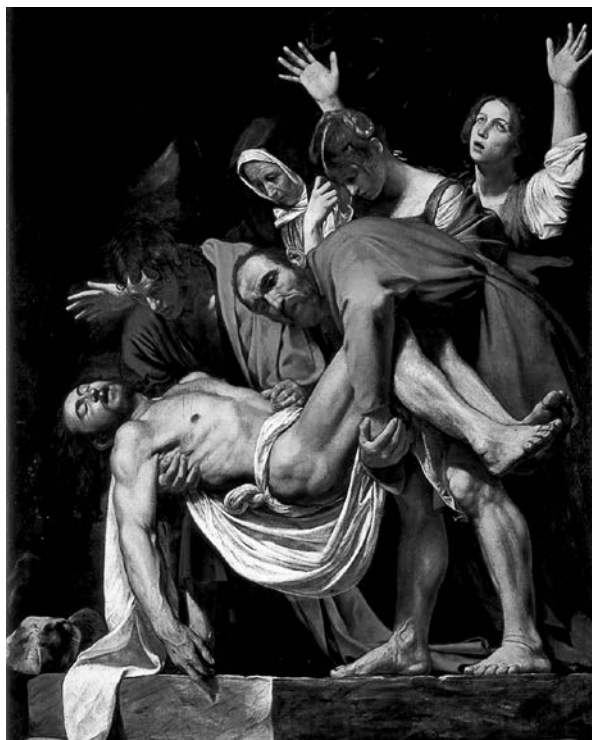

Рис. 2. Картина Микеланджело Караваджо «Положение во гроб» (1602-1604).

Картина написана превосходно и является одним из лучших произведений Караваджо. Сильный контраст света и тени (тенебро-со – от итал. *tenebroso* – «тёмный, сумрачный») делает трагизм происходящего чрезвычайно выразительным. Композиция картины построена так, что зритель чувствует себя соучастником происходящего. Мария Магдалина вскинула вверх руки (как и на иконе, которую мы видели выше), но этот жест не связывает происходящее здесь, в этом уголке Земли, со всей Вселенной. Мы чувствуем горе, горе смерти и трагизм похорон. Но это то горе, которое известно жителям земли. «В полотнах Караваджо преобладали драматические эпизоды, физические страдания и жестокие акты насилия, словно приметы бедной и тяжелой земной жизни, вне которой он не мыслил мира своих образов, выраженных им с предельной, подчас жестокой убедительностью. (“Положение во гроб”»)» [5, с. 15]. Реализм изображения завораживает – мы боимся пораниться об острый торчащий угол каменной плиты. Но то, что так ярко и убедительно изображено на картине, воспринимается как большое, но сугубо земное несчастье.

Обратимся к новгородской иконе «Сретение» (рис. 3).

Сретение – древнерусское слово – встреча. На иконе показана встреча старца Симеона с Младенцем Иисусом.

Согласно преданию, Симеон был одним из семидесяти двух переводчиков (толковников), которые по повелению правителя Египта Птолемея II Филадельфа (285 – 246 гг. до н.э.) перевели Библию (Ветхий Завет) с еврейского языка на греческий (этот перевод называется септуагинта). Переводя книгу пророка Исайи, Симеон не поверил пророчеству (Ис. VII, 14) о рождении Младенца девой. Ему явился ангел, который сказал, что Симеон не умрёт, пока не увидит рождённого девой Младенца.

Согласно Ветхому завету, всякий мальчик-первенец должен был быть посвящён Богу, и на сороковой день по рождении родители должны были принести (представить) в храм его и узаконенную жертву – двух горлиц или двух птенцов голубиных.

Рис. 3. Икона «Сретение». Новгород. XV-XVI в.

Богородица Мария и Иосиф принесли младенца Иисуса в храм. Симеон «по вдохновению» тоже пришёл в храм. «Престарелся еси в старости, верую же обновляешься (...) юношествуя духом (...) Симеон сподобился видети Младенца Нова, прежде век сущаго Творца (...) взял Его на руки (...) и сказал: ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко (...) ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов». «И сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и Тебе самой оружие пройдет душу». В Сретении участвовала пророчица Анна, дочь Фануилова, «вдова лет восьмидесяти четырёх, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь».

Симеон держит «невместимого» Младенца над престолом под киворием – навесом, под которым на престоле освящаются дары – в центре храма. Согласно условной иконописной традиции киворий и престол изображены за фигурами Богородицы и Симеона. Лицо

Марии и Её поза выражают целую гамму чувств. После слов Симеона «Тебе самой оружие пройдет душу» в её жизнь вошла тревога за Сына.

Красное полотнище в верхней части иконы означает, что событие происходит под покровом Бога.

Икона даёт нам возможность почувствовать, что сретение символизирует встречу Ветхого завета, «отпускаемого ныне с миром», олицетворяемого старцем Симеоном, с Новым заветом, принесённым Младенцем, рождённым Девой.

А вот картина крупного нидерландского художника эпохи Возрождения Ханса Мемлинга «Принесение в храм».

Это один из нескольких вариантов изображения принесения Младенца Иисуса в храм, сделанных Мемлингом, которые писались им на правых створках алтарей (триптихов). Они отличаются друг от друга числом людей, находящихся в храме. Есть вариант с четырьмя, кроме Младенца, людьми, а есть и с восемью. Во всех этих картинах прекрасно написаны интерьер храма, красочные одежды людей, узор плиток пола и многие, многие детали. На них рассеивается наше внимание. Предметы земного мира были интересны художникам, пренебрегать ими они не считали нужным и умели эффектно «преподнести» их зрителю. Трепетного порыва старца Симеона, берущего в руки «невместимого Младенца», который мы чувствуем, глядя на икону, здесь нет. Также нет и выразительного движения рук Девы Марии, передающего Сына Симеоноу. Позы людей на всех вариантах картин Мемлинга «Принесение в храм» спокойны и неподвижны. Никакого символического Божьего покровра не написано, потому что художник стремился передать происходящее максимально реалистично. Осознать в этой реалистической трактовке события и почувствовать глубокий духовный смысл встречи (Сретения) старика Симеона и Младенца, олицетворяющей встречу Ветхого и Нового заветов, глядя на картину Мемлинга, совсем не легко.

Рис. 4. Картина «Принесение в храм»
(1433/35-1494)

В Русском музее в Петербурге можно услышать, как экскурсовод, подводя англоязычную группу к иконе «Сретение» произносит: «Presentation in the Temple» («Представление в храм»). Символическое содержание иконы под этим названием теряется.

Обратимся теперь к псковской иконе XIV века «Воскресение. Сошествие во ад» (рис. 5).

Для того чтобы приблизиться к пониманию этой иконы узнаем, как происходило воскресение Иисуса Христа и Его сошествие во ад:

«Воста Господь наш Иисус Христос Сын Божий из мертвых (...) и сниде (сошел) во ад, Диявола гоня. Силы же небесныя (ангелы) предтечаху (неслись) пред Господом, и се (вот) врата адова затвержени бяху (были) крепко (...)

Рис. 5. Икона «Воскресение. Сочествие во ад», Псков, XIV век

И рече ад ко Дияволу: Треглавниче и Вельзауле преокаянне (...) изыди аще (если) силен еси, срящи (встреть) Его, Царя Славы и борися с Ним, а аз (я) помощи тебе не могу. Диявол же отвеща ко аду, и рече: Помилуй мя (меня), Аде, брате мой, не отверзай Ему врат и держи крепко заклепы вратныя (...)

Тогда ангелы огненнии с небесе снишедше в недра адская пред Спасителем вопияху, глаголюще: возьмите (уберите) врата вечная и внидет Царь Славы. И блещахуся молния в сокровищих (тайниках) адских (...) и испровержен бысть Дьявол (...) И потрясошася вся основания преисподняя, и падеся ад, не стерпев ярости Божия. И разрушишася вся заклепы, и врата падоша сами. И ад стоняше вельми трепеща. И Диявол плача и рыдая, зубмы (зубами) своими скрежеташе. Господь же Бог и Владыка (...) сниде во ад (...) и спроверг ада и поим Диявола и сведе йи (его) в преисподняя Земли, во юдоль плачевную (...) И мертвыи востаха и възыграшася, слышавше трепетный глас

Спасов (...) Поим (взял) же Господь вся праведники и святые отцы и пророки и изведе их из ада» [3, с. 134-139].

Прочитав этот текст, мы узнаем, что ад – это не только крошечная, закрытая воротами бездна, но ещё и брат Дьявола, который наделён даром речи («и рече ад ко Дияволу»). Согласно утвердившейся ещё в Византии иконографии, ад символически изображается разломом земли, в недрах которого видны тайные адские «сокровищи» – непроглядное мрачное пространство преисподней.

Сочествие во ад на иконе производит впечатление смерча, пронёсшегося над адской бездной. Фигура Христа – стремительная, лёгкая и динамичная, цвета раскалённого железа, светится неземной мощью. Сын Божий всего лишь кончиками пальцев правой ноги попирает и сокрушает ад. Фигура Христа окружена ореолом (мандорла). Мандорла некогда символизировала только «славу» – сияние «светоносной благодати», но постепенно стала обозначать ещё и особое пространство – пространство не от мира сего, заполненное невидимыми ангелами – силами небесными. «Невидимые ангелы» условно изображены на иконе. Мы их видим благодаря тому, что при общении с иконой у нас открывается внутреннее, духовное зрение (для чего и предназначалась икона).

На иконе изображены три пространства: пространство ада, пространство не от мира сего, в котором находится Иисус (мандорла), и земное пространство, куда возвращаются воскресшие. (О сошествии Христа во ад повествовали воскресшие и явившиеся в городе Аримафее сыновья старца Симеона Харин и Лентий. Об этом рассказано в не вошедшем в канон Евангелии от Никодима, которое было хорошо известно и пользовалось авторитетом.) Под ногами Христа мы видим попанное Им адское пространство, в котором лежат рухнувшие и развалившиеся на две половинки врата адские, рассыпавшиеся «заклепы вратныя», ключи и сломанные замки.

Первыми Христос вывел из Ада Адама и Еву. Его правая рука протянута Адаму, левая – Еве. Пробела на одежде Христа стре-

мительным потоком струятся вверх, как языки пламени, что усиливает впечатление силы и сообщает фигуре Спасителя особую динамичность.

Впечатление, производимое этой иконой, трудно переоценить.

Теперь посмотрим на картину крупного итальянского художника Анджело (Аньоло) Бронзино (1503-1572) «Сошествие в ад» (рис. 6).

Бронзино работал в эпоху, когда идеалы искусства Высокого Возрождения отходили в прошлое и начались поиски чего-то нового. Это новое будет найдено позже и воплотится в искусстве барокко. Переходный стиль, в котором Анджело Бронзино преуспевал, был назван маньеризмом. В произведениях этого стиля можно видеть причудливость применённых художественных приёмов, перегруженность композиции, «игры» с перспективой. То, что стараются поднять на «островок». Юноша со

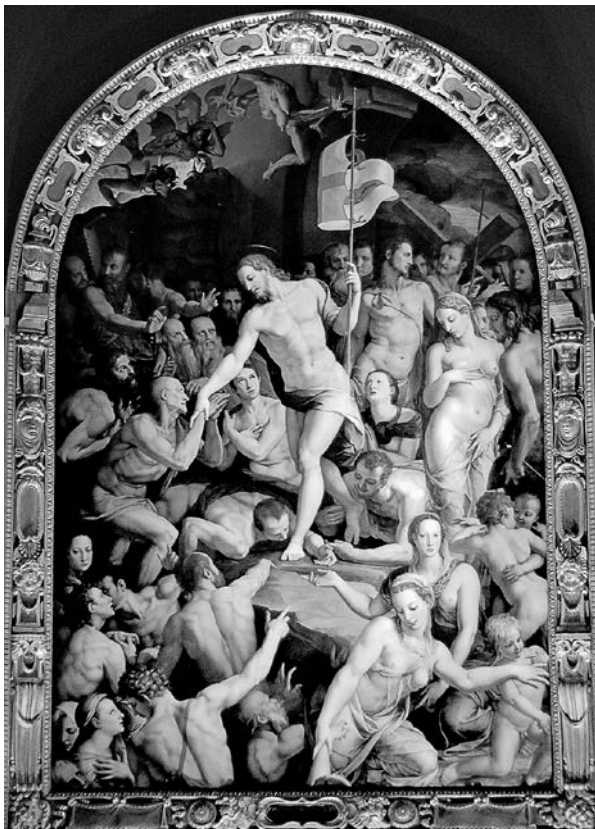

Рис. 6. Картина Анджело Бронзино «Сошествие в ад» (~1565 г.)

штанدارтом, олицетворяющий Христа, помогает старику (Адаму) подняться. У ног Иисуса в напряжённых позах застыли два человека, «выкарабкивающиеся» на «островок». Полуобнажённая женщина на переднем плане внизу справа – кто она? Кому она протянула руку? А стоящая за ней «на островке» обнажённая, разве Ева? Да и вообще, разве похожи все теснящиеся здесь люди на праведников, святых отцов и пророков? Техника, в которой написана картина, быть может, интересна. Но, вероятно, это и всё, что, не заставляя себя лукавить, можно сказать об этом произведении.

Ещё одним замечательным памятником псковской иконописи является икона «Успение Богородицы» XIII века (рис. 7).

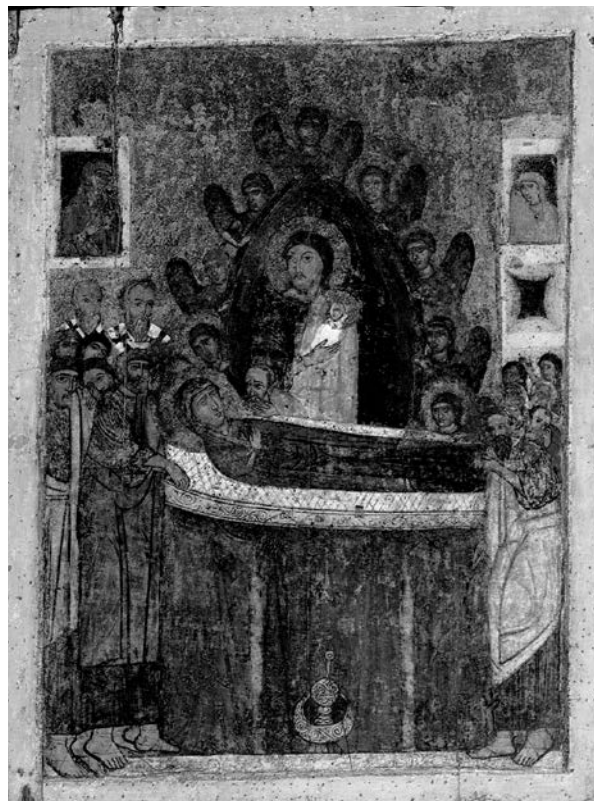

Рис. 5. Икона «Успение Богородицы» Псков, XIII век.

Согласно преданию, архангел Гавриил дал знать Богородице «скорое ея представление по триех днех быти имущее (...) Желаше же пречистая Владычица видети при своем преставлении святых апосто-

лов по вселенной разшедшихся (...)». И по Её желанию «ангелы восхитивше апостолов святых от конец вселенныя (...) от стран в них же проповедаша, внезапно при-несоша на облацех во Иеросалим». Апостолы получили возможность проститься с Богородицей и собрались у Её одра. Зажгли множество свечей, но «внезапу облиста храмину свет Божественныя славы неисповедимый от него же свещное светение померче...». Это к одру матери сошел Её Сын – Иисус.

На иконе мы видим усопшую Богородицу в окружении скорбящих апостолов. Маленькие ладони апостолов с тонкими пальцами выражают трепетность и деликатность в проявлении охвативших их чувств. Но апостолы остаются в земной жизни, и грузные ступни их ног тяжелы и устойчивы на поземе. Ложе, на котором покоится Богородица, светится – так изобразил передачу светлого и радостного приятия Ею успения. Ложе, на котором она возлежит, параллельно позему – воспринимается как указание на то, что заканчивается всего лишь земная жизнь Богородицы. Над Её одром возвышается фигура Иисуса Христа, в руках Которого в белоснежных пеленах младенец. Это душа Девы Марии. Крупная фигура Христа строго вертикальна. Этим символически утверждается противостояние и победа бессмертия в Царствии Небесном над упокоением и кончиной земной жизни. Это – «знамение (...) над смертью торжества». Очень важно обратить внимание на то, что апостолы Иисуса Христа не видят. Он – в мандорле, то есть другом пространстве, пространстве Царства Небесного, где отныне будет жить Матерь Божия. «Побеждают естества уставы о тебе, Дева чистая (...) и по смерти жива».

Икону «Успение Богородицы» было принято приносить в дом умирающего. Этот образ утешал и успокаивал: на иконе непрерываемо утверждается бессмертие души и вечная жизнь в ином мире. (Заметим, что на Руси было построено множество Успенских соборов.)

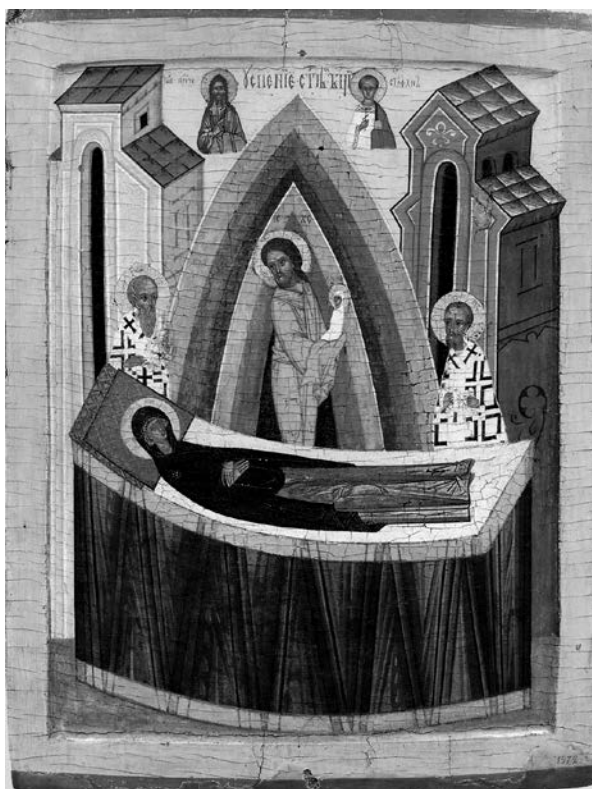

Рис. 8. Икона «Успение Богородицы». Новгород. XV в.

Очень ярко и выразительно показана победа бессмертия на новгородской иконе «Успение Богородицы» XV века (рис. 8).

А вот картина значительного нидерландского художника Хуго ван дер Гуса (1420/25–1482) «Смерть Марии» (рис. 9).

Картина очень печальна. Застыли у одра Марии апостолы. Их лица и их позы выражают растерянность, скорбь и отчаяние. Каждый из апостолов переживает кончину Мадонны по-своему, и это замечательно показал Ван дер Гус. Многокрасочности одежд апостолов противопоставлено белое помертвевшее лицо умирающей. Кисти её рук сложены, чтобы никогда больше не двигаться.

Над головой Девы Марии изображён в светлой мандорле Иисус. На ладонях Его распростёртых рук художник счёл необходимым отчётливо выписать стигматы. Христос опускается, чтобы взять душу Своей Матери.

Рис. 9. Картина Хуго ван дер Гуса
«Смерть Марии» (1470-1471 гг.)

В Европе мандорлу стали часто изображать в виде облака, и это стало традицией.

Картина Хуго ван дер Гуса написана с высоким мастерством. Она не может не вызвать чувства глубокой непреходящей скорби. А вот триумф бессмертия увидеть в ней мы вряд ли сможем.

Завершая сравнение икон и религиозных картин, хочется отметить ещё некоторые факты. На византийских и русских иконах «Распятие Иисуса Христа» у основания Креста чёрной краской изображался провал в адскую бездну, а в нём белой краской – череп. Череп обозначал прах первого человека – Адама, согласно преданию похороненного в земле Голгофы, то есть там, где потом был распят Христос. Кровь с пронзённых гвоздями ног Иисуса на иконах стекает на череп. Этим символизируется жертвенное искупление первородного греха. На европейских картинах череп перестали изображать в чёрном провале, его «вынесли» на поверхность земли недалеко от основания

Креста. Глубокий символический смысл этой «детали» был утрачен.

Заметим, что в некоторых частях предания, сформировавшиеся и принятые католической церковью, отличаются от преданий церкви православной. Например, в католической церкви принято, чтобы Иисус был прибит к Кресту тремя гвоздями (двумя – руки, одним – ноги), а в православной – четырьмя. На православных иконах изображается пещера, в которой был рождён Иисус, а на католических картинах – дом, который, согласно легенде, был построен на руинах дворца царя Давида и превращён в хлев.

Сравнение икон и картин, которое мы здесь провели, не следует понимать как противопоставление их друг другу. Важно увидеть и понять, что иконопись и живопись – это две разные грани мирового искусства.

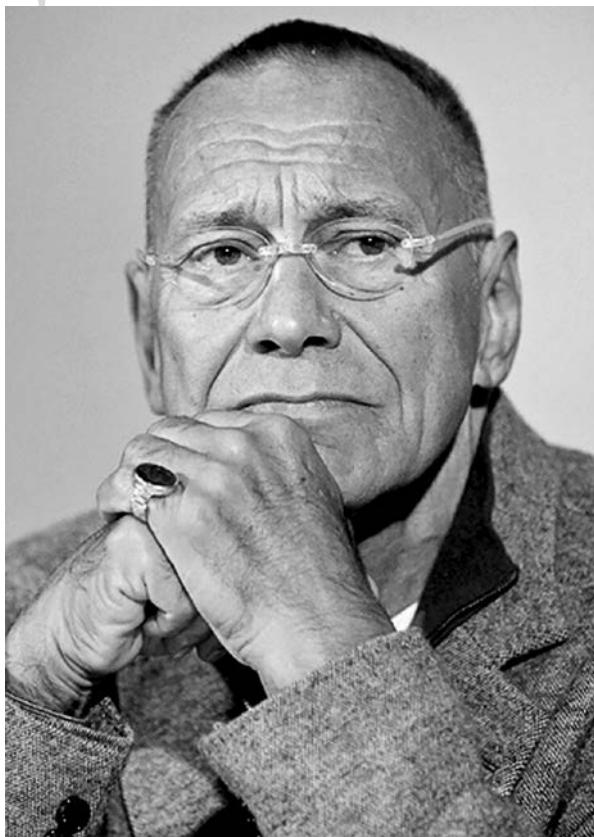
Иконопись на Руси продолжалась в течение семи столетий, была консервативной, строгой и исключительно глубокой в своей духовной сущности. Иконопись воплощает в красках откровение о том, что имеет неземную природу. И потому искусство Древней Руси является драгоценной ветвью мировой культуры, с которой мало что можно сопоставить.

Европейское изобразительное искусство развивалось и изменялось очень быстро и интересно. Менялись понимание задач и возможностей живописи и её техника. В европейском искусстве обозначился и получил развитие прагматический реализм, поскольку картины европейских художников неразрывно связаны с происходящим и переживаемым в реальном мире. Мы с интересом смотрим на картины, поражаемся правдоподобию того, что на них написано, и восхищаемся мастерством художников. И даже абстрактные картины мы принимаем, потому что они адресованы нашим чувственным зрительным переживаниям.

Мы, как правило, без труда понимаем содержание картин, но только с усилием пытаемся воспринять написанное на иконах. Здесь мы постарались дать представление о той основе, на которой создавался образ неизвестных житейскому человеческому опыту событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gerhard H. P The World of Icons. John Murray. London, 1971. 232 p.
2. Лоренцо Гиберти. Commentarii. Комментарии. Записки об итальянском искусстве / перевод, примечания и вступительная статья Андрея Губера. М.: ИЗОГИЗ, 1938. 104 с.
3. Книга, нарицаемая Страсти Христовы. (Напечатана полууставом.) Типография Супральской, 1794. 179 с.
4. Райгородский Л. Д. Беседы о русских иконах. СПб.: Глаголь, 1996. 124 с.
5. Микеланджело да Караваджо. Документы. Воспоминания современников / вступительная статья, составление и примечания Н. А. Белоусовой. М.: Искусство, 1975. 118 с.

Андрей Кончаловский
Режиссёр театра и кино, сценарист, продюсер, Народный артист России, награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, академик Национальной академии кинематографических искусств и наук, общественный и политический деятель. Президент киноакадемии «Ника».

ОТ ЧЁРНОГО КВАДРАТА – К ЧЁРНОЙ ДЫРЕ

В 1991 году неизвестный англичанин Дэмиан Херст купил за 5000 фунтов мёртвую акулу и отправил её в Лондон. Он опустил труп акулы в стеклянный куб и залил её формальдегидом. Своё произведение он назвал (обратите внимание, название должно быть достаточно заумным – А.К.) «Физическая невозможность смерти в сознании живущего».

В 2004 году эти «рыбные консервы» были куплены за 12 миллионов долларов американским коллекционером, который передал их в дар нью-йоркскому музею. Эта покупка сразу поставила Херста в ряд самых дорогих художников в истории, наряду с Кандинским, Малевичем и Джаспером Джонсом. Об этой, можно сказать, жульнической операции, ничего не

имеющей общего с искусством, пишут с восторгом, а Херст снискал славу «супермодного» продукта современной британской культуры.

Я не обвиняю Херста – для многих деньги сегодня важнее художественной ценности. Херст – отличный бизнесмен: фокус с трупом акулы может войти в учебники по маркетингу искусства.

Пару лет назад накануне вручения премии Тернера по результатам опроса среди пятисот самых влиятельных фигур в мире британского искусства произведением, оказавшим наибольшее влияние на искусство XX века, признан писсуар. Писсуар из белого фарфора стал шоком для неподготовленной публики, когда в 1917 году на выставке в Нью-Йорке экстра-

вагантный французский художник Марсель Дюшан водрузил его на пьедестал, обозвал «Фонтаном» и написал у него на боку один из своих псевдонимов – R. Mutt, что в переводе означает «дурак». И, главное, он не моргнув глазом заявил, что это – искусство.

Сантехнический «Фонтан» с автографом Дюшана был признан самым значительным произведением современного искусства, набрав 64% голосов, оставив далеко позади картину Пикассо «Авиньонские девушки» – первый опыт в кубизме, некогда слывший величайшим шедевром современного искусства.

О чём это говорит – это что, развитие или упадок? Европейское искусство кончилось или открывает новые горизонты?

Отмечу, что подобное предрекал в 1918 году немецкий философ и теоретик культуры Освальд Шпенглер в своей работе «Закат Европы»: «Всякое искусство смертно, не только отдельные творения, но и сами искусства. Настанет день, когда перестанут существовать последний портрет Рембрандта и последний такт моцартовской музыки – хотя раскрашенный холст и нотный лист, возможно, и останутся, так как исчезнет последний глаз и последнее ухо, которым был доступен язык их форм...» В этом смысле европейское искусство ещё пока воспринимается, но оно больше не воссоздаётся.

Что случилось и как это произошло?

Если Борис Пастернак когда-то писал о славе: «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь...», то те времена прошли, и сегодня призыв к скромности звучит как наивный бред. Сегодня «быть НЕизвестным некрасиво». Сегодня важно, чтобы в изобразительном искусстве просто выжить, стать известным – любой ценой! Я не шучу – ЛЮБОЙ!

Если ради известности «художник», простите, готов публично прибить гвоздями свои гениталии к мостовой Красной площади или выставлять изображение религиозной направленности, обвешав его слоновьим калом, – выходит, любая цена годится! Кстати, о последнем кощунственном «произведении»: после скандальной выставки

его автор продаёт свои «работы» с фекалиями по 400 тысяч долларов!

Вот что пишет, например, корреспондент журнала «Власть» Кира Долинина о том, как должен действовать современный русский художник, чтобы его работы покупали.

«Времена, когда хороший художник был бедным, ушли безвозвратно. Любителям изобразительного искусства, воспитанным на кровавых и слёзных историях несчастных, пьяных, сумасшедших, гонимых и непонятых гениев вроде Ван Гога, Модильяни, Малевича, Татлина, нелегко бывает с этим смириться. Но современные художники точно знают, что если даже Шагал, Матисс и Кандинский могли себе позволить быть вполне обеспеченными людьми, то после Энди Уорхолла не быть таковым в цивилизованном художественном мире стало почти неприличным.

Самый старый, короткий и эффективный путь к коммерческому успеху – это скандал. С пощёчин общественному вкусу начинали почти все русские авангардисты, чьи работы теперь входят в топ-лоты мировых аукционов...»

Я задался вопросом: был ли момент, когда европейское искусство от пренебрежения к рыночным ценностям «съехало» на торгашеский расчёт, в какой манере я должен творить, чтобы быть успешным? Каким образом эти спекулятивные, чисто коммерческие идеи стали откровенно завладевать художественным миром? Ведь для творца его свобода, его эстетические принципы должны быть дороже всего. Именно фанатическое служение своим художественным взглядам и вынуждало таких гениев как Сезанн, Ван Гог, Врубель, Коровин жить постоянно в нужде.

Конечно, находились меценаты, которые чувствовали в их полотнах какое-то волшебство и дальновидно приобретали их, но по мизерным ценам. Почему по мизерным? Потому что в те времена об их картинах тогда не сложилось ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, и поэтому их не покупали. Они не были ТОВАРОМ.

Когда произведение искусства стало товаром, тогда и начался процесс замены художественной ценности рыночной стоимостью.

Этот процесс, в котором рынок победил искусство, занял где-то три века.

Но сначала попробую определить и понять, что такое искусство.

«Искусство – это знание, выраженное словесными или материальными образами. Знание, которое помогает человеку понять и осмыслить окружающий его мир и способствует его внутреннему росту». Можно добавить, что искусство – это попытка выразить своё отношение к окружающей нас реальности. Всё наше сознание является только выражением нашего восприятия этого окружающего мира. Поэтому издревле, с тех пор, когда человек ещё только начал изображать в материальных и словесных образах этот мир, человек всегда пытался выразить то, что его волновало.

Простому, самому необразованному человеку вообще свойственно представление о красоте, свойственно любить природу, людей гармонически сложенных. Представление о красоте у каждого человека заложено с самого детства, и не нужно много слов, чтобы понять и ощутить красоту неба, воды, деревьев.

Чему должно отвечать искусство? Четырьём условиям.

Первое – талант, дар Божий. Талант художника – увидеть нечто, что не видят другие, и в чувственной форме передать это нам.

Как говорил Толстой – искусство есть сообщение чувства. Без таланта, без способности чувствовать художника не существует. Поэтому иногда люди неграмотные, но страстно влюблённые, например, переписывают любовные стихи других поэтов, чтобы выразить свои чувства. Они хотели бы написать собственные стихи, но им, как говорится, «не дано». С этой точки зрения, великий Пушкин, если бы он был однолюбом, вряд ли смог написать такое количество любовной лирики. Он влюблялся, и это выражалось в сообщении своих чувств в поэтической форме, которые становились понятны каждому.

Японцы говорят ещё, что для художника достаточно «увидеть» картину, но обязательно её запечатлеть. Если вы способны «увидеть», вы – уже художник.

Второе условие для существования искусства – это мастерство. «Почувствовать» мало, надо уметь «выразить». Для этого необходимо мастерство. И если талант бывает от рождения, то мастерство – это постоянный труд. Поэтому большой художник, даже когда он гениален, для овладения мастерством должен упорно трудиться.

Мастер – это тот, кто умеет делать нечто, что другой не может. У китайцев секреты мастерства ремесленников и нетрадиционные методы лечения передаются из поколения в поколение. И настоящий мастер может появиться только в пятом поколении. До сих пор в Китае врач, который себя ценит, может с гордостью насчитать до десяти предшествующих поколений врачей.

Как миф о Трое, доведённый до совершенства Гомером, передавался из века в век, так передаются мастерство резчиков по кости в Китае, искусство хохломской росписи, дымковской игрушки.

В школах Тициана, Веронезе, чтобы стать художником, надо было учиться всю жизнь.

Искусные люди испокон веков ценились на вес золота – ювелиры, поэты, картографы. Их брали в плен, в рабство, но никогда не убивали, им создавали хорошие условия, чтобы они могли творить. Поэтому можно увидеть персидские мотивы в египетской пирамиде, арабские узоры в европейском искусстве. Эти художники создавали штучный, уникального качества продукт, ему можно было подражать и самим расти, подражая. Вопрос о количестве никогда не ставился, как раз наоборот: каждый феодал, герцог или Папа стремились иметь то, чего нет больше нигде на свете.

И сейчас на рынке в Китае можно увидеть вырезанные на орехе и слоновой кости фигурки – сколько веков традиции и мастерства стоит за это фигуркой? Художественная ценность этого произведения огромна, а рыночная стоимость – пять копеек.

Третье условие для создания произведения искусства – сообщение чувства прекрасного. Это некая высокая идеальная цель, мысленный образец совершенства, которым всегда пронизано творчество большого художника.

С конца XIX века в европейском искусстве наметилась явная тенденция разрыва со своими историческими корнями и традициями. Это непреодолимое желание уничтожить прошлое, избавиться от традиции как от чего-то ненужного, собственно, избавиться от всей предыдущей культуры, стало доминирующим к началу XX века.

Помните, у Маяковского: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь... пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм»? Этот сознательный разрыв с традицией привёл искусство Европы к закату, о котором писал 100 лет назад немецкий философ Шпенглер.

Но разрыв с традицией не происходил сам собой, он был мотивирован какими-то более сложными общественными и экономическими процессами в Европе и России. Это процесс возникновения рынка искусства, того, что называется арт-рынком.

Попробую изложить мой взгляд на возникновение рынка искусства.

Во времена Возрождения знать, которая спонсировала, поддерживала художников, никогда не заказывала работу с целью продажи.

Аристократы и могущественные Гильдии либо украшали картинами, скульптурами и росписями свои палаты, увековечивая свои имена; создавали с помощью произведений искусства общественно значимые здания – соборы, ратуши, собственные дворцы, где фрески и росписи подчёркивали могущество Имени или Города. Микеланджело, Леонардо делали свои работы по заказам, и целью заказчика не было превращение этого в товар, а лишь желание иметь уникальный предмет искусства в своём личном распоряжении. В эпоху Ренессанса рынок был ограничен властью имущими, знатью.

С появлением класса буржуазии, представителей которого было гораздо больше, чем аристократов, потребность в производстве искусств возросла, и возникла востребованность большего числа профессионалов – художников. Как только возник спрос, возникло и предложение. Тематика изобра-

зительного искусства изменилась – в моду вошли бытовые сцены из жизни ремесленников и буржуа. Менялись и цены на произведения искусства.

Но цены формировались стихийно, до тех пор пока в XVIII веке в Европе национальные Академии художеств не стали законодателями моды. Например, парижская Академия изящных искусств «держала» французский арт-рынок чуть ли не три века, пока с 1884 года её официальный салон не затмил «Салон независимых», где стали выставляться импрессионисты. Ведь такой салон (или академическая выставка) был не просто экспозицией – картины, отобранные выставочной комиссией Академии, продавались по более высоким ценам.

Российская академия художеств в XIX веке периодически устраивала распродажи картин своих учеников, а полотна профессоров, которые приглянулись императору, любой мог приобрести с академических выставок. Альтернативной площадкой для покупки живописи в России были выставки «Передвижников». Правда, такие опытные коллекционеры, как Павел Третьяков, покупали полотна ещё непросохшими, в мастерских прямо «с мольбертов».

На мой взгляд, торговец искусством в современном смысле слова возник с появлением рынка. Торговец старается продать дорого то, что купил «по дешёвке». Но продать что-то по более высокой цене можно лишь создав ажиотаж, интерес, моду. Для этого торговец воспользовался услугой критиков, которые могли навязать аудитории нужную оценку и таким образом формировать моду на ту или иную тенденцию в искусстве.

Рынок искусства – сложная система, интегрирующая функции различных его компонентов: художников, аукционеров, галерей, музеев, дилеров, коллекционеров, предпринимательских и финансовых кругов, средств массовой информации, политиков, экономистов, таможи и налоговой инспекции. Как сказал один владелец галереи: «Рынок искусства – это категория не эстетическая, а экономическая».

Сегодня масс-медиа формируют спрос и, зачастую, цены на те или иные произведения. Кто-то правильно заметил, что рынок

искусства похож на терроризм: оба не могут существовать без СМИ.

До Интернета и СМИ, начиная от Моисея и кончая Шаляпиным, Крючковым или даже Солженицыным, ценности вырабатывались поколениями. На их взращивание уходили столетия. Они создавались поколениями творцов, поэтов, художников, мыслителей. Они утверждались в обыденном сознании именно как ценности всеобщие, присущие цивилизации в целом. Эта постепенность их создания и вставания в жизнь и делала их такими устойчивыми.

Сегодня «ценности» могут быть созданы по заказу платёжеспособной корпорации или частного инвестора. Тех, кто заинтересован в их распространении, ожидает от этого идейные или материальные дивиденды и платит за свои будущие выгоды. То есть отныне ценности не вырабатываются изнутри общества – они внедряются в него извне.

Сегодня может почитаться ценностью толерантность, завтра – бескомпромиссность, послезавтра – самодовольный гедонизм. Соответственно будут пропагандироваться и имиджевые фигуры, эти ценности воплощающие. Сегодня – одно имя, завтра – другое, а послезавтра, если это коммерчески выгодно, третье.

Маркетинг стал главной движущей силой развития цивилизации, ибо сила маркетинга в том, что качество товара менее важно, чем качество его рекламы: важен результат, измеримый полученной прибылью.

Для художника во все времена проблема свободы творчества сталкивается с требованием заказчика или цензуры. И часто нужно жертвовать своей индивидуальностью во имя гонора или идеологии.

Микеланджело, расписывая Сикстинскую капеллу, не творил, что вздумалось, а должен был соотносить свои замыслы с требованиями церкви и лично заказчика – Папы Юлия II. Но в те времена цензура следила за содержанием произведения, за его контекстом, а не соблюдением принципов живописи или скульптуры. Да и сам художник, будь ты всеми признанным гением, как правило, рассматривался как наемный artisan.

Но именно во времена Возрождения в Европе возникает понятие индивидуальности, личности, свободного творца. Просветители Руссо и Вольтер призывали к освобождению человека от всех уз – социальных и религиозных. Свобода Воли, данная человеку Богом, провозглашённая в христианской этике, была той почвой, на которой возник антропоцентризм – т.е. помещение человека в центр вселенной как высшее достижение природы. Антропоцентризм или Гуманизм медленно формировали новое мировоззрение, которое бросало вызов религиозным догматам и к концу XIX века привело к секуляризации общества.

По мнению Солженицына, именно в безоглядном стремлении к освобождению от всяких уз, в том числе и религиозных, кроется коренная, органическая причина совершающегося падения европейской культуры – в том, что из-за безбожия культура выдохлась.

«Уже несколько веков всё более овладевал умами просвещённого человечества – антропоцентризм, благовиднее названный гуманизмом, а в XX веке переросший уже в гуманизм едва ли не тоталитарный. Но самоуверенный антропоцентризм не может дать ответов на многие насущные вопросы жизни, и тем он беспомощнее, чем эти вопросы глубже.

Из системы человеческих представлений и мотивировок всё разрушительнее изымается духовная составляющая. От этого исказилась вся иерархия ценностей, исказилось понимание сущности самого человека и его жизненных целей. Одновременно человек всё более выпадал из ритма, из дыхания Природы, Вселенной».

Призывы первых европейских гуманистов распространились не только на философию и политику, но и на принципы творчества. Образ мятежного, свободного, не связанного никакими узами творца, противопоставляющего себя обществу, утверждается в Европе как модный идеал.

Одним из первых идолов молодёжи становится Лорд Байрон, прекрасно сознающий свою популярность и умело поддерживающий образ мятежного поэта, анархиста и романтика, который мог всё – переплыть Дарда-

неллский пролив, курить опиум, участвовать в революции и не скрывать увлечения гомосексуализмом. Недаром этот легендарный образ так пленил Пушкина, который жадно читал французские и английские газеты... Новость – газеты – массовая информация!

Когда в Европе в XVIII веке с развитием буржуазии появились газеты, бурно росли тиражи, издатели очень скоро поняли, какое влияние они могут оказывать на общественное сознание, как эффективно можно им манипулировать и – главное – создавать героев и мифы по своему выбору. Так начало возникать искусство формирования моды на личность, на тип поведения – PR.

К концу XIX века байроновский Чайльд Гарольд трансформируется в новый архетип. Популярным, соблазняющим общество образом становится «poetemaudit» (проклятый поэт) – непризнанный гений, который прибыл из экзотических стран или из тюремного заключения, имеет шрамы и живёт в нищете, в надежде быть открытым каким-нибудь зорким знатоком искусства и представленным публике... Такими были Бодлер, Гоген, Верлен, Рембо, Модильяни, Ван Гог и т.д. На мой взгляд, в какой-то степени в России эту тенденцию, идущую от Чаадаева, Пушкина, Лермонтова, подхватили Бальмонт, Блок, Гумилёв, Врубель...

В процессе развития масс-медиа был выработан постулат, что для того, чтобы в информационном потоке на тебя обратили внимание, нужен скандал. Потребность скандала на рынке возникла на рубеже XIX-XX веков сначала в Европе, а затем довольно быстро в России.

Я прихожу к печальному выводу, что радикализация искусства в XX веке была мотивирована для художника не потребностью расширить свои рамки представления о мире, а требованиями рынка. Это было стремление не к идеальному, искреннему желанию выразить своё ощущение действительности, а к рационально осознанному намерению шокировать общественное мнение и стать товаром. Из творчества исчезала драгоценная искренность в поисках своего языка, на смену ей пришёл достаточно холодный расчёт поис-

ков «нового», а по сути «товарного» продукта. А так как погоня за новизной стала главной – то здесь и начинается разрыв художника с мировой традицией.

В 1910 году в «Салон де Индепенданс» в Париже было выставлено полотно «Закат над Адриатикой» кисти Боронали. Австрийский коллекционер приобрёл его после того, как получил рецензию экспертов, что это полотно принадлежит яркому представителю экспрессионистской школы. Через некоторое время Ролан Доржеле и группа художников выяснили, что полотно было создано... ослом. Художники привязали кисточку к ослиному хвосту и кормили животное морковкой. Осёл радостно махал хвостом по подставленному полотну, и получилась абстрактная картина ... «Боронали» было переименовано именем Алиборон ослика из басни Ля Фонтэна. Скандал был ошеломительный, успех тоже!

Марсель Дюшан, спустя 50 лет после успеха своего «Фонтана», не без презрения написал: «Я швырнул им в лицо писсуар, и теперь они восхищаются его эстетическим совершенством». В этой фразе – откровенное признание художника: молодой Дюшан не собирался выразить своё представление о постижении красоты, ему нужен был плевком в лицо зрителю, чтобы возникла сильная реакция...

Тогда же, на рубеже двух веков, начался конфликт между теми, кто хотел оставаться в пределах художественных поисков ради истины, и теми, кто начал искать наиболее коммерческие формы своего творчества.

В России этот процесс был очень ярко выражен. В 1912 году группа русских художников отделилась от известного объединения «Бубновый валет» и организовала две своих выставки (в Москве и Петербурге), известные как «Ослиный хвост». Такое эпатазирующее по тем временам название получила и сама группировка во главе с М. Ларионовым, в которую вошли также Н. Гончарова, К. Малевич, В. Татлин, М. Шагал, Л. Попова, О. Розанова, Н. Удальцова и другие.

Название должно было подчеркнуть бунтарский характер участников. Некоторые из них (Ларионов, Гончарова) стали «лучистами»,

обратившись к традициям русской иконописи и лубка, но большинство образовало течение, названное «кубофутуризмом», которое оказалось близким западноевропейским модернистским направлениям. «Яркие живописные дарования Ларионова и Гончаровой, – вспоминал П. П. Кончаловский, – естественно, делали их нашими союзниками, но в отношениях к искусству у нас была большая разница... Группа Ларионова, Гончаровой и тогда уже мечтала о славе, известности, хотела шумихи, скандала».

А вот как пишет об этом Бенедикт Лифшиц в «Полутороглазом Стрельце».

«Не прошло двух недель с закрытия «Бубнового валета», как открылся предвозвещённый скандалом на диспуте, «кулуарными слухами» и серией газетных заметок «Ослиный хвост». Кроме Ларионова и Гончаровой, в выставке участвовали Малевич, Татлин, Фон-Визен, Моргунов и другие. Уже на вернисаже мнения публики раскололись: одни считали «Ослиный хвост» левее «Бубнового валета», иные, напротив, правее.

Это могло бы послужить лишним раз доказательством понятий «правизны» и «левизны» в искусстве, если бы не свидетельствовало главным образом о полном невежестве обывателя, для которого «Ослиный хвост», как и «Бубновый валет», был лишь очередным аттракционом.

Через три года в Петербурге на футуристической выставке «0,10» на самом видном месте, в так называемом «красном углу», где в русских домах обычно вешают иконы, висел «Чёрный квадрат на белом фоне» Казимира Малевича. Во время выставки художник заявил: «Это не живопись, это что-то другое», таким образом сообщив о своём намерении «зарезать искусство живописное, уложить его в гроб и припечатать Чёрным Квадратом».

Не могу удержаться и не процитировать блестящее эссе Татьяны Толстой, я вряд ли напишу лучше.

«Малевич сознательно вывесил чёрную квадратную дыру в сакральном месте: свою работу он назвал «иконой нашего времени». Вместо «красного» – чёрное (ноль цвета), вместо лица – провал (ноль линий), вместо иконы, то есть окна вверх, в свет, в вечную жизнь – мрак, подвал, люк в преисподнюю, вечная тьма... Художник «послеквадратной» эпохи, художник, помолившийся на квадрат, заглянувший в чёрную дыру и не отшатнувшийся в ужасе, не верит музам и ангелам; у него свои, чёрные ангелы с короткими металлическими крыльями, прагматичные и самодовольные господа, знающие, почём земная слава и как захватить её самые плотные, многослойные куски.

Ремесло не нужно, нужна голова; вдохновения не нужно, нужен расчёт.

Люди любят новое – надо придумать новое; люди любят возмущаться – надо их возмутить; люди равнодушны – надо их эпатировать: подсунуть под нос вонючее, оскорбительное, корбящее. Если ударить человека палкой по спине – он обернётся; тут-то и надо плюнуть ему в лицо, а потом непременно взять за это деньги, иначе это не искусство; если же человек возмущённо завопит, то надо объявить его идиотом

и пояснить, что искусство заключается в сообщении о том, что искусство умерло, повторяйте за мной: умерло, умерло, умерло».

Художник окончательно сменил цель: с постижения красоты окружающего его мира, он переключился на новую цель – возмутить общественное мнение! Здесь, на мой взгляд, и находится тот момент, когда европейская культура рухнула с высоты своего пьедестала.

Вот, например, предположу, каким образом Пикассо «нежного периода» – розового и голубого периодов – вдруг стал таким уродливым кубистом.

Интересно, что возникновение кубизма было основано на неправильном понимании выражения Сезанна.

В 2008 году газета «Таймс» напечатала очень интересную статью «Непонятый Сезанн». В ней цитировалось письмо Поля Сезанна молодому художнику от 1904 года, в котором он излагал своё творческое кредо: «Трактуйте природу посредством шара, конуса, цилиндра...» Этот совет стал символом кубизма, который произвёл революцию в западном искусстве в начале XX века и проложил путь к абстрактной живописи.

Профессор Джон Хаус из лондонского Института Искусств Курто, исследователь творчества Сезанна, замечает: «Эта цитата постоянно повторяется вне контекста, в качестве оправдания всего, вплоть до уничтожения основных форм... Но Сезанн говорил совсем противоположное». «Сезанн имел в виду, – говорит Джон Хаус, – что необходимо начинать с рассмотрения искусства с простых форм, но потом, когда вы станете опытнее, вы сможете увидеть природу в более сложных условиях. Сезанн, конечно, не видел природу только с точки зрения сферы, цилиндра и конуса...»

Но упрощение формулы привело к искажению мысли Сезанна. Возникает крамольная мысль, что Пикассо, который называл Сезанна «моим единственным и только учителем», сознательно извратил Сезанна ради расшатывания его эстетики. В конечном счёте, ради скандала.

Если продолжить эту логику, то можно предположить, что возникновение нового течения – кубизма – было продиктовано потребностями рынка в новом течении! Рынку нужен был скандал.

В 2005 году 20 рисунков Пабло Пикассо были проданы на аукционе в Париже почти за 2 млн долларов. Работы были выставлены на торги Женевьевой Лапорт, состоявшей два года в тайной любовной связи с художником. Почти на всех рисунках – прекрасная обнажённая женщина, совершенно не похожая на кубических уродливых женщин Пикассо. Один критик в Англии даже заметил с грустью, что для себя Пикассо предпочитал свои голубой и нежный «женевьевский» период, а для рынка должен был писать портреты женщин, с которыми вряд ли он согласился бы иметь роман.

Пикассо как-то признался: «Художник – это человек, который пишет то, что можно продать. А хороший художник – это человек, который продаёт то, что пишет...».

Не думаю, что Малевич стал бы «товарным знаком», если бы «Чёрный квадрат» был не замечен и не вызвал бы скандала. И если на рынке искусства картина Энди Уорхола, на которую он всего лишь помочился, продаётся за 10 миллионов долларов, то это цена не шёлка со следами мочи, который не имеет никакой художественной ценности, а цена торговой марки «Энди Уорхол».

Собственно, создание торговой марки и есть задача маркетолога для продвижения товара на рынок. Товарная марка с заслуженной репутацией – это гарантия качества. Будь то макароны или Гоген! Так имя художника, «раскрученное» арт-дилером при помощи прессы, отчуждается от его творений и приобретает рыночную стоимость само по себе.

Солженицын пишет об этом: «Разрушение и оказалось апофеозом этого штурмующего авангардизма: разрушить всю предыдущую многовековую культурную традицию, резким скачком сломить и нарушить естественное развитие искусства. И этого надеялись достичь... погоней за новизной форм как главной целью, притом снижая требования к своему мастерству даже до неряшливо-

сти, до примитивности, а то и с затемнением смысла – до зауми.

Оттого повышенное значение приобретает игра – но не моцартианская игра радостно-переполненной Вселенной, а натужная игра на пустотах, и у художника нет ответственности ни перед кем в этих играх. Отказ от каких-либо идеалов рассматривается как доблесть. И в этом добровольном самозаморочивании «постмодернизм». Сегодня Западная мировая культура, конечно, в кризисе, и глубококом.

Новейшие направления в искусстве думают обскакать этот кризис на деревянной лошадке «игровых приёмов»: мол, изобрести ловкие, новые, находчивые приёмы – и кризиса как не бывало. Напрасные расчёты: на пренебрежении высшими смыслами, на релятивизме понятий и самой культуры – ничего достойного не создать. Здесь просвечивает, но не светом, а багровостью, нечто большее, чем явление только внутри искусства...».

Сегодня художники до конца освоили стратегию маркетинга и основные усилия тратят не на создание произведений искусства, а на создание популярной торговой марки, того, что называется «label». Однако если производители макарон «Барила» озабочены тем, чтобы потребители их товара не отравились, то в искусстве это не обязательно – даже наоборот.

Американский писатель Том Вульф так отзывался о современном изобразительном искусстве Америки в статье «Раскрашенное слово».

«Передо мной высказывание главного искусствоведа газеты «Нью-Йорк таймс», где чёрным по белому написано: «Не иметь убедительной теории, когда глядишь сегодня на картину, значит не иметь чего-то решающе важного». Перечитываю. Да, именно так, не «чего-то весьма полезного», или «обогащающего восприятие», или даже «чрезвычайно ценного», а «решающе важного».

Одним словом, в наши дни без сопроводительной теории я не смогу увидеть произведение живописи: «Мода на модернизм предъявляла к теории всё новые требования. Каждое новое движение, каждый новый «изм» в модернистском искусстве являли

собой декларацию художников о том, что ими открыт новый способ видения, который не способны понять все прочие (читай: буржуа).

«Мы понимаем!» – уверяли «тонкие знатоки», отмежёвываясь тем самым от толпы непосвящённых. Но что же всё-таки видели эти художники? Вот тут-то и брала слово теория. Если лет сто назад теория искусства являлась чем-то таким, что обогащало вашу беседу на разные культурные темы, то теперь она стала абсолютной необходимостью.

Однако лишь после второй мировой войны Теория получила полное признание и заняла более важное место в искусстве, чем сама живопись и сама скульптура. Итак, наконец-то свершилось! Покончено с реализмом, предметностью, линиями, цветами, формами и контурами; покончено с красками, мазками, рамами, стенами, галереями и музеями. Осталось раскрашенное слово!»

Абсурд этого торжества можно легко доказать одним примером – Дэмиану Херсту достаточно взять клочок использованной по назначению туалетной бумаги, поместить в красивую раму и, главное, подписать! Этого достаточно, чтобы считать содеянное авторским произведением искусства, и оно может быть продано за немалые деньги.

Солженицын заметил тридцать лет назад: «Уже несколько десятилетий в мировой литературе, музыке, живописи, скульптуре проявляется упорная тенденция не в рост, а под уклон, не к высшим достижениям человеческого духа и мастерства, а к разложению их в дёрганой и лукавой «новизне»...Если мы, создатели искусства, покорно отдадимся этому склону вниз, если мы перестанем дорожить великой культурной традицией предшествующих веков и духовными основами, из которых она выросла, – мы поспособствуем опаснейшему падению человеческого духа на Земле, перерождению человечества в некое низкое состояние, ближе к животному миру».

Не верится, что мы это допустим.

Использованы материалы сайта Русская служба BBC News <https://www.bbc.com/russian>

Епископ Митрофан (Баданин) Митрополит Мурманский и Мончегорский

Исследование епископа Митрофана (Баданина), правящего архиерея Североморской епархии, что на берегах Кольского полуострова, ныне митрополита Мурманского и Мончегорского, посвящено серьёзным проблемам современного духовного состояния нашего народа. Речь идёт о ненормативной лексике, нецензурной брани. Это явление, к сожалению, стало обыденным фоном нашей жизни и беспрепятственно продолжает страшную работу по разрушению духовного и физического здоровья людей.

В статье рассказывается об истоках этой беды, о древних языческих корнях русского мата, его магической энергетике и о необходимости возвращения к нашим истинным духовным ценностям.

ПРАВДА О РУССКОМ МАТЕ

Слово спасения

Смерть и жизнь – во власти языка.

Притчи Соломона, 18, 22.

В январе 1994 года группа разведки нашего спецназа ВДВ, уходя от преследования отрядами чеченских сепаратистов, укрылась в полуразрушенном здании Госуниверситета в Грозном, что недалеко от знаменитой площади Минутка. Здесь на одном из этажей спецназовцы обнаружили бойцов нашей пехоты – это были пацаны-«срочники» с капитаном во главе. Объединившись и заняв в здании круговую оборону, наши ребята вступили в тяжёлый бой. Была надежда, что соседи услышат звуки боя и придут на выручку. Со своей неразлучной СВД лейтенант Кравченко делал всё, что

могло зависеть от отличного снайпера. И хотя эту работу он делал весьма успешно, ситуация неумолимо ухудшалась. Огонь и натиск «духов» нарастали, а наши возможности таяли.

«Через сутки стало понятно: подмоги не будет. Патроны практически у всех уже закончились, и нас всё сильнее стало охватывать чувство обречённости, предчувствие неминуемой страшной развязки. И вот тогда я, наверное, впервые в жизни так явно, напрямую, взмолился к Богу: «Господи, сделай так, чтобы мы сумели вырваться живыми из этого ада!

Если останусь жив – построю Тебе храм!”.

Тут же пришла мысль: надо решаться на прорыв и как можно скорее. Мы, офицеры, хорошо понимали, что эта отчаянная попытка вырваться безнадежна и, по сути, безумна, тем более с такими “вояками-срочниками”, совсем ещё детьми. Максимум, на что мы надеялись, так это на то, что, может, хоть кому-то удастся прорваться и остаться в живых. Может, потом хоть расскажут о нас...

Все приготовились к этому броску в вечность. Вокруг нас враг непрестанно голосил свои заклинания “Аллах акбар!”, давя на психику и пытаясь парализовать волю.

И тут мы как-то разом решили, что будем кричать наше русское “Христос Воскресе!”. Это было странное, подсказанное извне решение. Не секрет, что во всех крайних, предельных ситуациях войны мы обычно орали диким, яростным матом. И вдруг совсем противоположное – святое: “Христос Воскресе!”. Эти удивительные слова, едва мы их произнесли, неожиданно лишила нас страха. Мы вдруг почувствовали такую внутреннюю силу, такую свободу, что все сомнения улетучились. С этими словами, закричав что есть мочи, мы бросались в прорыв, и началась страшная рукопаш-

ная схватка. Выстрелов не было. Лишь звуки жутких ударов и хруст, боевые выкрики, брызги крови, предсмертные хрипы и стоны заколотых и задушенных “духов”.

В результате мы все прорвались. Все до единого! Да, мы все были ранены, многие серьёзно, кое-кто и тяжело. Но все были живы. Все потом попали в госпитали, но все и выздоровели. И я точно знаю, что, если бы пошли на прорыв с нашим традиционным матерным криком, – не прорвались бы, все бы там легли.

Я стал священником и сейчас строю храм, работаю там же, в войсках. И теперь хорошо понимаю, что от слова, наполненного силой Божией, больше противника поляжет, чем от пули снайперской. И ещё, что самое главное: тем же словом Божиим я теперь больше людей спасти смогу...».

Так почему же столь прилипчиво матерное слово и почему так трудно бывает отказаться от него? Что за сила живёт в этих грязных словах? Откуда она черпается, где истоки той чёрной энергетики, воздействие которой ясно чувствует как сам матерящийся, так и объект его матерных поношений?

Пора сказать правду о русском мате.

«Культурная традиция»

Много чего печального приключилось с нашей Родиной в прошедшем XX веке. Каких только социальных и экономических экспериментов, равно как и духовных опытов, не было поставлено над русским народом, какие только он не пережил войны... Пагубные последствия этих испытаний довлеют над нами и поныне, отравляя жизнь. Среди «наследия мрачных времён» оказалась и эта – особо прилипчивая – зараза, которая постепенно вошла в наш быт, в мозги и душу, цинично претендуя на часть российской культурной традиции.

Тяжёлое, грязное слово мата почти победило российский народ. Грех языка, грех похотливых, скабрезных слов, по сути, обрёл в России статус нормы и уверенно и нагло претендует

на некий героический «символ» российской духовной традиции. На этом нашем печальном заблуждении успешно спекулируют националистические силы бывших республик СССР, умело разыгрывая, надо признать, справедливое утверждение: «Жить с Россией – значит жить в матерщине», «В России матом не ругаются – на нём разговаривают» и т.п.

И действительно, матерное слово отвоёвывает себе всё новые территории, на которые совсем недавно вход ему был заказан. Ещё в 60-70-е годы XX века молодые люди не позволяли себе «крепких» выражений в присутствии девушек, строго оберегая девичий слух от этой грязи. Тогда ещё срабатывал инстинкт сохранения рода, забота о здоровом потомстве.

Каким будет потомство, можно себе только представить, слыша, как будущие мамы без стеснения стремятся перещеголять парней в умении материться. Нередко современная девица запросто поливает словесной грязью своих ещё не родившихся чад, а потом будет удивляться, за что Господь наказывает её скорбными обстоятельствами незадавшейся жизни. И уж вряд ли такое повреждённое грехом чадо будет утешением ей в старости.

Что же такое, собственно, есть мат? Мат, с духовной точки зрения, – это антимолитва. Через матерные слова происходит поклонение «князю тьмы», и, как следствие, человек отступает от Бога. При этом, конечно, чувствует эту чёрную энергию, и она его возбуждает. Матерящийся притягивает силы зла и доверяется им. Эта разрушительная энергия обладает способностью вызывать

в человеке привыкание, зависимость наподобие наркотической. Привычка к мату во многом носит характер зависимости от наркотического вещества: человек уже не может жить без подобной подпитки, но плата за этот допинг непомерно велика – он лишает себя помощи Божией.

Даже когда человек искренне стремится избавиться от этой зависимости, он вынужден прибегать в своей речи к словам-заменителям типа «блин» и т.п., точно так, как отвыкающие от алкоголя взамен подчас пьют крепкий кофе или заваривают чифирь.

Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною.

Псалтирь, 38, 3

Древние корни мата

Русский матерный язык есть наследие языческих верований, как славянских, так и индоевропейских. Во времена магических цивилизаций древности главной задачей выживания в тех условиях являлось привлечение на свою сторону энергий тёмных сил – падших ангелов или бесов, которых было принято уважительно называть «богами». Этим мрачным тварям строились величественные храмы и давались учтивые имена: Аполлон, Артемида, Перун, Велес, Осирис, Анубис, Ваал... В общем, *легион имя мне, потому что нас много* (Мк. 5,9). Каждый стремился убажить этих «богов» жертвоприношениями и заручиться их помощью в различных непростых жизненных ситуациях.

Наиболее мощной энергией всегда обладал базовый инстинкт человека – инстинкт продолжения рода, и были соответствующие духи-«помощники», контролировавшие эту сферу человеческой жизни. Так называемые «фаллические культы», распространённые по всему древнему языческому миру, основывались на всемерном привлечении помощи

«богов» через сексуальные оргии (вакханалии), храмовую проституцию, поправление стыда и целомудрия, плотскую вседозволенность и воспевание греха блуда. Этот механизм срабатывал безотказно, поскольку эти «боги-помощники» подпитываются греховной энергией человека и, паразитируя на человеческих страстях, превращаются в мощный генератор мирового зла.

Те словосочетания, которые сегодня сохранились под названием «матерщина», использовались в этих обрядах и ритуалах как магические заклинания, как проверенное средство привлечения «нечистых духов». При этом надо подчеркнуть, что к этим силам обращались с осторожностью и нечасто. Как уверяют исследователи тех культов древности, «употреблять эти слова можно было лишь мужчинам и не чаще нескольких дней в году, после чего они были под строжайшим запретом».

Одним из важнейших предназначений этих слов в магических обрядах славянских народов было наведение порчи на врага, проклятие его рода. Недаром все эти слова так

или иначе связаны с детородными органами мужчин и женщин и процессом воспроизводства. Так, в анонимной болгарской хронике XIII-XV веков слово «изматерили» означает вовсе не «обругали», но именно «прокляли».

Нынешние любители крепких выражений выглядят наивными детьми, плохо представляющими, чем, собственно, легкомысленно балуются и какие последствия навлекают на себя и на окружающих.

Как известно, принятие христианства на Руси положило конец «воспеванию» этой чёрной энергетики, этому служению силам тьмы. Важнейшей духовной задачей стало преодоление в людях прежних языческих законов нравственности, формирование христианской морали и введение табу на ритуальную сексуальную лексику. В средневековой русской религиозной литературе эти «срамные» словосочетания справедливо называются «еллинскими», поскольку в христианстве под словом «еллины» подразумевались все народы, жившие в языческой духовной традиции и поклонявшиеся идолам. При этом обряды подобного поклонения часто включали сексуальную лексику. Известно, что в христианской Руси это «кобелиное» непотребство образно и довольно точно именовали «собачьей лаей», или «лаей матерной».

Надо признать, что, несмотря на открытое и искреннее принятие русским народом Благовестия Христова, старые верования, по сути, в полной мере так и не были изжиты никогда.

Можно даже сказать, что произошло некое слияние, приспособление старого, дохристианского, восприятия сакрального мира с новым христианским учением.

В указах царя Алексея Михайловича 1648 года указывается на недопустимость ритуального сквернословия в ходе свадебных обрядов, а именно «песен бесовских и срамных слов матерных и всякой неподобной лаи». В постановлениях Стоглавого собора и указах Ивана Грозного середины XVI века также воспрещалось вспоминать языческие обычаи и сходиться «в святочные и купальские дни» на «бесчинный говор и на бесовские песни».

Но тем не менее колдуны, ведуны, знахари продолжали поддерживать в народе старую языческую духовность, и бытовая крестьянская магия полностью так и не была искоренена. Потому нет ничего удивительного, что те сакральные слова тёмных магических обрядов древности продолжали жить в памяти народа и временами прорывались в народном говоре. Сейчас отдельные защитники матерного слова любят ссылаться на берестяные грамоты древнего Новгорода XII-XIII веков, где была замечена так называемая обсценная лексика (матерные слова). Но сразу заметим: из тысячи с лишним берестяных грамот, найденных археологами, эти нечистые слова упомянуты лишь в четырёх. Учитывая многотысячелетний опыт языческой культуры на Руси, можно сказать, что это вполне объяснимо и совсем не много.

Память воды

*Кто хранит уста свои и язык свой,
тот хранит от бед душу свою
Притчи Соломона, 21,23*

Чтобы было понятно, насколько серьёзны те пагубные изменения, которые провоцирует мат в организме человека, вспомним, что человек на 70% состоит из воды, а вода, как известно, имеет способность к восприятию и запоминанию информации.

В наше время проведены весьма обстоятельные исследования. Они показали

разительные перемены, наступающие в составе воды под воздействием слов как положительной, доброй направленности, так и отрицательной, агрессивной, злой.

Вода есть первооснова жизни, и неудивительно, что она реагирует и запоминает всё, что происходит рядом с ней в окружающем пространстве. Запечатлевая в себе эту инфор-

мацию, изменяя свою структуру, она приобретает новые свойства.

Уже давно установлено, что состояние воды меняется под воздействием физических полей. Однако теперь достоянием общественности стали и иные удивительные результаты научных исследований: вода воспринимает человеческие мысли, не говоря уже о словах. В Федеральном научном клинико-экспериментальном центре традиционных методов диагностики и лечения Минздрава России совместно с биофаком МГУ было проведено более 500 опытов с различными людьми, и в зависимости от их внутренних установок, нравственных и этических привычек вода изменяла свои свойства в ту или иную сторону.

Автор, не считая возможным давать научную оценку этим утверждениям и участвовать в имеющем место споре о сути физических перемен, происходящих в воде, тем не менее имел возможность наблюдать этот удивительный феномен изменения свойств воды в своей практике. В течение многих лет, проходя службу в далёкой поморской деревне, наблюдал, как в алтаре храма в сильные морозы всё перемерзало, в том числе и вода, хранившаяся в банках. Так вот, замёрзшая крещенская святая вода всегда представляла собой изумительное зрелище – чистейший лёд с очень красивыми расходящимися от центра ледяными кристаллами в виде сияния. В то же время хранящаяся для разных нужд неосвящённая вода

из деревенского колодца (наверняка не раз «обработанная» колхозным матом) превращалась в обычный мутный кусок льда, подчас со странными затемнениями в его структуре.

В упомянутом выше Центре экологического выживания и безопасности был поставлен эксперимент с целью ещё раз проверить характер перемен, происходящих с водой после воздействия на неё нецензурной брани. Ради эксперимента исследователи «обругали» ёмкости с водой матерными словами. Ставилась задача выявления разницы в свойствах воды, духовно повреждённой матом, и воды, освящённой в церкви на водосвятном молебне. Одной и другой водой были политы приготовленные для прорастания семена пшеницы. В результате из тех зёрен, которые были политы водой, «обработанной» матом, взошли только 48%, а семена, политые святой водой, проросли на 93%.

Наверное, есть смысл задуматься, сколь катастрофически изменяются свойства воды, питающей все внутренние ткани организма, который живёт в атмосфере нецензурщины, и насколько больным становится такой человек. Страшно представить, какие разрушительные процессы происходят в тех упомянутых семидесяти процентах воды, что входят в состав каждого человеческого тела, после воздействия матерных слов. А уж тем более в мозгу человека, на 90% состоящем из воды!

Потеря ориентиров

От гнилого сердца и слова гнилые.

Русская поговорка

Как отмечают социологи, всплеск неудержимого распространения мата в обществе происходит в особые, трагические, переломные периоды истории. Так было в революционные годы начала XX века, это же повторилось и в «лихие 90-е».

Революция 1917 года (от *revolutio* лат. – переворот) полностью изменила качественный состав российского общества, изгнав из него наиболее образованные, культурные

и нравственно крепкие слои населения. Таким образом произошло разрушение фундаментальных основ традиционной российской жизни и физическое уничтожение всех её реальных носителей – русского дворянства, интеллигенции, офицерства, священства, промышленников, купцов, инженеров, крепкого трудолюбивого крестьянства и казаков.

Не секрет и то, каковым был состав «революционных масс», той самой движущей силы

революционных событий октября 1917 года. Вместе с этим городским люмпеном и сбродом мат шагнул из барачных и питейных заведений на улицы и площади. Чтобы захватить власть и стать во главе этой распоясавшейся стихии, нужно было показать массам своё «недворянское» происхождение и заговорить с бунтовщиками на привычном для них языке. Именно с тех пор стихия нецензурицы и откровенной матерщины охватила всех пришедших к власти представителей государственного и политического руководства страны и в полной мере закрепились в структуре РККА и ВМФ, на всех уровнях военного командования.

По сути, в стране возникла круговая порука: все были повязаны грехом. Кто матерится – тот «свой». Особенно наглядно этот принцип проявлялся в лагерях НКВД. Об этом вспоминал академик Д. С. Лихачёв: «В лагере тех, кто не матерился, расстреливали первыми. Они были “чужие”. Когда человек матерился – это означало, что он “свой”. Если он не матерится, значит, имеет своё мнение, и от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться».

Кроме того, в такие переломные исторические моменты (типа «перестройки») в обществе возникает масштабная потеря прежних ориентиров и острая нехватка подлинных ценностей, незыблемых принципов, то есть наступает массовая дебилизация.

При этом наиболее психологически неза-

щищённые социальные слои, такие как молодёжь, люди с низким уровнем образования и культуры, при отсутствии надёжных вероучительных ориентиров стремятся компенсировать возникшую пустоту, эротизируя свою словесную (вербальную) активность, используя это как некую защиту, как неосознанный протест против социального давления.

Речь начинает изобиловать сексуально-скабрезными выражениями как некими словесными протезами. Таким образом нецензурица восполняет скудость языка, а «междометный» мат для людей с недоразвитой речью становится единственным средством хоть как-то заполнить постоянные запинания при подыскивании нужных слов.

Но подчас бывает и наоборот. Изначально способный, талантливый человек, пристрастившись к мату, неизбежно теряет былые навыки полноценной речи. Матерные словосочетания и их примитивные конструкции убивают прежде богатый запас его слов, парализуют способность вызывать их из своей памяти и применять в нужном месте. В результате вся его речь скатывается к отчаянному «тасованию» одних и тех же бранных слов и междометий – к «собачьей лае».

*Смерть и жизнь – во власти языка,
и любящие его вкусят от плодов его.*

Притчи Соломона, 18, 21

Попытки борьбы

*Indignus qui inter mala verba (лат).
Позорно жить среди сквернословия*

Надо сказать, что, согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, российское общество сейчас в целом «негативно относится к использованию обсценной лексики в публичных выступлениях, в программах и материалах, рассчитанных на массовую аудиторию, считая употребление матерных выражений недо-

пустимым проявлением распущенности». Такую позицию занимают 80% наших граждан. Но так же, как и с иными скандальными проявлениями «либерализма» меньшинств, оставшиеся 20% защитников «свободы самовыражения» более крикливы и агрессивны. Особенно в условиях, когда активного и решительного противодействия материци-

не в обществе и государстве не происходит. В бывшем СССР за произнесение нецензурщины в общественном месте органы правопорядка могли наложить взыскание в виде штрафа без судебного разбирательства. В законодательстве Российской Федерации нецензурная брань в общественных местах квалифицируется как мелкое хулиганство и влечёт наложение штрафа в размере от пятисот до тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Но работают ли эти защитные механизмы, применяется ли эта статья? Конечно же, нет, поскольку те, кто должны её применять, на практике сами постоянно под ней ходят.

Между тем государственный контроль в этом вопросе присутствовал ещё со времен глубокой древности. «Законодатель, – справедливо указывал в IV веке до Р. Х. философ Аристотель, – должен удалять из государства сквернословие, потому что из привычки сквернословить непременно развивается склонность к совершению дурных поступков».

В дореволюционной России, когда открытый сквернослов был ещё в диковинку, поскольку в абсолютном большинстве народ был верующим и боялся совершать такой тяжкий грех, было замечено, что матерщинники часто умирают скоропостижно. Для православного мира того времени это воспринималось как закономерная и заслуженная кара Божья. Нормальный человек, который беспокоился о своей загробной участи, стремился перед смертью непременно исповедаться, пособороваться, причаститься Святых Христовых Таин и с чистой душой

отойти ко Господу с миром.

Можно представить, как и с какой чёрной душой и с замершей на устах матерной бранью уходят в мир иной сквернословы. Какое ужасное легкомыслие – в таком виде предстать пред Господом... Господь предупреждает в Евангелии: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36-37). И говорится здесь всего лишь о «праздном слове», то есть о легкомысленной, пустой болтовне. Что же ждёт тогда человека на Суде Божьем за богохульное матерное слово...

Воздействие матерных слов на окружающих аналогично пассивному курению, когда от табачного дыма страдает не только курящий, но и люди, находящиеся рядом с ним. Получается, что все становятся «без вины виноватыми», вынужденными терпеть хамство и словесную грязь.

Речь идет о здоровье всей нации, о духовном здравоохранении, и здесь необходимы активные и превентивные меры, поскольку проблема сквернословия имеет государственный масштаб.

*Привычка к словам негодным
служит некоторым путём и к делам.
Поэтому со всяким охранением надо
остерегать душу, чтобы, находя
удовольствие в словах, незаметно
не принять чего-нибудь плохого,
как иные с мёдом глотают траву.*

Святитель Василий Великий

Великий русский язык

Мат – страшная бесовская сила. Её нарастание в обществе неизбежно приведёт к деградации русского языка, к его угасанию как великого мирового языка. По сути, это война с целью лишить нас этого величайшего богатства, доставшегося русскому народу от предков. Надо сказать, что подчас мы даже и не понимаем, каким сокровищем обладаем.

Бывая на международных конференциях, проводимых Пушкинским Домом (Институтом русской литературы), я неизменно удивлялся неподдельному интересу и любви к нашему языку и русской литературе со стороны лингвистов и литературоведов других стран мира.

Итальянские ученые-слависты неожиданно открыли мне то, о чём я никогда не

задумывался. Они утверждают, что помимо того духовного богатства и глубины, что являет миру наша литература, необычайной притягательностью обладает само звучание нашего языка. «Вы даже не представляете, как красиво звучит русская речь, ваш язык очень благозвучен для восприятия на слух, – говорила мне итальянский филолог, профессор Стефания Сини, – очень приятно изучать и произносить ваши слова».

Те же россияне, кто принял для себя мат как языковую норму, похоже, не понимают, какую страшную работу по разрушению нашего национального достояния они проводят, занимаясь целенаправленной дебилизацией русской речи, великого русского языка. При этом эти люди искренне любят Россию и не задумываясь станут на защиту её национальных интересов. А вот в вопросе матерщины... Они будто бы и не понимают, насколько серьёзна задача сбережения чистоты нашего языка.

Что это? Легкомыслие? Безответственность? Но, как это ни странно покажется, даже уголовный мир, «блатная» среда матерщину в своих рядах, как известно, жёстко пресекает. Там существует табу на мат. Причина такого странного «благоче-

ствия» весьма поучительна для наших рассуждений. Как мы уже сказали, матерщина представляет собой угрозу для любого языка, следовательно, и для «фени», воровского жаргона, тоже. Поскольку в этом тайном языке заложена вся система ценностей жизни «по понятиям», внутренняя иерархия преступного мира, воровская романтика и традиции, профессиональный преступный мир строго охраняет «чистоту» своего языка. Мат же, как известно, приводит к деградации языка, по сути, парализует его жизненную силу, подменяя живую речь первобытным примитивизмом «собачьей лаи».

О страшных пределах деградации речи, до которых может докатиться человек, полностью отдавшийся во власть матерных слов, писал ещё Достоевский в «Дневнике писателя». Он, что называется, «диву давался», как некий его собеседник с помощью вариаций одного матерного слова выражал всю гамму своих чувств и мыслей.

Очень точно заметил один наш известный современник: «Совершенствовать свой язык – громадное удовольствие, не меньшее, чем хорошо одеваться, только менее дорогое...»

Чёрная энергия зла

С кем же конкретно, с какими невидимыми тёмными силами общается человек, используя «матерные мантры»? Откуда взялись эти твари, что непрестанно крутятся возле человека, готовые спровоцировать очередное злое дело?

Будучи в Эдеме, люди, прельстившиеся ласковыми обещаниями «великого лжеца», по сути, вошли в сговор с дьяволом. Наши праотцы поверили этому «лукавому змию» и пошли по пути союза с падшими ангелами для достижения силы тайных знаний. С тех пор человечество вступило на путь формирования магической духовности, языческих культов – и были созданы великие оккультные цивилизации древности. Но с того же

времени человечество потеряло и своё счастье в жизни. Почему?

Силы, которым доверился человек, будучи проклятыми Богом, абсолютно злы. Они злы по определению и потому не способны творить добро. Они вроде бы действительно могут оказать помощь человеку, будь то маг, колдун, шаман, волхв. И при этом вроде бы творят добро, облегчают жизненные ситуации, даруют исцеления в болезнях, дают сверхсилу в единоборствах, наводят беду на врагов. Но всегда остаётся одно неизменное, абсолютное и вечное условие оказания этих «добрых» услуг – непременно большее зло, которое произойдёт в будущем. Это онтологическое

свойство сил бесовских, которое является следствием проклятия, что было произнесено над сатаной: *И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты* (Быт. 3, 14).

Эти твари полностью утратили потребность в красоте, любви, доброте, но при этом остро нуждаются в нечистоте, зловонии, безобразии. Потому самой вожделенной и питательной средой для них является духовная атмосфера мата, зловоние гнилостного слова, бездумно изливаемые легкомысленным человеком. Чёрная энергетика зла, которая возникает от такого симбиоза мира духов и мира людей, неизбежно подрывает духовное и физическое здоровье человека, наваливается на него тяжёлыми психическими состояниями, тоской, хронической усталостью. В жизни человека плодятся изнурительные проблемы и довлеет угроза серьёзных происшествий.

И ещё: надо помнить, что даже в случае наступления критической, опасной для жизни ситуации Господь не нарушит основополагающего закона человеческого бытия – свободы выбора – и не поможет несчастному, конечно, в том случае, если человек выбрал сторону сил тьмы, что регулярно подтверждает матерными выражениями.

Свобода выбора, дарованная Богом каждому из нас, – фундаментальное отличие человека от всех иных тварей. Каждый день человек свободно выбирает между добром и злом, ориентируясь на закон совести – закон Божий, живущий внутри его сердца. Подобный выбор абсолютно невозможен даже для самого высокоорганизованного представителя животного мира, всегда действующего по законам своей природы и неспособного сопротивляться властному указанию врожденных инстинктов. Выбор в пользу добра и света, который ежедневно должен совершать человек, есть тяжкий труд, но и величайшее достоинство человека.

Даже столь весьма условно верующий человек – Эммануил Кант – вынужден был с «удивлением и благоговением» назвать две неизменно присутствующие в мире

вещи: «звёздное небо надо мной и моральный закон во мне».

Поэтому, каким бы негодяем или извергом ни являл себя тот или иной человек, всё равно в нём остаётся врождённый «камертон» морали и нравственности. Потому главная задача, изначально стоявшая перед «князем тьмы», а затем и перед его многочисленными последователями, пытавшимися повести ход мировой истории по пути зла и богоборчества, – заглушить этот врождённый, дарованный Богом голос совести. Гитлер, например, в полной мере понимал важность этой задачи, инструктируя солдат вермахта перед решающими битвами на Востоке: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью».

Кстати, недалеко от этих призывов возвести безнравственность в норму ушли и наши недавние «учители». Так, «великий вождь революции» В. Ленин в известной работе «Задачи союзов молодёжи» даёт молодым строителям коммунизма конкретную жизненную установку: «Нравственно то, что выгодно пролетариату». Эти слова равнозначны призыву завершить историю человечества, ибо принятие подобного постулата делает дальнейшее бытие мира лишённым смысла.

Для сил тьмы вопрос всегда состоит только в том, в какой мере удастся заглушить человеческую совесть, какие средства действуют наиболее радикально.

Так вот, мат – весьма надёжная анестезия от этого беспокоящего человека голоса совести, от нравственной чистоты и порядочности. Мат оглушает человека, парализует способность контролировать чувства, желания, действия и, примитивизируя их, делает «простыми, как мычание».

*Если будешь помнить
сказанное в Писании:*

«ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 37), то поймёшь, что лучше молчать, чем говорить.

Преподобный Пимен Великий.

Победа Пересвета

**...Удар языка сокрушит кости;
многие пали от острия меча,
но не столько, сколько павших от языка.**

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 28, 20-21

Современные апологеты матерного языка часто ссылаются на его энергетiku, утверждая, что с её помощью легче решать особо трудные задачи, идти в атаку или просто преодолевать страх.

Духовная сила, естественно, имеет и материальное измерение. Не секрет, что помощь воину в сражении подчас приходит сверхъестественным образом, поступает извне. Сейчас среди молодых людей, служащих в армии и во флоте, и особенно в спецподразделениях, становится популярным неоязычество. За стремлением обратиться к духовной практике восточных единоборств, равно как и славянских магических воинских обрядов, стоит попытка вернуться к тёмным силам прошлого, вновь призвать давно побеждённых и изгнанных христианством так называемых «богов», которые в существе не боги (Гал. 4, 8).

Восточные единоборства имеют свою строгую духовную практику: мантры, молитвы, дыхательные упражнения и прочие формы «работы с энергиями», что в переводе на язык христианина означает «привлечение себе в помощь падших духов», или, проще говоря, бесов.

Желанная цель каждого адепта этой системы – получить себе в помощь ангела тьмы, и по возможности высшего ранга. Но этот вопрос «ранга», или достижения высших уровней «посвящения», находится в прямой связи с достигнутой степенью контакта, или вверения себя во власть этих сил. Достижение такого духовного симбиоза человека и беса как раз и даёт те самые удивительные физические сверхвозможности, так очаровывающие нетвёрдых в вере молодых людей. (Почитайте воспоминания знаменитого и плохо кончившего Брюса Ли,

который хорошо знал эту свою «тень», своего «помощника» и даже не раз видел его).

В Троице-Сергиевой лавре есть монах, который во времена своей юности, как и многие тогда, был увлечён восточными духовными традициями и боевыми искусствами. Когда началась перестройка, он с друзьями решил поехать в Тибет, дабы поступить в какой-нибудь буддийский монастырь. С 1984 года, когда монастыри Тибета открыли для доступа, правда, по ограниченным квотам, туда стало приезжать множество иностранцев. И надо прямо сказать, что к чужеземцам отношение в монастырях было не очень дружелюбное: всё-таки это тибетская национальная духовность.

Наш будущий монах и его друзья были разочарованы: они так стремились к этому возвышенному учению, к этому братству, духовным подвигам, мантрам и молитвам. Такое отношение продолжалось до тех пор, пока тибетцы не узнали, что перед ними русские. Они стали переговариваться между собой, и в разговоре прозвучало слово «Пересвет». Стали выяснять, и оказалось, что имя этого русского монаха записано в особой святой книге, где фиксируются их важнейшие духовные события. Победа Пересвета занесена туда как событие, которое выпало из привычного хода вещей. Оказывается, Челубей был не просто опытным воином и богатырём – это был тибетский монах, прошедший подготовку не только в системе боевых искусств Тибета, но и освоивший древнейшую практику боевой магии – Бон-по. В результате он достиг вершин этого посвящения и обрел статус «бессмертного».

Словосочетание «Бон-по» можно перевести как «школа боевой магической речи», то есть искусство борьбы, в котором эффек-

тивность приёмов боя беспредельно возрастает за счёт привлечения путём магических заклинаний силы могучих существ потустороннего мира – демонов (бесов). В результате человек впускает в себя «силу зверя», или, проще говоря, превращается в единое с демоном существо, некий симбиоз человека и беса, становясь бесноватым. Платой за такую услугу является бессмертная душа человека, которая и после смерти не сможет освободиться от этих жутких посмертных объятий сил тьмы.

Считалось, что такой монах-воин практически непобедим. Количество таких, избранных духами, воинов-тибетцев всегда было крайне невелико, они считались особым явлением в духовной практике Тибета. Поэтому-то Челубей и был выставлен на единоборство с Пересветом – чтобы ещё до начала сражения духовно сломить русских.

На известной картине В.М. Васнецова оба воина изображены в доспехах, что искажает глубинный смысл происходившего. Павел Рыженко написал этот сюжет вернее: Пересвет на схватку вышел без доспехов – в облачении русского монаха великой схимы и с копьём в руке. Поэтому он и сам получил тяжёлую рану от Челубея. Но «бессмертного» он убил. Это вызвало полное замешательство татарского войска: на их глазах произошло то, чего в принципе не может быть. Нарушился привычный ход вещей, и пошатнулись незыблемые законы языческого мира.

И по сей день служители духов тьмы, мастера восточных единоборств, хранят память о том, что есть некие «русские», у которых есть свой Бог, сила которого неодолима. И этот русский Бог выше всех их богов, и воины этого Бога – непобедимы.

Вспомним, именно такими непобедимыми стали наши ребята в январе 1994 года (с чего мы начали нашу книгу), прорвавшись из окружения чеченских боевиков, – как только вспомнили веру своих предков и призвали на помощь не грязную силу языческого мата, а неодолимую силу святых слов христианской молитвы.

Думается, сейчас на Руси завершается наконец мрачный период духовного безвременья. Пора всем нам вернуться к духовным истокам нашей великой страны, припасть к ним. Сила нашего народа и российского воинства – не в доспехах и не в мантрах. Ещё в первые века христианства язычнику, римскому императору Константину Великому перед решающим сражением приснилось изображение Креста и слова: «Сим победишь». Он поверил, нанёс Крест на свои знамена – и победил. Этот языческий правитель тогда хорошо усвоил, что в мире есть нечто большее, чем языческие грязные словосочетания, магические приёмы и «тантрические практики».

Есть Господь наш, Который над всем миром и над всеми «богами». Если мы действительно Ему верны, то мы непобедимы.

Антон Чехов
Русский писатель

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

– Так ты кусаться, окаянная? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пушай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хвата-

ет собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

– Никак беспорядок, ваше благородие!... – говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала –

белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

– По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врзываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?... Кто кричал?

– Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... – начинает Хрюкин, кашляя в кулак. – Насчёт дров с Митрий Митричем, – и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому – я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

– Это, кажись, генерала Жигалова! – кричит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

– Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она – не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

– Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный

господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

– Не рассуждать!

– Нет, это не генеральская... – глубоко-мысленно замечает городской. – У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

– Ты это верно знаешь?

– Верно, ваше благородие...

– Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта – чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

– А может быть, и генеральская... – думает вслух городской. – На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

– Вестимо, генеральская! – говорит голос из толпы.

– Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака – нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

– Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

– Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

– И спрашивать тут долго нечего, – говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

– Это не наша, – продолжает Прохор. – Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погоститъ приехали?

– В гости...

– Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачон-

ка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

– Я ещё доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

В ССЫЛКЕ

Старый Семён, прозванный Толковым, и молодой татарин, которого никто не знал по имени, сидели на берегу около костра; остальные три перевозчика находились в избе. Семён, старик лет шестидесяти, худощавый и беззубый, но широкий в плечах и на вид ещё здоровый, был пьян; он давно бы уже пошёл спать, но в кармане у него был полуштоф, и он боялся, как бы в избе молодцы не попросили у него водки. Татарин был болен, томился и, кутаясь в свои лохмотья, рассказывал, как хорошо в Симбирской губернии и какая у него осталась дома красивая и умная жена. Ему было лет двадцать пять, не больше, а теперь, при свете костра, он, бледный, с печальным болезненным лицом, казался мальчиком.

– Оно, конечно, тут не рай, – говорил Толковый. – Сам видишь: вода, голые берега, кругом глина и больше ничего... Святая давно уже прошла, а на реке лёд идёт, и утром нынче снег был.

– Худо! худо! – сказал татарин и огляделся с испугом.

Шагах в десяти текла тёмная холодная река; она ворчала, хлюпала об изрытый глинистый берег и быстро неслась куда-то в далёкое море. У самого берега темнела большая баржа, которую перевозчики называют «карбасом». Далеко на том берегу, потухая и переливаясь, змейками ползали огни: это жгли прошлогоднюю траву. А за змейками опять потёмки. Слышно, как небольшие льдины стучат о баржу. Сыро, холодно...

Татарин взглянул на небо. Звёзд так же много, как дома у него, такая же чернота кругом, но чего-то недостаёт. Дома, в Симбирской губернии, совсем не такие звезды и не такое небо.

– Худо! худо! – повторил он.

– Привыкнешь! – сказал Толковый и засмеялся. – Теперь ты ещё молодой, глупый, молоко на губах не обсохло, и кажется тебе по глупости, что несчастней тебя человека нет, а придёт время, сам скажешь: дай Бог всякому такой жизни. Ты на меня погляди. Через неделю времени пройдёт вода, и поставим тут паром, вы все пойдёте по Сибири гулять, а я останусь и зачну ходить от берега к берегу. Уж двадцать два года так хожу. День и ночь. Щука и нельма под водой, а я над водой. И слава Богу. Ничего мне не надо. Дай Бог всякому такой жизни.

Татарин подложил в костёр хворосту, лёг поближе к огню и сказал:

– У меня отец хворый человек. Когда он помрёт, мать и жена сюда приедут. Обещали.

– А на что тебе мать и жена? – спросил Толковый. – Одна глупость, брат. Это тебя бес смущает, язви его душу. Ты его не слушай, проклятого. Не давай ему воли. Он тебе насчёт бабы, а ты ему назло: не желаю! Он тебе насчёт воли, а ты упрись и – не желаю! Ничего не надо! Нету ни отца, ни матери, ни жены, ни воли, ни двора, ни кола! Ничего не надо, язви их душу!

Толковый потянул из бутылки и продолжал:

– Я, братуша, не мужик простой, не из хамского звания, а дьячковский сын и, когда на

воле жил в Курске, в сюртуке ходил, а теперь довёл себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо, и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня упёрся: ничего не хочу! Бес мне и про жену, и про родню, и про волю, а я ему: ничего мне не надо! Упёрся на своём и вот, как видишь, хорошо живу, не жалуюсь. А ежели кто даст поблажку бесу и хоть раз послушается, тот пропал, нет ему спасения: завязнет в болоте по самую маковку и не вылезет. Не то что ваш брат, глупый мужик, но и благородные и образованные пропадают. Лет пятнадцать назад прислали сюда из России одного барина. С братьями что-то там не поделил и в завещании фальшь сделал какую-то. Сказывали, из князей или баронов, а может, и просто из чиновников – кто его знает! Ну, приехал сюда барин и первым делом купил себе в Мухортинском дом и землю. «Хочу, говорит, своим трудом жить, в поте лица, потому что, говорит, я теперь не господин, а поселенец». Что ж, говорю, помогай Бог, дело хорошее. Человек он был тогда молодой, хлопотун, заботливый; сам и косил, бывало, и рыбу ловил, и верхом вёрст за шестьдесят ездил. Только вот беда: с первого же года стал ездить в Гырино, в почтовую контору. Стоит, бывало, у меня на пароме и вздыхает: «Эх, Семён, что-то долго не шлют мне из дому денег!» Не надо, говорю, Василий Сергеевич, денег. К чему они? Вы старое-то бросьте, забудьте, как будто его вовсе не было, будто снилось оно только, а начинайте жить сызнова. Не слушайте, говорю, беса – он до добра не доведёт, в петлю затянет. Теперь вы денег желаете, говорю, а пройдёт мало-мало времени, и, гляди, чего другого захотите, а потом и ещё и ещё. Ежели, говорю, желаете для себя счастья, то первое всего ничего не желайте. Да... Уж ежели, говорю ему, нас с вами судьба обидела горько, то нечего у ней милости просить и кланяться ей в ножки, а надо пренебрегать и смеяться над ней. А то она сама насмеётся. Так и говорю ему... Года через два перевожу я его на эту сторону, а он потирает

руки и смеётся. «Еду, говорит, в Гырино жену встречать. Пожалела, говорит, меня, приехала. Хорошая она у меня, добрая». А сам от радости даже запыхался. Вот через день едет с женой. Дама молодая, красивая, в шляпке; на руках младенец-девочка. И всякого багажу много. А Василий Сергеевич мой вертится около неё, не наглядится и никак не нахвалится. «Да, брат Семён, и в Сибири люди живут!» Ну, думаю, ладно, не обрадуешься. И с той поры, почитай, каждую неделю, стал он в Гырино наведываться: не пришли ли из России деньги. Денег-то понадобилось пропасть. «Она, говорит, ради меня тут в Сибири свою молодость и красоту губит и, говорит, со мной мою горькую долю делит, и через это, говорит, я должен предоставлять ей всякое удовольствие...» Чтоб барыне веселей было, завёл он знакомство с чиновниками и с шушерой всякой. А всю эту компанию, известно, кормить и поить надо, да чтоб и фортепьян был, и собачка лохматенькая на диване, – чтоб она издохла... Роскошь, одним словом, баловство. Прожила с ним барыня недолго. Где ей? Глина, вода, холодно, ни тебе овоща, ни фрукта, кругом необразованные да пьяные, никакого обхождения, а она дама балованная, столичная... Известно, соскучилась. Да и муж, как ни говори, уже не барин, а поселенец – не та честь. Года через три, помню, ночью под самый Успеньев день кричат с того берега. Пошёл я туда на пароме, гляжу – барыня, вся окутавшись, а с ней молодой господин, из чиновников. Тройка... Перевёз я их сюда, сели – и поминай как звали! Только их и видели. А под утро Василий Сергеевич скачет на паре. «Не проезжала ли тут, Семён, моя жена с господином в очках?» Проезжала, говорю, – ищи ветра в поле! Поскакал он вдогонку, суток пять гнался. Когда после перевозил я его на ту сторону, он повалился на паром и давай головой биться о доски и выть. То-то вот, говорю, и есть. Смеюсь и припоминаю ему: «И в Сибири люди живут!» А он ещё пуще бьётся... Потом это захотелось ему воли. Жена в Россию подалась, и его, значит, туда потянуло, чтоб её повидать и от полюбовника вызволить. И стал он, братец ты мой, чуть не каждый день скакать то на почту, то в город к началь-

ству. Всё прошения посылал и подавал, чтоб его помиловали и назад домой вернули, и сказывал он, на одни телеграммы у него рублей двести пошло. Землю продал, дом жидам заложил. Сам поседел, сгорбился, с лица жёлтый стал, словно чахоточный. Говорит с тобою, а сам: кхе-кхе-кхе... и слёзы на глазах. Промаялся так с прошениями годов восемь, а теперь опять ожил и весёлый стал: новое баловство придумал. Дочка, видишь, выросла. Глядит на неё и не надышится. А она, правду говорить, ничего себе: красивенькая, чернобровая и нрава бойкого. Каждое воскресенье он в Гырино ездит с ней в церковь. Стоят оба на пароме рядышком, она смеётся, а он с неё глаз не сводит. «Да, говорит, Семён, и в Сибири люди живут. И в Сибири бывает счастье. Погляди-ка, говорит, какая у меня дочка! Чай, другой такой и за тысячу вёрст не сыщешь». Дочка, говорю, хорошая, это верно, действительно... А сам про себя думаю: «Ужо погоди... Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?» И стала, брат, она тосковать... Чахла-чахла, извелась вся, заболела и теперь без задних ног. Чахотка. Вот тебе и сибирское счастье, язви его душу, вот тебе и в Сибири люди живут... Стал он всё по докторам ездить и возить их к себе. Как заслышит, что вёрст за двести или за триста есть доктор или знахарь, так и едет за ним. Страсть сколько денег на докторов ушло, а уж, по-моему, лучше пропить эти деньги... Всё равно помрёт. Помрёт она всенепременно, а он тогда совсем пропал. Повесится с тоски или в Россию убежит – дело известное. Убежит, а его поймут, потом суд, каторга, плетей попробует...

– Хорошо, хорошо, – пробормотал татарин, пожимаясь от озноба.

– Что хорошо? – спросил Толковый.

– Жена, дочка... Пускай каторга и пускай тоска, зато он видал и жену и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего – худо! Жена прожила с ним три года – это ему Бог подарил. Ничего – худо, а три года – хорошо. Как не понимаю?

Дрожа, с напряжением подбирая русские слова, которых он знал немного, и заикаясь, татарин заговорил о том, что не приведи Бог

захворать на чужой стороне, умереть и быть зарытым в холодной ржавой земле, что если бы жена приехала к нему хотя на один день и даже на один час, то за такое счастье он согласился бы принять какие угодно муки и благодарил бы Бога. Лучше один день счастья, чем ничего.

Затем он опять рассказал, какая у него осталась дома красивая и умная жена, потом, взявшись обеими руками за голову, он заплакал и стал уверять Семёна, что он ни в чём не виноват и терпит напраслину. Его два брата и дядя увели у мужика лошадей и избили старика до полусмерти, а общество рассудило не по совести и составило приговор, по которому пошли в Сибирь все три брата, а дядя, богатый человек, остался дома.

– Привы-ыкнешь! – сказал Семён.

Татарин замолчал и уставился заплаканными глазами на огонь; лицо у него выражало недоумение и испуг, как будто он всё ещё не понимал, зачем он здесь в темноте и в сырости, около чужих людей, а не в Симбирской губернии. Толковый лёг около огня, чему-то усмехнулся и затянул вполголоса песню.

– Что ей за радость с отцом-то? – проговорил он, немного погодя. – Он её любит, утешается, это точно; но, брат, тоже пальца в рот ему не клади: строгий старик, крутой старик. А молодым девкам не строгость нужна... Им нужна ласка да ха-ха-ха, да хи-хо-хо, духи да помада. Да... Эх, дела, дела! – вздохнул Семён и тяжело поднялся. – Водка вся вышла, значит, спать пора. А? Пойду, брат...

Оставшись один, татарин подложил хворосту, лёг и, глядя на огонь, стал думать о родной деревне и о своей жене; приехала бы жена хоть на месяц, хоть на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад! Лучше месяц или даже день, чем ничего. Но если жена сдержит обещание и приедет, то чем её придётся кормить? Где она будет тут жить?

– Если нет чего-чего кушать, то как живи? – спросил вслух татарин.

За то, что он теперь день и ночь работал в слом, ему платили только десять копеек в сутки; правда, проезжие давали на чай и на водку, но ребята делили весь доход между

собой, а татарину ничего не давали и только смеялись над ним. А от нужды голодно, холодно и страшно... Теперь бы, когда всё тело болит и дрожит, пойти в избушку и лечь спать, но там укрыться нечем и холоднее, чем на берегу; здесь тоже нечем укрыться, но всё же можно хоть костёр развести...

Через неделю, когда вода совсем спадёт и поставят тут паром, все перевозчики, кроме Семёна, станут уже не нужны, и татарин начнёт ходить из деревни в деревню и просить милостыни и работы. Жене только семнадцать лет; она красивая, избалованная, застенчивая, – неужели и она будет ходить по деревням с открытым лицом и просить милостыню? Нет, об этом даже подумать страшно...

Уже светало; ясно обозначались баржа, кусты тальника на воде и зыбь, а назад оглянуться – там глинистый обрыв, внизу избушка, крытая бурою соломой, а выше лепятся деревенские избы. На деревне уже пели петухи.

Рыжий глинистый обрыв, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни – быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, всё это только снится, – думал татарин. Он чувствовал, что спит, и слышал свой храп... Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако какие бывают страшные сны! К чему они? Татарин улыбнулся и открыл глаза. Какая это река? Волга?

Шёл снег.

– Подавай! – кричал кто-то на той стороне. – Карба-а-ас!

Татарин очнулся и пошёл будить товарищей, чтобы плыть на ту сторону. Надевая на ходу рваные тулупы, бранясь хриплыми споронок голосами и пожимаясь от холода, показались на берегу перевозчики. После сна река, от которой веяло пронизывающим холодом, по-видимому, казалась им отвратительной и жуткой. Не спеша попрыгали они в карбас... Татарин и три перевозчика взяли за длинные вёсла с широкими лопастями, похожие в потёмках на рачьи клешни, Семён навалился животом на длинный руль. А на той стороне всё ещё продолжали кричать и два раза выстрели-

ли из револьвера, думая, вероятно, что перевозчики спят или ушли на деревню, в кабак.

– Ладно, успеешь! – проговорил Толковый тоном человека, убеждённого, что на этом свете нет надобности спешить – всё равно, мол, толку не выйдет.

Тяжёлая неуклюжая баржа отделилась от берега и поплыла меж кустов тальника, и только по тому, что тальник медленно уходил назад, заметно было, что она не стояла на одном месте, а двигалась. Перевозчики мерно, враз, взмахивали вёслами; Толковый лежал животом на руле и, описывая в воздухе дугу, летал с одного борта на другой. Было в потёмках похоже на то, как будто люди сидели на каком-то допотопном животном с длинными лапами и уплывали на нём в холодную унылую страну, ту самую, которая иногда снится во время кошмара.

Миновали тальник, выплыли на простор. На том берегу уже слышали стук и мерное плесканье вёсел и кричали: «Скорей! скорей!» Прошло ещё минут с десять, и баржа тяжело ударилась о пристань.

– И всё оно сыплет, и всё оно сыплет! – бормотал Семён, вытирая с лица снег. – И откуда оно берётся, Бог его знает!

На той стороне ждал худощавый, невысокого роста старик в полушубке на лисьем меху и в белой мерлушковой шапке. Он стоял поодаль от лошадей и не двигался; у него было угрюмое, сосредоточенное выражение, как будто он старался что-то вспомнить и сердился на свою непослушную память. Когда Семён подошёл к нему и, улыбаясь, снял шапку, то он сказал:

– Спешу в Анастасьевку. Дочери опять хуже, а в Анастасьевку, говорят, нового доктора назначили.

Втащили тарантас на баржу и поплыли назад. Человек, которого Семён назвал Василием Сергеичем, всё время, пока плыли, стоял неподвижно, крепко сжав свои толстые губы и глядя в одну точку; когда ямщик попросил у него позволения покурить в его присутствии, он ничего не ответил, точно не слышал. А Семён, лёжа животом на руле, насмешливо глядел на него и говорил:

– И в Сибири люди живут. Живут-ут!

На лице у Толкового было торжествующее выражение, как будто он что-то доказал и будто радовался, что вышло именно так, как он предполагал. Несчастный, беспомощный вид человека в полушубке на лисьем меху, по-видимому, доставлял ему большое удовольствие.

– Грязно теперь ехать, Василий Сергеич, – сказал он, когда на берегу запрягали лошадей. – Погодили бы ездить ещё недельки с две, пока суше станет. А то и вовсе бы не ездили... Ежели бы толк какой от езды был, а то, сами изволите знать, люди веки вечные ездят, и днём и ночью, а всё никакого толку. Право!

Василий Сергеич молча дал на водку, сел в тарантас и поехал дальше.

– Вот, за доктором поскакал! – сказал Семён, пожимаясь от холода. – Да, ищи настоящего доктора, догоняй ветра в поле, хватай чёрта за хвост, язви твою душу! Экие чудачки, Господи, прости меня грешного!

Татарин подошел к Толковому и, глядя на него с ненавистью и с отвращением, дрожа и примешивая к своей ломаной речи татарские слова, заговорил:

– Он хорошо... хорошо, а ты – худо! Ты худо! Барин хорошая душа, отличный, а ты зверь, ты худо! Барин живой, а ты дохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость

была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень – и Бог тебя не любит, а барина любит!

Все засмеялись; татарин брезгливо поморщился, махнул рукой и, кутаясь в свои лохмотья, пошёл к костру. Перевозчики и Семён поплелись в избушку.

– Холодно! – прохрипел один перевозчик, растягиваясь на соломе, которою был покрыт сырой глинистый пол.

– Да, не тепло! – согласился другой. – Жизнь каторжная!..

Все улеглись. Дверь отворилась от ветра, и в избушку понесло снегом. Встать и затворить дверь никому не хотелось: было холодно и лень.

– А мне хорошо! – проговорил Семён засыпая. – Дай Бог всякому такой жизни.

– Ты, известно, семикаторжный. Тебя и черти не берут.

Со двора послышались звуки, похожие на собачий вой.

– Что это? Кто это там?

– Это татарин плачет.

– Ишь ты... Чудак!

– Привы-ыкнет! – сказал Семён и тотчас же заснул.

Скоро заснули и остальные. А дверь так и осталась незатворённой.

ЗЛОЙ МАЛЬЧИК

Иван Иванович Лапкин, молодой человек приятной наружности, и Анна Семёновна Замблицкая, молодая девушка со вздёрнутым носиком, спустились вниз по крутому берегу и уселись на скамеечке. Скамеечка стояла у самой воды, между густыми кустами молодого ивняка. Чудное местечко! Сели вы тут, и вы скрыты от мира – видят вас одни только рыбы да пауки-плауны, молнией бегающие по воде. Молодые люди были вооружены удочками, сачками, банками с червями и прочими рыболовными принадлежно-

стями. Усевшись, они тотчас же принялись за рыбную ловлю.

– Я рад, что мы наконец одни, – начал Лапкин, оглядываясь. – Я должен сказать вам многое, Анна Семёновна... Очень многое... Когда я увидел вас в первый раз... У вас клюёт... Я понял тогда, для чего я живу, понял, где мой кумир, которому я должен посвятить свою честную, трудовую жизнь... Это, должно быть, большая клюёт... Увидя вас, я полюбил впервые, полюбил страстно! Подождите дергать... пусть лучше клюнет... Скажите мне,

моя дорогая, заклинаю вас, могу ли я рассчитывать – не на взаимность, нет! – этого я не стою, я не смею даже помыслить об этом, – могу ли я рассчитывать на... Тащите!

Анна Семёновна подняла вверх руку с удищем, рванула и вскрикнула. В воздухе блеснула серебристо-зелёная рыбка.

– Боже мой, окунь! Ай, ах... Скорей! Сорвался!

Окунь сорвался с крючка, запрыгал по травке к родной стихии и... бултых в воду!

В погоне за рыбой Лапкин, вместо рыбы, как-то нечаянно схватил руку Анны Семёновны, нечаянно прижал её к губам... Та отдернула, но уже было поздно: уста нечаянно слились в поцелуй. Это вышло как-то нечаянно. За поцелуем следовал другой поцелуй, затем клятвы, уверения... Счастливые минуты! Впрочем, в этой земной жизни нет ничего абсолютно счастливого. Счастливое обыкновенно носит отраву в себе самом или же отравляется чем-нибудь извне. Так и на этот раз. Когда молодые люди целовались, вдруг послышался смех. Они взглянули на реку и обомлели: в воде по пояс стоял голый мальчик. Это был Коля, гимназист, брат Анны Семёновны. Он стоял в воде, глядел на молодых людей и ехидно улыбался.

– А-а-а... вы целуетесь? – сказал он. – Хорошо же! Я скажу мамаше.

– Надеюсь, что вы, как честный человек... – забормотал Лапкин, краснея. – Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, как честный и благородный человек...

– Дайте рубль, тогда не скажу! – сказал благородный человек. – А то скажу.

Лапкин вынул из кармана рубль и подал его Коле. Тот сжал рубль в мокром кулаке, свистнул и поплыл. И молодые люди на этот раз уже больше не целовались.

На другой день Лапкин привёз Коле из города краски и мячик, а сестра подарила ему все свои корбочки из-под пилюль.

Потом пришлось подарить и запонки с собачьими мордочками. Злому мальчику, очевидно, всё это очень нравилось, и, чтобы получить ещё больше, он стал наблюдать. Куда Лапкин с Анной Семёновной, туда и он. Ни на минуту не оставлял их одних.

– Подлец! – скрежетал зубами Лапкин. – Как мал и какой уже большой подлец! Что же из него дальше будет?!

Весь июнь Коля не давал житья бедным влюблённым. Он грозил доносом, наблюдал и требовал подарков; и ему всё было мало, и в конце концов он стал поговаривать о карманных часах. И что же? Пришлось пообещать часы.

Как-то раз за обедом, когда подали вафли, он вдруг захохотал, подмигнул одним глазом и спросил у Лапкина:

– Сказать? А?

Лапкин страшно покраснел и зажевал вместо вафли салфетку. Анна Семёновна вскочила из-за стола и убежала в другую комнату.

И в таком положении молодые люди находились до конца августа, до того самого дня, когда, наконец, Лапкин сделал Анне Семёновне предложение. О, какой это был счастливый день! Поговоривши с родителями невесты и получив согласие, Лапкин прежде всего побежал в сад и принялся искать Колю. Найдя его, он чуть не зарыдал от восторга и схватил злого мальчика за ухо. Подбежала Анна Семёновна, тоже искавшая Колю, и схватила за другое ухо. И нужно было видеть, какое наслаждение было написано на лицах у влюблённых, когда Коля плакал и умолял их:

– Миленькие, славненькие, голубчики, не буду! Ай, ай, простите!

И потом оба они сознавались, что за всё время, пока были влюблены друг в друга, они ни разу не испытывали такого счастья, такого захватывающего блаженства, как в те минуты, когда драли злого мальчика за уши.

Андрей Платонов

Русский советский писатель, поэт и публицист, драматург, киносценарист, журналист, военный корреспондент, инженер и изобретатель. Участник Великой Отечественной войны, майор.

ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

– Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, – сказал нынче утром Афоня дедушке.

– Не буду, Афонюшка, я не буду, – ответил дед. – Я лежать буду и на тебя глядеть.

– А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? – спросил тогда Афоня.

– Нынче я не буду глаза смежать, – обещал дедушка Тит. – Нынче я на свет буду смотреть.

– А отчего ты спишь, а я нет?

– Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

– А тебе ведь темно спать, – говорил Афоня. – На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь, ничего не видишь.

– Да я уж всё видел, Афонюшка.

– А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

– Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда – пусть живёт отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

– Не спи, дедушка! – попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать посадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит

там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

– Мама нету, папы нет, дедушка спит, – говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

– Проснись, дедушка, – просил Афоня. – Ты спишь?

– А? Нету, я не сплю, – ответил дедушка Тит с печи.

– Ты думаешь? – спрашивал Афоня.

– А? Я тут, Афоня, я тут.

– Ты думаешь там?

– А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

– Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

– Всё, Афоня, я всё знаю.

– А что это, дедушка?

– А чего тебе, Афонюшка?

– А что это всё?

– А я уж позабыл, Афоня.

– Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

– А? – произнёс дедушка Тит.

– Дедушка Тит! Дедушка Тит! – звал Афоня. – Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня утомился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

– Вставай, дедушка, – сказал Афоня.

А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

– Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

– А ты не спи! – сказал Афоня. – Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит – тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про всё?

– Обожди, дай мне квасу испить, – произнёс дед и слез с печи.

– Ты опомнился? – спросил Афоня.

– Опомнился, – ответил дед. – Пойдём сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

– Это я сам знаю! – протяжно сказал Афоня. – А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

– Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь – песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

– Нет, дедушка Тит, – сказал Афоня. – Тут понятного нету.

– Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся.

Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

– А трава и рожь тоже главное делают? – спросил Афоня.

– Одинаково, – сказал дедушка Тит.

– А мы с тобой?

– И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

– Теперь я сам знаю про всё! – сказал Афоня. – Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

– Спасибо тебе, Афонюшка, – сказал дед. – А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

– Не сказывали, – ответил Афоня. – Ты вон сколько живёшь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

– Правда твоя, – согласился дед.

– Они молча живут, надо у них допытаться, – сказал Афоня. – Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил голову внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

ЕЩЁ МАМА

– А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! – сказал Артём своей матери, Евдокии Алексеевне. – Правда, мама?

– Правда, правда, – ответила мать. – Чего тебе ходить!

– Чего мне ходить? Нечего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

– Не надо, – сказала мать, – не надо!

А когда прошло лето и стало Артёму семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артём хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из её руки; рука у матери теперь была твёрдая, а прежде была мягкая.

– Ну что ж! – сказал Артём. – Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

– Скоро, скоро, – ответила мать. – Поучишься чуть-чуть и домой пойдёшь.

– Я чуть-чуть, – соглашался Артём. – А ты по мне дома не скучай!

– Не буду, сынок, я не буду скучать.

– Нет, ты немножко скучай, – сказал Артём. – Так лучше тебе будет, – а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

– А я тебя ждать буду, – сказала мать, – я тебе оладьев нынче испеку.

– Ты будешь ждать меня? – обрадовался Артём. – Тебе ждать не дожидаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дожидайся!

– Да уж ладно! – засмеялась мать Артёма. – Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

– Ты дыши и терпи, тогда не помрёшь, – сказал Артём. – Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показывала

ла сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа, её целое лето строили, а за школой начинался тёмный лиственный лес. До школы отсюда ещё было далеко, до неё протянулся долгий порядок домов, дворов десять или одиннадцать.

– А теперь ступай один, – сказала мать. – Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

– А то будто! Вон она!

– Ну иди, иди, Артёмушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артём задумался.

– Нету, она за тебя не будет, – тихо произнес Артём, – она чужая.

– Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артёма в лоб, и он пошёл далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артёму хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошёл вперёд, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артёма, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артём снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако её уже не было видно.

И пошёл он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крикнул и защемил клювом штанину у Артёма, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артём рванулся прочь и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы, – решил Артём, – они живут вместе с орлами!»

На другом дворе были открыты ворота. Артём увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями; животное стояло к Артёму хвостом, но всё равно оно было сердитое и видело его.

«Ктой-то это? – подумал Артём. – Волк, что ли?» Артём оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, – не видать ли её там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, – это

хорошо, волк её не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артёма пасть с зубами.

Артём узнал собаку Жучку.

– Жучка, это ты?

– Р-р-р! – ответила собака-волк.

– Тронь только! – сказал Артём. – Ты только троны! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она – виднеется!

– Ммм, – смирно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

– Эх, далече ещё до школы! – вздохнул Артём и пошёл дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артёма по щеке, словно вонзился в неё, и тут же вышел вон обратно.

– Это ктой-то ещё? – напугался было Артём. – Ты чего дерёшься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик – ты видишь!

Он поглядел вокруг, а никого не было, один ветер шумел павшими листьями.

– Спрятался? – сказал Артём. – Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артём поднял его, потом положил на лопух.

– Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет!

Сказавши так, Артём побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: «Ффур-фурчи!»

– Не трожь меня: мне некогда! – ответил Артём и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артём не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артём не понимал, что они говорили.

– А ты знаешь жирный шрифт? Ого! – сказал мальчик из другой деревни.

А ещё двое говорили:

– Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

– А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

– Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелёта проходили.

«А я ничего не знаю, – подумал Артём, – я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлинария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

– Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне.

Все ребята пошли в школу, один Артём остался во дворе. Аполлинария Николаевна подошла к нему:

– А ты чего? Оробел, что ли?

– Я к маме хочу, – сказал Артём и закрыл лицо рукавом. – Отведи меня скорее ко двору.

– Нет уж, нет! – ответила учительница. – В школе я тебе мама!

Она взяла Артёма под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артём исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, – она была лицом белая, добрая, глаза её весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от неё так же, как от матери, тёплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела было посадить Артёма за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошёл с рук. Аполлинария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артёма оставила у себя на коленях.

– Эх ты, селезень толстый какой на коленях сидит! – сказал один мальчик.

– Я не толстый! – ответил Артём. – Это меня орёл укусил, я раненый.

Он сошёл с коленей учительницы и сел за парту.

– Где? – спросила учительница. – Где твоя рана? Покажи-ка её, покажи!

– А вот тут! – Артём показал ногу, где гусак его защемил.

Учительница оглядела ногу.

– До конца урока доживёшь?

– Доживу, – обещал Артём.

Артём не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далёкое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь, – вот бабушка Дарья весною враз померла – не чаяли не гадали. А может быть, изба их без него

загорелась, ведь Артём давно из дома ушёл, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

– А ты чего, Федотов Артём, – ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

– Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

– Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь.

– Без меня потушат? – спросил Артём.

– Без тебя управятся.

После урока Артём первым побежал домой.

– Подожди, подожди, – сказала Аполлинария Николаевна. – Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

– Эх, какой – инвалид, а бегают!

Артём остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлинарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто – хорошо.

Аполлинария Николаевна посадила Артёма на стул, обмыла его ногу тёплой водой из таза и перевязала красное пятнышко – щипок гусака – белой марлей.

– А мама твоя будет горевать! – сказала Аполлинария Николаевна. – Вот горевать будет!

– Не будет! – ответил Артём. – Она олады печёт!

– Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артём в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошёл учиться – значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

– И правда! – испугался Артём.

– Правда. Давай сейчас учиться.

– Чуть-чуть только, – сказал Артём.

– Ладно уж: чуть-чуть, – согласилась учительница. – Ну, иди сюда, раненый.

Она подняла его к себе на руки и понесла в класс. Артём боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле

матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», – подумал Артём.

В классе Аполлинария Николаевна написала на доске одно слово и сказала:

– Так пишется слово «мама». – И велела писать эти буквы в тетрадь.

– А это про мою маму? – спросил Артём.

– Про твою.

Тогда Артём старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артём писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

– Ты молодец! – сказала Аполлинария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артём сумел написать буквы хорошо и ровно.

– Ещё учи! – попросил Артём. – Какая это буква: вот такая – ручки в бочки?

– Это Ф, – сказала Аполлинария Николаевна.

– А жирный шрифт – что?

– А это такие вот толстые буквы.

– Кормлёные? – спросил Артём. – Больше не будешь учить – нечему?

– Как так – «нечему»? Ишь ты какой! – сказала учительница. – Пиши ещё!

Она написала на доске: «Родина».

Артём стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!», – а потом ещё раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!».

И Артём увидел в окне чёрную голову быка. Бык глянул на Артёма одним кровавым глазом и пошёл к школе.

– Мама! – закричал Артём.

Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

– Не бойся! – сказала она. – Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

– У-у-у! – прогудел бык.

Артём обхватил руками шею Аполлинарии Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

– Я прогоню быка.

Артём не поверил.

– Да. А ты не мама!

– Мама... Сейчас я тебе мама!

– Ты ещё мама? Там мама, а ты ещё, ты тут.

– Я ещё. Я тебе ещё мама!

В классную комнату вошёл старик с кнутом, запylённый землей; он поклонился и сказал:

– Здравствуйте, хозяева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была...

– А вы кто, вы чьи? – спросила Аполлинария Николаевна.

– Мы дальние, – ответил старик. – Мы скрозь идём вперёд, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

– Они вот детей могут изувечить, ваши быки! – сказала Аполлинария Николаевна.

– Ещё чего! – обиделся старик. – А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипячёной воды – он полбака выпил, – вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артёму. «Ешь, – сказал, – точи зубы» – и ушёл.

– А ещё у меня есть ещё мамы? – спросил Артём. – Далеко-далеко где-нибудь?

– Есть, – ответила учительница. – Их много у тебя.

– А зачем много?

– А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина – ещё мама тебе.

Вскоре Артём пошёл домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

– Куда ты? Рано ещё, – сказала мать.

– Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! – ответил Артём.

– Ну что ж, что учительница. Она добрая.

– Она, должно, уже соскучилась, – сказал Артём. – Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорожку.

– Ну иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

Сергей Комаров

Публицист, катехизатор. Ведущий радиопрограмм на радио «Радонеж», постоянный автор газеты «Радонеж», член жюри фестиваля «Радонеж». Автор книг «Всегда ищите добра», «Библия и жизнь» (в соавторстве с прот. Андреем Ткачёвым).

Постоянный автор порталов «Православие», «Взгляд», «Правлайф» и «Церковная Православная Газета» (издание Киево-Печерской лавры), белорусского журнала «Поколение».

БОЖЬЯ ЛОВУШКА

Эта история произошла в 1990-х годах в Запорожской области. Пересказываю её так, как услышал. Некоторые недостающие детали описываю, как они могли бы иметь место. Да и суть рассказа не в деталях, а в непостижимом Промысле Божиим, который приводит человека к Богу такими удивительными путями.

Про Ивана Петровича знакомые так и говорили: «наш дачник». Без дачи его не мыслили. Да и сам Иван Петрович себя без неё не представлял.

Дачу он начал обустраивать ещё до выхода на пенсию. Купил за городом семь соток земли со стареньким домиком, сараем и погребом. Сделал в домике небогатый, но качественный ремонт. Посадил на земле картошку, помидоры, клубнику, малину, лук, несколько деревьев. Заштукатурил погреб, привёл в порядок помещение над ним. Со временем подвал наполнился банками: хозяин увлекался домашним консервированием.

Иван Петрович отдыхал на даче телом и душой. Когда ещё ходил на работу, на выходных всегда приезжал туда – заниматься обустройством своей «фазенды», как он шутливо выражался. Знакомым говорил, что готовит себе уголок на старость, и действительно мечтал переехать со временем «на природу».

Когда Иван Петрович вышел на пенсию, родные и друзья совсем перестали видеть его в городе летом, весной и ранней осенью. Всё время пенсионер проводил на даче. С наступлением холодов он возвращался в тёплую городскую квартиру, но сильно скучал по своим загородным владениям.

Раз в неделю он всё-таки наведывался на дачу, несмотря на протесты супруги. Растапливал печь, варил себе чай, подметал двор и прогуливался по огороду, ходил посмотреть на замёрзшую реку. Иногда рыбачил на льду. Вечером, умиротворённый, возвращался домой.

Но этой зимой безмятежные будни Ивана Петровича оказались потревожены.

В дачном поселении завелся вор. За несколько недель он побывал почти во всех домиках. Ломал замки или разбивал окна и выносил всё, что представляло хоть какую-то ценность: инвентарь, картошку из погребов и даже банки с заготовками на зиму.

Не минула эта печальная участь и «фазенду» Ивана Петровича. Грабитель залез через окно в домик, украл электрочайник и, не найдя ничего больше, проник в подвал. В результате пропало несколько банок с вареньем, сумка с картошкой, бутылка вишнёвой наливки.

Когда Иван Петрович обнаружил следы вора, самое неприятное ощущалось даже не в исчезновении чайника и продуктов, а в том, что здесь ходил и хозяйничал другой человек. Привычное и любимое жилище словно осквернилось. Как будто некоторое кошунство произошло в этом заветном уголке, который принадлежал сердцу пенсионера.

Преступник мог вернуться. В погребе оставалось ещё много еды. Иван Петрович стал думать, что делать дальше.

Надо сказать, что Иван Петрович слыл человеком практического склада ума, имел золотые руки. Образование инженера сочеталось в нём с природной острой смекалкой. В жизни часто пришлось сталкиваться со стройкой и ремонтами. Увлекался изобретательством, в молодости даже получил патент на несколько своих оригинальных изобретений в строительной сфере. Уж кто-кто, а он на выдумки был горазд.

Пока Иван Петрович думал, вор снова наведалься. В этот раз в домик он даже не заходил – его интересовал только подвал. Новый замок на двери сарая он сбил молотком. После этого визита хозяин дачи недо считался трети всех продуктов.

Срочно нужно было что-то предпринимать. Продумав разные варианты, Иван Петрович наконец решил применить механизм, которым пользовался уже когда-то один его приятель. Сложного ничего, а поимка вора гарантирована. Не нужны ни полиция, ни собака, ни камеры наблюдения. Всё должен сделать механизм.

Принцип его действия был такой. Вор подходит к сараю, внутри которого находится вход в погреб. Двери в сарай закрыты, но жулик легко открывает их. Дальше его ждут ещё одни двери, ведущие прямо в подвал.

Они оставляются открытыми. Злоумышленник спускается в подземелье по ступенькам. На одной из ступенек располагается незаметная клавиша, которая закрывает двери погреба. Преступник неминуемо наступает на неё – и закрывает за собой двери. Они захлопываются у него за спиной очень быстро, и открыть их можно уже только снаружи. Таким образом, грабитель оказывается в тёмной подземной ловушке и находится там до тех пор, пока не придёт хозяин.

Два дня ушло на подготовку материалов, ещё два – на установку механизма. Одну ночь Ивану Петровичу пришлось провести на холодной даче. Домой приехал простывшим. Сказались недосып и напряжение последних дней: Иван Петрович серьёзно заболел и провёл в постели три недели.

Всё это время он не переставал думать о даче и воре. А что если преступник уже пойман и оказался в подземном мешке? А вдруг он попался сразу после установки ловушки? За три недели можно с ума сойти в тёмном погребе. А можно и умереть. Иван Петрович представлял себе, как он входит в погреб и видит скорченный труп, – и ужасался... Впрочем, он тут же говорил себе: «Вору – воровская участь». И немного успокаивался. Но потом опять начинал волноваться.

Он несколько раз порывался встать с постели и поехать на дачу – но бдительная супруга Вероника Львовна наотрез отказалась выпускать его до полного выздоровления.

Наконец настал день, когда Иван Петрович подошёл к своему загородному домику.

План наш герой разработал такой: если механизм сработал и видно, что преступник внутри, Иван Петрович звонит в полицию и ждёт прибытия стражей порядка. А вот что они потом увидят в подвале – об этом пенсионер избегал думать. Больше всего на свете ему сейчас хотелось увидеть нетронутые двери сарая.

Стараясь двигаться бесшумно, Иван Петрович приблизился к помещению, в котором находился погреб. Сердце колотилось, даже температура поднялась от волнения.

Двери в сарай оказались открытыми. Рядом валялся сорванный замок.

У Ивана Петровича перехватило дыхание и пересохло во рту. Ноги стали как бы не свои. Хотя Иван Петрович и готовился к такому развитию событий, но всё равно пришёл в сильное волнение. Он подошёл к входу и заглянул вглубь сарая. Солнечный луч ударил в монолитную поверхность захлопнутых дверей.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений: ловушка сработала, грабители находились в клетке. Как давно это случилось, трудно было судить. Пенсионер поднёс ухо к дверям и прислушался. Никаких звуков.

Непослушными руками он набрал номер полиции. Затем постоял немного возле входа в погреб и пошёл в домик ждать стражей порядка.

В доме он не мог делать ничего другого, как сидеть возле окна и смотреть на взломанные двери сарая. В жизни многое пришлось повидать, но разбойников он никогда ещё не ловил. Сколько их там? Как долго они там сидят? Живы ли они? А вдруг они окажут серьёзное сопротивление? Вдруг будут стрелять? Какие вообще лица у таких людей?

Полицейские приехали через полчаса. Наступил самый острый момент всей истории. Иван Петрович открыл двери в погреб, и полицейские ступили во тьму, освещая себе путь фонариками. Иван Петрович следовал за ними. Через несколько мгновений они оказались в подвале. Зрелище, которое они увидели, потрясло всех.

Преступник оказался один. Он сидел на лежанке, сконструированной из досок, которые он вытащил из полок. На деревянном ложе располагалась подстилка из каких-то грязных тряпок. Грабитель обернул себя старыми мешками из-под лука и картошки – видно, спасался от холода. Он сидел спокойно, не шелохнувшись. Полицейские направили на бандита фонарики и молча рассматривали его с минуты.

Худое лицо, заросшее щетиной. Ровный, как бы остановившийся взгляд. Короткие

волосы, залысина. Парню было лет 30-35, не больше.

От вора исходил острый неприятный запах. Впрочем, не только от него. Вокруг импровизированной кровати стояли банки из-под закаток, полные зловонной жидкости. Очевидно, злоумышленник съедал консервацию одну за другой, а банки использовал как туалет. Видно было, что просидел он здесь долго – наверное, все три недели.

Полицейские надели на парня наручники и вывели на улицу. Шёл он еле-еле. Иван Петрович смотрел, как его усаживали в полицейскую машину. Затем автомобиль укатил, а Иван Петрович пошёл наводить порядок в погребе.

Через время вора судили и приговорили к трём годам колонии общего режима. Больше о нём Иван Петрович не знал ничего да и не интересовался. Кражи в дачном посёлке с тех пор прекратились.

Прошло десять лет.

Жив ли Иван Петрович? Жив. И даже крепко, несмотря на преклонные годы. И даже ездит на любимую дачу. А вот его верная супруга Вероника Львовна теперь серьёзно больна. У неё рак.

Недавно она прошла курс химиотерапии. Результаты пока непонятны. Ситуация, как говорится, «зависла». И в этой неопределённости Вероника Львовна решила обратиться к Тому, к Кому обращаются все, кто попадал в подобное жизненное испытание, – к Богу. Стала молиться, ходить в храм. Кто-то из священников посоветовал ей съездить на богомолье в известный монастырь неподалёку. Вероника Львовна уговорила мужа отвезти её в обитель.

Иван Петрович не перечил больной супруге, хотя сам к религии относился недоверчиво. Сопровождать жену он согласился, а вот пойти вместе с ней на исповедь отказался. На это ему не хватало веры.

Когда Иван Петрович сидел на лавочке в притворе храма и ждал Веронику Львовну, мимо него прошел какой-то монах. Он

скользнул взглядом по Ивану Петровичу, прошагал ещё немного вперёд, остановился, обернулся и вдруг направился прямо к нему. Черты его лица показались знакомы Ивану Петровичу.

– Здравствуйте. Вы ведь Иван Петрович? – спросил монах.

– Здравствуйте. Да...

– Вы меня не узнаете?

– Простите, нет.

– Конечно, ведь столько лет прошло. Я – тот вор, которого вы поймали в своём погребе десять лет назад. А я вот вас сразу узнал. Ваше лицо мне как-то запомнилось.

Иван Петрович оторопел. Он даже сделал шаг назад от неожиданности. Во все глаза он принялся рассматривать монаха. Да, это был дачный вор. Теперь Иван Петрович узнал его. Тот же взгляд, то же худощавое лицо, теперь уже обрамлённое бородой. Пенсионер смотрел на монаха с некоторым страхом, а тот на него – радостно и с улыбкой. Монах сел рядом.

– Вы знаете, я вас хочу поблагодарить.

– Меня? За что?

– За ваш погреб и вашу ловушку. Я ведь за те три недели в подземелье очень много всего передумал. Ваш подвал меня сильно поменял, я из него вышел совсем другим человеком, решил жизнь свою полностью перестроить.

Иван Петрович заинтересованно посмотрел на монаха. Тот продолжал:

– Помню, в каком ужасе я был, что меня поймали. Я понимал, что могу умереть голодной смертью в этом жутком погребе. Сначала я разрабатывал такой план, чтобы непременно вырваться, когда за мной придут. Или, например, притвориться мёртвым или при смерти больным, а потом убежать. А затем пришли совсем другие мысли. Вот допустим, я убегу – а дальше что? Те же «ходки», всё то же самое? В чём смысл такой жизни? И в чём смысл жизни вообще?

Я плакал о себе, о своей загубленной судьбе, о своём прошлом. Плакал о том, что я дошёл до того, что сижу сейчас в сыром тесном погребе, ем чужую еду из банки,

а потом испражняюсь туда. Плакал о том, что, может быть, погибну здесь.

Тогда я впервые призвал имя Божие. И Он услышал меня и отозвался – и пришёл ко мне. Я живо ощутил Его присутствие и стал молиться Ему жарко, всем сердцем. И Он наполнил меня всего – меня, преступника и безбожника, жалкого вора. Мне стало так тепло, и так радостно, и так мирно, что я даже не боялся уже умереть в этом подземелье. Я знал, что если умру, то со Христом. А если выйду отсюда – то уже всегда буду с Ним.

Это всё было неожиданно, я никогда ничего подобного не переживал в своей жизни.

И Господь помиловал меня, я вышел. Чувство близости Бога не покидало меня и на суде, и в тюрьме, и в монастыре, куда я решил идти после освобождения. После я многократно терял это ощущение Бога, на то были свои причины... Но Он не оставлял меня. Теперь я тут и не перестаю благодарить Всевышнего за вашу ловушку и погреб. Впрочем, это была не ваша ловушка – это была Божья ловушка.

Иван Петрович с изумлением смотрел на него. Он искренне был поражён. Вообще Иван Петрович впервые сталкивался с историей, которая имела отношение к религии и касалась лично его.

Монах с улыбкой продолжал:

– Я и за вас молился много, и за супругу вашу, которую в суде видел. И вот как Господь решил: в монастыре я вас и встретил. Вы на исповедь и Причастие приехали?

– Да... То есть нет... Моя жена очень больна. Я привёз её помолиться.

– А вы что же?

– А я... Я не знаю... Я не очень-то верующий...

– Понимаю...

– Да...

– Но вы всё же подумайте, Иван Петрович. Вот ведь Господь как приводит нас к Себе – через такие удивительные жизненные повороты! И, может быть, выздоровление вашей супруги теперь зависит от вас –

от вашего усилия веры, от вашей молитвы.

В лице Ивана Петровича что-то дрогнуло.

– Батюшка... помолитесь за неё.

– Обязательно помолюсь. Но ваша молитва в данном случае сильнее моей. Потому что вы – самый близкий ей человек. И вы любите свою жену куда больше, чем я – чужой вам человек. А молитва за другого – это действие любви. Настоящая молитва у того, кто сильно любит.

Иван Петрович и монах помолчали полминуты. Затем монах поднялся.

– Что ж, прощайте, Иван Петрович. Да поможет вам Господь. Приезжайте к нам в монастырь ещё. У нас и на неделю остановиться можно. Чем могу, помогу.

– Спасибо.

– Ну, с Богом.

– С Богом!

Монах поклонился Ивану Петровичу и исчез в алтаре. Хотя он был облачён в чёрные одежды, но показался Ивану Петровичу похожим на ангела. Пенсионер смотрел ему вслед. Вспомнился вдруг сидящий на досках вор, обмотанный мешками... Старик улыбнулся, слёзы показались у него на глазах.

Из глубины храма вышла Вероника Львовна.

– Ваня, можем идти. Я исповедалась, всенощная уже заканчивается.

– Подожди. Я тоже... хочу.

– Ты???

– Да.

– Что-то случилось?

– Да... случилось... Бог мне весточку прислал.

Оставив изумлённую жену на лавке, Иван Петрович вошёл в тёмную глубину храма.

Михаил Фатахов

*Сценарист, режиссёр и продюсер,
преподаватель киносценаристики,
режиссуры и продюсирования.*

НАКОРМИТЬ БОМЖА

Наслушавшись как-то от известного каскадёра Владимира Жарикова рассказов про то, как один американский режиссёр накормил бомжа, который под десерт вдруг разродился историей своей жизни, причём сделал это так удачно, что стал героем документального фильма этого самого режиссёра, решил я повторить успех коллеги и накормил бомжа.

Дело было так: день, ростикс на Маяковке. Около витрины стоит бомж и с вожделением смотрит, как посетители уплетают куриные ноги, запивая их пивом. Оглядевшись, бомж заходит в ростикс и начинает сканировать помещение в поисках объедков. На кассе кричат «свободная касса». Я быстро бегу к кассе, беру три куса курицы, большую коку, картофель фри, соус и присаживаюсь с подносом у окна.

Бомж очередной раз сканирует зал, задерживается у моего столика, смотрит на поднос.

– Есть хочешь? – спрашиваю я.

Бомж, на вид ему лет двадцать семь, молча кивает.

Ядвигаю поднос в его сторону.

Бомж садится за мой столик с другой стороны и начинает есть. Ест молча, не поднимая глаз. Просто поглощает еду, методично обсасывая кости и подъедая всё, что можно поджечь. Съев всё, бомж встает, берёт со стола недопитую колу и также молча уходит, не посмотрев в мою сторону. Ни длинного рассказа про свою тяжёлую жизнь, ни простого «спасибо», ни слова.

Сказать, что я был разочарован, значит, ничего не сказать.

Спустя что-то около года мне на глаза попадает статья про этого режиссёра, где написано про него и про его документальный фильм. Проект финансировала какая-то фастфудовская американская компания. У режиссёра, оказывается, была целая группа редакторов, которые в разных точках страны периодически кормили бомжей, некоторые из которых оказывались словоохотливы и что-то там говорили. У пяти-шести накормленных бомжей оказались интересные истории.

Про них режиссёр и снимал кино. Реально был смысл показывать только одну историю. Остальные оказались неинтересны.

В общем, накормили они около 2000 (двух тысяч) бомжей. И вроде бы конец истории. Но мы же не в Америке, а в России.

ЛЮДИ ВСТРЕЧАЮТСЯ НЕ СЛУЧАЙНО

Еду я в электричке Москва – Петушки. Входит бомж с Курского вокзала. Синяк синяком. Морда опухшая. На вид лет тридцать.

Оглядевшись, начинает:

– Граждане господа, три дня не ел. Честно. Воровать боюсь, потому что сил нет убежать. А есть очень хочется. Подайте кто сколько сможет. На лицо не смотрите, пью я. И то, что дадите, наверное, тоже пропью! – и пошёл по вагону.

Народ у нас добрый – быстро накидали бомжу рублей пятьсот.

В конце вагона бомж остановился, повернулся к пассажирам лицом, поклонился в ноги.

– Спасибо, граждане-господа. Дай вам всем Бог!

И тут вдруг сидящий у последнего окна злобного вида мужик, чем-то похожий на селекционера Лысенко, только в очках, вдруг как заорёт на бомжа:

– Мразь, гнида, побираешься, сука. Денег просишь. А мне, может, семью нечем кормить. А меня, может, уволили третьего дня. Но я вот не прошу, как ты, мразь.

Бомж вдруг достаёт из всех своих карманов всё, что у него есть, тысячи две, наверное, разными бумажками с мелочью, и протягивает мужику.

– На, возьми. Тебе надо.

– Что? – фонареет мужик.

– Возьми! Тебе нужнее! А мне ещё дадут.

Люди же добрые! – суёт деньги мужику в руки, отворачивается, распахивает двери и уходит в тамбур.

– Эй, стой! – вскакивает мужик и с деньгами в руках выбегает за бомжем в тамбур.

Весь вагон, не сговариваясь, замолчал. Минут пять мы все внимательно слушали диалог в тамбуре. Мужик кричал, что люди – дерьмо. Бомж уверял, что люди добры и прекрасны. Мужик пытался вернуть деньги бомжу, но тот обратно денег не брал. Кончилось всё тем, что бомж пошёл дальше, а мужик остался один. Возвращаться он не спешил.

Закурил сигарету.

Поезд остановился на очередной станции. Вышли и вошли пассажиры.

Мужик, докурив сигарету, тоже вошёл обратно в вагон и присел на своё место у окна. На него никто особо не обращал внимания. Вагон уже жил своей обычной жизнью. Поезд иногда останавливался. Кто-то выходил, кто-то входил. Проехали остановок пять. Вот уже и моя станция. Я встал и пошёл на выход. Проходя мимо мужика, я бросил на него беглый взгляд. Мужик сидел, отвернувшись к окну, и плакал.

Ольга Назарова
*Матушка Ольга Назарова, супруга
 отца Алексия Новикова († 2018),
 создателя и устроителя общины
 в с. Озерец Тверской области*

БОЛЬШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ МАЛЕНЬКОЙ МУХЕ

Раннее утро начала мая. Идут последние дни Светлой седмицы. В моём деревенском домике приятная свежесть и прохлада. Сон в предраусветные часы особенно крепок и сладок. Сквозь сон чувствую, как мою руку что-то щекочет. Муха! Маленькая мушка уже проснулась в какой-то щёлочке деревянного дома и спешит поделиться со мной радостью от рождающегося весеннего дня. Смахиваю её с руки, но через несколько секунд она садится почти на то же самое место. Приоткрываю глаза. На часах 4.30. Какая рань! Так хочется ещё хотя бы на часок нырнуть в манящий сон. Но в доме уже светло, и, даже не окончательно проснувшись, я понимаю, что настойчивая мушка вряд ли оставит меня в покое. И всё-таки я натягиваю на голову одеяло, стараясь убедить муху, что меня просто-напросто нет. Не успе-

ваю я упасть в мягкие и тёплые объятия сна, как бегущие по моему носу цепкие мушинные лапки бесспорно доказывают, что я обнаружена. Мои надежды на ещё один часок сладкой неги безжалостно разбиты. Надо вставать.

Встаю, одеваюсь, умываюсь и вместе со своей собакой Лапой выхожу из дома.

На улице по-утреннему зябко. Младенец-день укутан в мягкие пелёнки тумана. Они постепенно тают прямо на глазах в лучах восходящего солнца. Воздух наполнен разноголосым птичьим гомоном. Заливаются соловьи, скрипит коростель, на все лады тинькают и щебечут всевозможные пичуги, изредка кукует кукушка. Весь птичий мир славит Бога и благодарит за щедрый подарок – новый день. Потом, когда встанет солнышко и рассеется туман, птичьего пения

станет гораздо меньше, весь пернатый народец займётся насущными заботами: поиском еды, ремонтом и постройкой гнёзд. Но начинается день со славословия, вернее славопения Творцу.

Мне не хочется отставать от птиц, и я пою: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» Ввиду отсутствия вокальных талантов я редко отваживаюсь на пение вслух, поэтому Лапа удивлённо оглядывается на меня, но, видя, что ни ей, ни мне ничего не угрожает, деловито семенит по дороге.

А я начинаю вслух читать утреннее правило. Много лет читаемые молитвы на природном приволье звучат и отзываются в сердце совсем по-другому, чем дома. Невольно я обращаю внимание на то, как много в них радостных слов, как часто в молитвах упоминается пение, славословие и благодарность Богу. И получается, что я с птицами заодно. Только птицы каждый день поют славу нашему Творцу в полную силу, а я частенько просто бубню «утреннее правило», отвлекаясь мысленно на тысячу разных мелочей. У меня редко получается дивные слова молитв пропустить через своё сердце, чтобы словами святых, но не от их имени, а от себя, благодарить и славить Бога, ничего не выпрашивая у Него взамен.

Мы с Лапой идём по дороге, по которой много раз ходили с отцом Алексием. Грунтовка то мягко поднимается в горку, то спускается вниз, делает некрутые повороты. Вдоль дороги растут молодые берёзки, кусты козьей ивы (по-деревенски – бредины), поодаль кое-где темнеют маленькие ёлочки. Всё такое знакомое, неброское, но такое любимое и родное, как будто я здесь родилась и выросла.

Пока мы с Лапой проделали свой обычный маршрут до большака (магистральной грунтовой дороги, соединяющей основные деревни нашей округи) и обратно, младенец-день заметно подрос и превратился в удалого молодца, полного сил и энергии, готового переделать массу неотложных весенних дел. Пора и мне включаться в заботы и хлопоты.

Как известно, весенний день год кормит. В деревне эта народная мудрость и сейчас не устарела, и каждая минутка в погожий весенний денёк ой как дорога.

Но быть свидетельницей чуда рождения нового дня мне так понравилось, что с тех пор я стараюсь не пропустить рассвет.

В утренней тишине так хорошо замечать, как день ото дня меняется цвет неба, аромат воздуха. Нежный зелёный пух молодой листвы превращается в мощный океан зелени. Трава, в начале весны робко пробивающаяся сквозь саван прошлогодних стеблей, с каждым днём всё смелее тянется к свету и наконец встаёт труднопроходимой стеной. В зелёном ковре травы каждый день, сменяя друг друга, зажигаются и гаснут огоньки цветов. К августу яркость красок тускнеет, птичий хор заметно редее, по воздуху начинают лететь паутинки, а в пышных причёсках берёз появляются золотые пряди осенней седины. Нарядная пестрота золотой осени сменяется ровной охрой, а потом ветер-листождёр тщательно обрывает все листочки с деревьев и кустов, и природа замирает в ожидании зимы. Птичьего пения совсем не слышно. Рассветы становятся поздними, серыми. Всё чаще в окошко стучатся синички, напоминая, что пора насыпать семечки в кормушку, повешенную ещё отцом Алексием. А однажды утром, проснувшись, по необычному свету в доме угадываешь, что выпал первый снег. Посмотришь за окошко: действительно, всё белым-бело под лёгким снежным покрывалом. Днём, скорее всего, этот первый снег растает, но становится совершенно ясно: пришла зима. Зимой рассвета приходится ждать долго. Успеешь и печь истопить, и помолиться, и позавтракать, а свет всё никак не рассеет вязкую темноту зимней ночи. Лапа вся изведётся в ожидании прогулки. Включу ей свет на крыльчке, в саду: иди, побегай. Но одной ей неинтересно. Хочется гулять с хозяйкой по дороге, мчаться, размахивая, как крыльями, своими спаниельскими ушами, тыкаться носом в лисьи следы, пересекающие дорогу, и с лаем гоняться за синичками, слетающи-

ми с придорожных кустов. Но каждый день, каждый рассвет приближает нас к весне. В начале февраля день заметно прибавляется, рассветы становятся ультрамариновыми. Кстати, вы замечали, что в первой декаде февраля всегда бывает по-настоящему мартовский день: с ослепительным солнцем, ярко-голубым небом, капелью и звонким, весенним тиньканьем синиц? Будут ещё и морозы, и февральские метели, и хмурые, невесёлые зимние оттепели, но в сердце уже живёт радостная уверенность: скоро – весна.

Встречая день на рассвете и проводя его на закате, я открыла для себя всем известную истину: каждый день уникален, неповторим. Он, как и человек, сотворён Богом. Сотворён для человека. И как много у нас общего: мы рождаемся, достигаем рас-

цвета, зрелости, а потом неизбежно уходим в Вечность. Господь на Своей Божественной ладони каждое утро протягивает мне драгоценный дар – ещё один день жизни в сотворённом Им мире. И только от меня зависит, чем я наполню дарованный мне день: нужными делами или суетой и празднословием, радостью или недовольством, милосердием или осуждением, любовью к Богу и людям или неверием и подозрительностью. Только от меня зависит выбор между добром и злом. И от того, что я выберу сегодня, зависит, станет мир сегодня добрее и лучше или в нём приумножится зло.

Спасибо тебе, маленькая назойливая муха из майского утра, за множество прекрасных рассветов, которые я могла бы попросту бездарно проспать, если бы не ты.

Игумен Тихон (Борисов) *Скитоначальник Иоанно-Предтеченского Скита Свято-Введенской Оптиной Пустыни*

В мае рек берега хороши,
журавли возвращаются следом —
в космос русской смиренной глуши,
весь засыпанный яблоней снегом.
Я листаю себя не спеша.
Слиплись прошлого сны и страницы.
Вновь пытается вспомнить душа —
даты, годы, события, лица.
Все нескладно, негладко пока,
память сбои даёт почему-то.
Миг становится вросшим в века,
и столетий мелькают минуты.
То ли брачных одежд белизна,
то ли смертный сиреневый саван.
Немерцающе смотрят глаза
звёзд – в сияние будущей славы.
Я листаю себя, торопясь,
как дневник, как забытую повесть.
Дней прошедших жемчужная вязь
тормошит беспокойную совесть.
В мае рек берега хороши,
спят в ночи корабельные сосны.
Где-то спрятался в нашей глуши —
русский вечный загадочный космос...

Ветер рвёт паруса небоскрёба.
Тает снег, тот, что выпал вчера.
День – как новая в сердце дорога,
как несмелая проба пера.
Время блещет подделкой и стразами,
веткой сломанной мчится в реке.
Но не может быть мир одноразовым,
словно шприц наркомана в руке.
Из судьбы не получится вырвать —
ни строки, ни луча из окна.
На сандалиях – открытые дыры,
на плечах – пилигрима сума.
Жизнь трепещет улыбкой младенца,
и снежинки летят хрусталём.
Никуда от блаженства не деться,
что под русским мы небом живём.
Ветер рвёт паруса небоскрёба.
Я стою на пороге крыльца.
Жизнь – не крышка открытого гроба,
а любовь и любовь без конца...

Вся в строгой тайне тихая пустыня.
Белым-бело – за несколько часов,
и кружевами благородный иней
сковал наш пруд на ледяной засов.
Не видно звёзд, и небо стало куцом.
Один остался самый главный шаг.
И тянет руки, чтобы прикоснуться,
к Тебе кровотокающая душа.
Метель уснувший сад забинтовала.
Ложится снег на графику стволов.
В мгновение одно молчаньем стало
всё, что казалось сотканным из слов.
Напоминает время сердцу мудро:
чтоб жизнь была прекрасна и чиста —
день начинать вот так, как это утро,
снежинкой веры с чистого листа...

Человек на земле – скромный гость,
Пыльный путник, смешной и усталый,
И когда-то, как спелую гроздь,
Жизнь сорвут его с веточки алой...

В запечатанных тайнах любви,
Пред дорогой тугой и большою
Он является в мире на миг
С истончённой и нежной душою.

Его ранят жестокость и боль.
Его радует Божия милость.
Жизнь – истошный, мучительный вопль,
Жизнь – молитва, смирение и тихость...

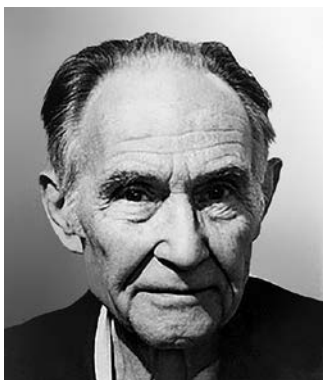
Надышавшись годами борьбы,
Выбрав диавола или Бога,
Робко мнётся он у порога
Своей Вечной хрустальной судьбы.

Все сомнения слёзы омоют.
Смерть забьёт свой решительный гвоздь.
Сердце плачет, смеётся и ноет...
Человек на земле – только гость...

День нанизан на ветки сирени,
словно жемчуг в небесном колье.
Родником бьёт в будильнике время
на моем захламлённом столе.
Здесь империя книжек и ручек.
Занавески колышется флаг,
и застенчивый солнечный лучик
бороздит океаны бумаг.
Ветер кротко страницы разгладит,
соловьёв партитура вокруг.
Майский жук проползет по тетради —
самый лучший и радостный друг.
Маяком засверкают лампы —
новых строчек, как взлётных полос,
и взметнётся над зеркалом сада
тихой радуги красочный мост.
Лампа светит лимонной луною.
В эту ночь не удастся заснуть,
и отправятся вместе со мною
сотни слов в неизведанный путь.
Взвешен день, как серебряный слиток,
звёзды жемчугом светят во мгле
над чернилами мною залитым
захламлённым любимом столе...

Скоро, скоро Твоё Воскресение.
Сердце дышит как мартовский лес.
Дай мне зрети мои согрешенья.
Дай мне силы нести этот крест.
До конца ничего не бывает:
ни любви, ни зимы, ни войны.
Снег последний за городом тает,
без сомнений и ложной вины.
Надоело всё взвешивать, мерить,
вслух оценивать: нет или да,
открывать бесконечные двери —
в опоздавшие снов поезда.
Скороходы весны, как на крыльях,
на сверхзвуковых ночных скоростях,
через тысячи жизненных милей
строчки писем несут второпях.
Ничего до конца не бывает:
ни молитв, ни пожатья руки.
Как всегда мне чуть-чуть не хватает
русской песни и русской тоски.
Скоро, скоро Твоё Воскресение.
В корабле ещё множество мест,
и прошу на коленях прощенья —
дай мне силы нести этот крест...

Все говорят, что в среду будет снег.
Промёрзший грунт встречает человека.
Душа свершает главный свой побег,
ждала которого три четверти от века.
Согнута парусом намоленная схема,
трепещут чётки огненным крылом.
От люльки и до гроба мимо
мелькает прошлое в мгновении одном.
Добыта сердцем слёзная руда,
любовью жизнь восторженно воспета.
Ты был солдат и человек труда,
с глазами схимника, ребёнка и поэта.
Все говорят, что в среду будет вьюга.
Наполнен колокол надеждой в этот час.
Ты кротко растерзал себя для друга,
даря частицу каждому из нас.
Клюют на паперти синицы корку хлеба,
ладони вверх вздымают тополя.
И ждёт тебя торжественное Небо,
а не промёрзшая усталая земля...

Леонид Успенский

8 августа 1902 – 12 декабря 1987.

*Русский иконописец,
богослов, искусствовед,
автор концепции «богословия иконы».*

БОГОСЛОВИЕ ИКОНЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Православная Церковь обладает бесценным сокровищем не только в области богослужения и святоотеческих творений, но также и в области церковного искусства. Как известно, почитание святых икон играет в Церкви очень большую роль, потому что икона есть нечто гораздо большее, чем просто образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, она – полное ему соответствие, предмет, органически входящий в богослужebную жизнь. Этим объясняется то значение, которое Церковь придаёт иконе, то есть не всякому вообще изображению, а тому специфическому образу, который она сама выработала в течение своей истории, в борьбе против язычества и ересей, тому образу, за который она, в иконоборческий период, заплатила кровью сонма мучеников и исповедников, – православной иконе. В иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение Православия в его целом, Православия как такового. Поэтому ни понять, ни объяснить церковное искусство вне Церкви и её жизни невозможно.

Икона, как образ священный, есть одно из проявлений церковного Предания, наравне с Преданием записанным и Преданием устным. Почитание икон Спасителя, Богоматери, Ангелов и святых есть догмат христианской веры, сформулированный Седьмым Вселенским Собором, – догмат, который вытекает из основного исповедания Церкви – вочеловечения Сына Божия. Его икона является свидетель-

ством истинного, а не призрачного Его воплощения. Поэтому иконы справедливо называются часто «богословием в красках». Об этом Церковь постоянно напоминает нам в своём богослужении. Более всего раскрывают смысл образа каноны и стихиры праздников, посвящённых различным иконам (как, например, Нерукотворному Спасу, 29 (16 ст. ст.) августа), особенно же служба Торжества Православия. Отсюда понятно, что изучение содержания и смысла иконы есть предмет богословский, так же как изучение Священного Писания. Православная Церковь всегда боролась против обмирщения церковного искусства. Голосом своих Соборов, святителей и верующих мирян она защищала его от проникновения чуждых ему элементов, свойственных искусству мирскому. Нельзя забывать, что как мысль в религиозной области не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания. Поэтому нельзя считать непогрешимым авторитетом всякий образ, даже если он очень древний и очень красивый, а тем менее – если он создан в эпоху упадка, вроде нашей. Такой образ может соответствовать учению Церкви, а может и не соответствовать, может вводить в заблуждение, вместо того чтобы наставлять. Другими словами, учение Церкви может быть искажено образом так же, как и словом. Поэтому Церковь всегда боролась не за художественное качество своего искусства, а за его подлинность, не за его красоту, а за его правду.

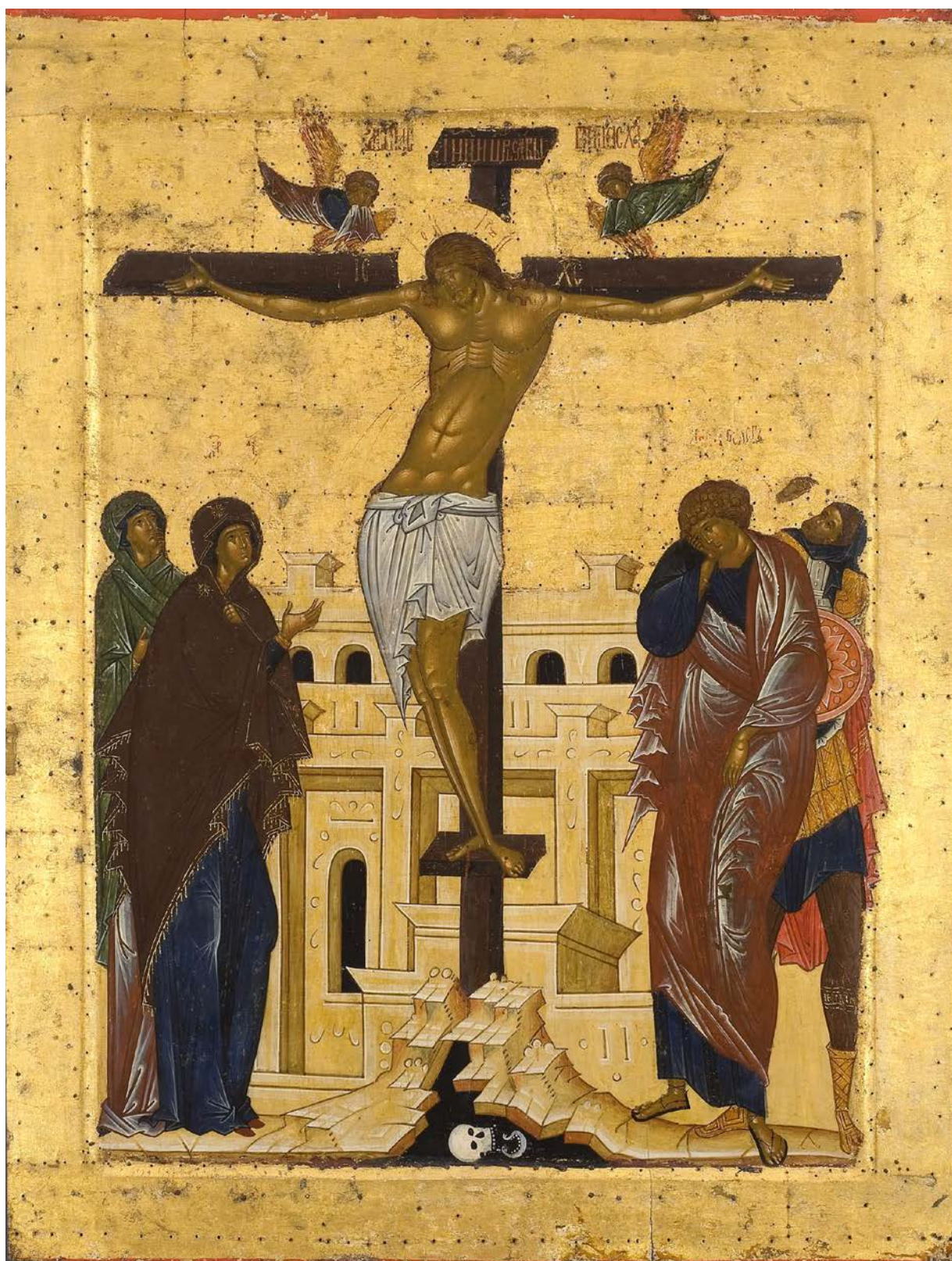
Троица. Преподобный Андрей Рублёв. Около 1410 года.

*Спас. Центральная часть иконописного деисуса из Звенигорода.
Преподобный Андрей Рублёв. Начало XV века.*

Спас Нерукотворный. Новгород. Вторая половина XII века.

Распятие. Около 1497 года.

Преображение. Феофан Грек. Около 1403 г.

Благовещение. Начало XIV века. Охрид, церковь св. Климента.

Богоматерь Владимирская. Первая треть XII века.

Богоматерь Великая Панагия. Ярославль. Начало XIII века.

Архангел Михаил. Преподобный Андрей Рублёв. Начало XV века.

«Ангел Златые власы». Вторая половина XII века.

Апостол Павел. Преподобный Андрей Рублёв. 1410-е годы.

Святитель Николай. Середина XIII века.

Чудо Георгия о змие. Новгород. Первая половина XV века.

Мученики Борис и Глеб на конях. Середина XIV века.

Чудо о Флоре и Лавре. Новгород. Конец XV века.

Сошествие во ад. Около 1497 года.